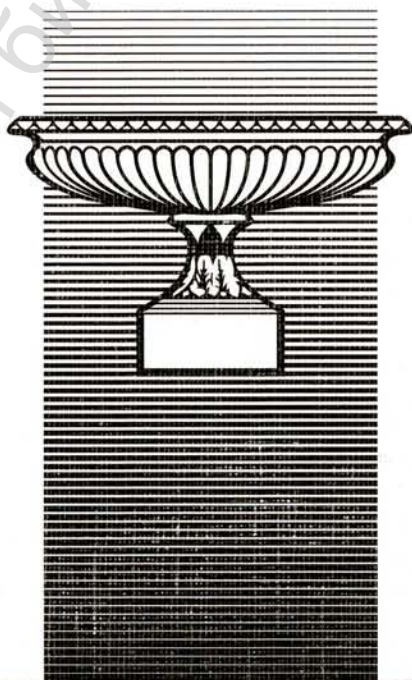

АЛТАЙ

3/2013

Электронная библиотека АКУНЬ, eib@akunb.ru

Художник Юлия Никитюк

Исаакиевский собор в С-Петербурге

Дождь в Барнауле

Издается с 1947 г.

А

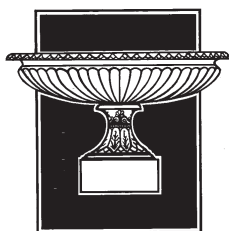
Л

Т

А

И

МАЙ

ИЮНЬ

3/2013

*Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал*

Главный редактор -
Станислав ВТОРУШИН

Редакционная коллегия:

Елена БЕЗРУКОВА

Ольга ГРИШКО -
редактор отдела прозы

Анатолий КИРИЛИН

Евгения КЛИНК -
редактор отдела поэзии

Юрий КОЗЛОВ

Иван МОРДОВИН

Юлия НИФОНТОВА

Александр РОДИОНОВ

Константин ФИЛАТОВ -
редактор отдела
публицистики

Владимир ШНАЙДЕР

Оформление
Александра
КАЛЬМУЦКОГО

Технический редактор
Галина ЗАРКОВА

Компьютерный набор
и верстка
Наталья АЛЕКСЕЕВА

Учредитель:
Краевое автономное учреждение
«Алтайский дом литераторов»

Адрес редакции и издателя:
656043, г. Барнаул,
ул. Короленко, 105
Тел. 65-82-43
E-mail: juraltai@rambler.ru
© «Алтай», № 3-2013

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

- Людмила КОЗЛОВА. Иван Иванович, Владимир Ладими-
рович и Тейтаро Судзуки. *Повседневный роман* 3
Владимир КУНИЦЫН. Ведьма. *Повесть* 19
Александр КРАМЕР. Рассказы (Таракан. Уттарасанга) 48
Галина ПЛУЖНИКОВА. Наталка. *Рассказ* 58
Борис ПУТИЛОВ. Пест лохматый. *Рассказ* 62
Лев МАЛИНОВСКИЙ. Гололед. *Рассказ* 67
Виталий СЕРОКЛИНОВ. Прищепка. *Рассказ* 75

Поэзия

- Антология поэзии Алтая (Марианна КОЛОСОВА, Марк
ЮДАЛЕВИЧ, Иван ФРОЛОВ, Александр ГУСЕВ,
Виталий ШЕВЧЕНКО, Борис КАУРОВ, Владимир
СЕРГЕЕВ, Вильям ОЗОЛИН, Леонид МЕРЗЛИКИН,
Игорь ПАНТЮХОВ, Дмитрий ШАРАБАРИН, Георгий
РЯБЧЕНКО, Владимир КОСАРЕЦКИЙ, Николай
ЧЕРКАСОВ, Ольга ГРИШКО, Василий НЕЧУНАЕВ,
Владимир КАЗАКОВ, Геннадий ПАНОВ, Виктор
БРЮХОВЕЦКИЙ, Владимир БАШУНОВ, Владимир
КОРЖОВ, Станислав ЯНЕНКО, Иван ЖДАНОВ,
Людмила КОЗЛОВА, Борис КАПУСТИН, Иван МОР-
ДОВИН, Надежда БАЛАКИРЕВА, Галина КОЛЕСНИ-
КОВА, Наталья НИКОЛЕНКО, Сергей КЛЮШНИКОВ,
Ольга КАЗАКОВЦЕВА, Александр ЗУЕВ, Ольга РО-
ДИОНОВА, Ольга ТАКМАКОВА, Константин ФИЛА-
ТОВ, Юлия НИФОНТОВА, Наталья НИКОЛЕНКОВА,
Валерия ИВАНОВА, Людмила СВИРСКАЯ, Ольга
СКВОРЦОВА, Елена БЕЗРУКОВА, Татьяна БАЙМУН-
ДУЗОВА, Антон РОДИОНОВ, Евгения КЛИНК, Алек-
сандра МАЛЫГИНА). *Стихи* 78

Очерк. Публицистика

- Александр КУЗЬМИН. Путешествие за два океана 123
Александр КОРОЛЬКОВ. Духовный смысл русской
идеи 146
Галина УЛЬЯНОВА. «На краю обрыва...» 152
Алексей КОБЕЛЕВ. И в Сибири яблони цветут 162
Владимир ЦВЕТКОВ. Алтайский светильник правосла-
вия 167

Наши вернисаж

- Татьяна ГУЩИНА. Не Золушка, а Волшебница 172

Подписано к печати 23.04.2013 г. Формат 70x108/16. Бумага офсет-
ная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 15,12. Печать офсетная. Тираж
1600 экз. Заказ 3098. Цена в розницу договорная.

ОАО «ИПП «Алтай». 656043, г. Барнаул, ул. Короленко, 105.

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ТУ22-0339 от 31 мая 2012 г., выданное Управлением Феде-
ральной службы по надзору в сфере связи, информационных тех-
нологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в пере-
писку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За досто-
верность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их
мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Людмила КОЗЛОВА

Людмила Козлова родилась в г. Никольске Вологодской области, закончила Томский государственный университет, аспирантуру, кандидат химических наук, автор тринадцати книг поэзии и прозы. Лауреат краевых литературных премий им. В.М. Шукшина, им. Л.С. Мерзликина, литературной премии Славянского общества и Международного литературного конкурса им. Сергея Михалкова (2008 г.), лауреат Алтайского края в области литературы (2010 г.).

Член Союза писателей России.
Живет в Бийске.

**ИВАН ИВАНОВИЧ
И ТЕЙТАРО СУДЗУКИ**

Повседневный роман

Глава 1. Эх, хорошо!

Фосфорическим размытым заревом летела в зенит луна. Слегка поху-девшая с правого бока напоминала ночная скиталица гнутый пятак. Новый год канонадой грохотал на кипящих улицах - китайские фейерверки взрывали небо над городом. Праздник, похожий на судорогу заблудшего организма, поразил планету - только что закончился очередной круг слепого бега по эклиптике.

Радость распирала Ивана Ивановича от осознания глобального факта.

- Как же, как же! - рассуждал примерный гражданин. - Это ведь важнейшее событие - Новый год. Праздновать - и никаких других вариантов! Как я рад! Подумать только - завтра начнется совершенно новая жизнь! Страшно даже предположить, как оно все было бы без Нового года.

И тут по подлости собственного мыслительного аппарата Иван Иванович споткнулся, как-то замер, скукожился и заскучал. Продолжал старательно закачивать радость, заполнять ею вместительный сосуд мозга, но уже кто-то, из какого-то закорюченного закоулка, шептал: «Дурак, чему ты рад?» А тут еще некто умный, из другого закоулка, спохватился: «И впрямь, дурак!» Да так и привязалось словечко.

Иван Иванович временами как бы оправдывался перед этими двумя: «Дурак, так ведь и поделом! Допустил бесов в дом, теперь терпи!» А каких бесов, в какой дом - то ли имел в виду себя, то ли дом свой, а, может, даже и всю страну? Поди, спроси, ведь Иван Иванович давно уже скрылся за железной дверью своей «хрущевки». Небось, сидит себе на кухне, попивает чай с сухариками - празднует Новый год.

Глава 2. Люблю!

Иван Иванович любил слушать радио, особенно «Маяк». Новости каждые полчаса - вот что интересовало больше всего. Так прямо и говорил: «Люблю!». Понимал, очень даже понимал, кулинарные шоу и программы о здоровье на ТВ-каналах - важнее. Но ничего с собой поделывать не мог - новости подавай, и все тут! Пусть даже и в ущерб здоровью!

Вот, оказывается, хотя и некстати, сразу после праздника (а даже и до него - еще более некстати!), тысячи граждан то в Туве, то в Бурятии, а то и в самом Нижнем Новгороде, переживали Новый год на морозе. Трубы (чтоб их!) лопнули.

Ну, как тут не полюбить новости, ведь люди нуждаются в помощи! А кто им поможет, кроме Ивана Ивановича?! Он так расстроился, так проникся бедой сограждан, что тут же побежал и перевел в фонд катастроф свои последние сто рублей.

- Два дня перебыюсь овсянкой! - рассудил Иван Иванович. - А там уже и зарплата недалеко!

Но про себя, тайно, все-таки подумал: «А ведь я герой!»

Глава 3. Ванька

Слушал Иван Иванович любимые передачи - попеременно «Маяк» и «Радио России». А сегодня прямо оторваться не мог - поставленный бархатный голос (чей? - это Иван Иванович, по обыкновению, пропустил мимо ушей) из эфирного космоса звучал симфонией прошлого.

Сначала удивил рассказ Михаила Зощенко «В бане».

- Почти сто лет прошло, а вот, поди ж ты, портки, и прочие детали гардероба, воры опять полюбили. Сейчас не в бане, а и на улице разденут за милую душу! Зощенко, пожалуй - не прошлое, как казалось лет двадцать назад, - как-то не оптимистично и случайно подумал Иван Иванович.

Но потом пришлось удивиться еще больше. Рассказ Антона Павловича Чехова «Ванька» по актуальности прямо спорил с реальностью. Иван Иванович и сам каждый день ощущал себя вот таким Ванькой в ласковых руках хозяина фирмы, где работал последние два года.

- Откуда, откуда они могли знать?! - думал Иван Иванович.

И странная гордость вдруг поселилась в нем - а ведь обо мне, обо мне писали великие!

Глава 4. Родные люди

Уважаемый друг! Ты, наверное, успел подумать, что де Иван Иванович - вполне преклонного возраста? «Радио России», «Маяк», а не компьютер, например, в ходу у нашего героя, так и возраст уже таков! И рад бы быть постарше, да это такая вещь - никак не подгонишь. Факты - суровая штука: до пенсии Ивану Ивановичу придется еще поработать на хозяев. Именно, на многих.

Фирмы кругом мелкие, несущественные. Занимаются черт те чем - кто какие-то бумажки-книжки продает, типа методик оздоровления, кто ненужные услуги впаривает. Появляются эти заведения и исчезают, как грибы в погожий год. А работа в этих грибных местах как раз и помещается в ящике, т.е. в планшете компьютера.

Ты спросишь, чем же занимается наш герой? Профессия простая - мерчендайзер. Иначе говоря, коробейник. Сидит такой фрукт в Интернете, на-

хваливает товар, убеждает: без нашего продукта - жизнь замрет! Устанет Иван Иванович от работы, натрудит пальцы на клавиатуре, и - домой, любимое радио слушать! Ну, хобби у него такое! Не самое страшное, между прочим. Так что Иван Иванович - это почти твой ровесник.

Ты, конечно, можешь спросить, почему де Иван Иванович не откроет вот такую же бумажную фирму, да и не станет хозяином? Пробовал. И все получилось. Заработала фирма, пошел поток бумаг, деньги какие-то появились. Но недолговечным оказалось бумажное счастье. Рядом открылось заведение-конкурент. Вывеска у них ярче, дверь красивее. Клиентов приглашали настойчивее.

Разорился Иван Иванович. Нет бы ему открыть новую фирму с другим названием да и продавать бумажки не желтого, а зеленого цвета. Все так и делали! Но так вдруг скучно стало Ивану Ивановичу начинать все заново! Устроился офисным работником к этому конкуренту. Через некоторое время и конкурент разорился. Нет, не по вине Ивана Ивановича - упаси бог! Сам собою разорился, по природе деяния разорился - не получается долго ненужным товаром торговать.

Так что, друг-читатель, просьба у меня - отнесись к Ивану Ивановичу, как к родному. Несмотря на то, что живет наш герой не в столице, а как раз далеко в провинции. Так далеко, что порой кажется, никакой столицы и нет. Но все же, на одной земле живем, одно дело делаем. Правда, что за дело - тут уж подумать придется!

Глава 5. Постновогодний синдром

Вышел Иван Иванович из подъезда на волю. Новогодняя суета заметно пошла на убыль - как-никак третий день народ празднует. Устали люди. Бросил взгляд направо - не обрадовался глаз! Огромная куча разномастных отходов выползла из мусоропровода и разбежалась по двору. Замерзшие голуби радостно суетились среди нечаянно доступной пищи. На Ивана Ивановича не обратили никакого внимания.

Можно и расстроиться от сюрреалистической картины, но не таков Иван Иванович. Новости - его главное оружие в опасной жизни. Слышал уже - в Нью-Йорке на одной из площадей, где веселились новогодние персонажи, осталась пятидесятитонная куча мусора. Прикинул на глаз - решил: нам еще далеко до Америки! Да и, слава богу!

Прогулялся Иван Иванович по родному городу. Улицы были пусты и как-то странно тихи. Даже поток автомобилей заметно поредел - так, пробежит какая-нибудь иномарка, пыхнет вулканическим выхлопом, да и нет ее. Магазины работали, а вот аптеки, киоски, муравейники офисов прикрылись белыми металлическими жалюзи, отчего улицы казались подслеповатыми.

- Так вот они какие, глаза города! - нехстати подумал Иван Иванович. И вспомнился ему библейский персонаж - вол, исполненный очей.

- Похоже, похоже, - бормотал примерный гражданин, шагая бодро вдаль.

Так и шел, пока не устал, и везде было одно и то же - белые прямоугольные жалюзи, молчание и благолепие отдыхающего организма. Вот вам и библия! Далеко ходить не надо! Но Иван Иванович шел. Хотел быть здоровым и бодрым.

- Пригодится! - думал он, хотя семью заводить не собирался.хлопотно да и скучно - так ему представлялась семейная жизнь.

Глава 6. Овсянка, сэ

Вернулся домой Иван Иванович. Дома хорошо, тепло, тихо. Достал пакет овсяных хлопьев - супер-продукт, все в одном! Поставил кастрюльку с водой на плиту. Пошарил по сусекам, нашел коробочку с куриным бульоном, сухой укроп, лавровый лист и перец красный молотый. «Ну, тут просто праздник чрева! Овсянка будет царская! - порадовался Иван Иванович своей запасливости. - До зарплаты дотяну!» Хороший был человек - ни разу не пожалел о ста рублях, отправленных на помощь бедствующим. А ведь на эту сотню мог бы несколько булок хлеба купить.

Пока плита разогревалась, вода закипала, Иван Иванович времени даром не терял. Решил другу позвонить, поздравить с наступающим Рождеством. Не то чтоб верующим себя считал, но от праздника кто же откажется? Кроме друга поздравлять Ивану Ивановичу некого. Близкие все один по одному, так или иначе, за короткий срок покинули этот мир. Пытался понять наш герой, как так получилось, что ему, человеку смирному и даже доброму, судьба мачехой обернулась. Искал истоки сего, но мысли шли как-то непотребно. Все время вспоминалось чье-то короткое стихотворение - может, и сам написал когда-то да затерял среди бумаг:

Крадутся, шурша упрямо,
Секунды, минуты, час.
Мне так не хватает, мама,
Твоих поднебесных глаз.

Так что, набрал Иван Иванович нужный номер телефона да и замер у трубки в ожидании. Друг откликаться не торопился. «Ладно, поздравлю вечером», - решил наш кулинар и снова отправился на кухню. Залил кипятком хлопья овсяные, добавил сухого бульона, бросил лавровый листик, укроп. Накрыл крышкой любимую кастрюльку, а сверху укутал полотенцем.

Овсянка получилась на славу - вкусной и ароматной! Иван Иванович был доволен своей стряпней. И подумалось тут ему, на этот раз весьма кстати, что жизнь, несмотря ни на что, все-таки удалась! А вечером поздравил по телефону друга с наступающим Рождеством. Положил трубку и почувствовал себя счастливым.

Глава 7. Сюрприз

Наступило утро девятого января. Вскочил Иван Иванович рано - на работу пришла пора собираться. Скушал свою полезную овсянку, запил чайком, да и выбежал на улицу. На улице темно, мороз жмет - куда-то к большим минусам подбирается. Но Ивану Ивановичу не впервой! Пошел себе на ощупь меж домами. Вон уже и фонари на остановке видны.

Трудящиеся озабоченные граждане топтались, переминаясь с ноги на ногу от мороза, выдыхая клубы пара - ожидали автобус. Иван Иванович присоединился к собратьям. Вся его истомленная душа рвалась поскорее попасть в тот самый офис, где сегодня... Да-да, именно сегодня...

- И почему декабрьскую зарплату выдают не в декабре, а тогда, когда и ждать забудешь, - думал Иван Иванович уже в автобусе, резво бежавшем по зеркальным колеям прикатанных колесами улиц. Снег убирать не успевали, и вот эти отполированные колеи давно стали опасным украшением проезжей части. Иной пешеход разбежится перейти улицу, да так и приложится поперек «лыжни».

Да и при выходе из автобуса нога норовила скатиться под колеса. Иван Иванович ко всем этим неудобствам давно приспособился. Со ступеньки делал большой шаг - не выходил, а выпрыгивал, отталкиваясь от опоры, как мотылек. Вот и вылетел на своей остановке. Смирно сложил крылышки и отправился в любимый офис.

Зарплату Иван Иванович получил. Но беда (типа зимних каникул) не приходит одна. Хозяин объявил о банкротстве компании. Да и то - продержаться два года на мерчендайзинге каких-то БАДов - это и так уж слишком! Иван Иванович, к счастью, за время своего мерчендайзинга успел мрачно возненавидеть эти никому не нужные БАДы. Поэтому весть о потере работы принял стоически - изо всех сил пытался сохранить подобающее случаю серьезное выражение лица. Радоваться, конечно, было нечему, но почему-то в глубине души поселилось глупое ликование.

А тот самый - из закорюченного закоулка, снова ехидно и, как бы, между прочим, напомнил: «Чему ты рад, дурак?» Второй - умный, из другого закоулка, подтвердил: «Дурак и есть!» Иван Иванович согласился, но радоваться не прекратил, как учил великий Тейтаро Судзуки - дескать, не обращай внимания, радуйся и все!

Так понимал Иван Иванович любимого Учителя, чью книгу читал уже лет двадцать.

Глава 8. Кошки и мышки

Вернулся Иван Иванович домой счастливым человеком. Плотно и разнообразно поужинал, и в виде ленивого объевшегося кота устроился на диване - слушать вечерние новости. О потере работы вспоминать не хотелось.

- Завтра. Все завтра, - думал примерный гражданин. - Работа не волк. А если даже и волк, все равно - завтра!

Новости не обрадовали. Снова подросток выбросился из окна тринадцатого этажа. Произошло это в столице. Ребенок приехал на кремлевскую елку из провинции. После экскурсии вошел в номер, где жила его одноклассница. Последней была его фраза: «Я в игре, мне нужно выйти из окна». Так сообщили в новостях. Но фраза показалась странной. Если бы мальчик сказал: «Я выхожу из игры» - это было бы понятно.

Задумался Иван Иванович об этом печальном факте. Что, все-таки, произошло? Либо у мальчика снесло крышу от компьютерных игр, либо от невиданной роскоши кремлевского праздника. И то, и другое - не вселяло надежд на будущее.

Сидел на диване тихо, как мышка. От сытого кота вмиг ничего не осталось. За окном падал редкий снежок. Смеркалось. Так закончился для Ивана Ивановича первый и последний рабочий день после планетарного праздника.

Глава 9. Ледниковый период

Встал Иван Иванович утречком да и отправился в магазин. Решил купить долгоиграющих продуктов - крупы, вермишели, муки, бульонных кубиков. Обстоятельства весьма к тому располагали. В расчете на долгие поиски работы следовало поступать разумно и экономно. Уж что-что, но экономить наш герой научился! Вернее, приобщила его к этой премудрости великая революция девяносто первого года. Да еще незабвенный Тейтаро Судзуки. Многажды благодарил Иван Иванович своего Учителя.

Принес нехитрые продукты домой, рассовал на полки. Уткнулся в купленную накануне газетку - там публиковались приглашения на работу. Мер-

чедайзеры, дистрибьюторы, консультанты и прочие ходовые словечки так и мелькали перед глазами. И везде одни и те же требования - желательно высшее образование, но можно и без оногo. Однако энергичность и целеустремленность в достижении поставленных целей - это бесспорно и не обсуждаемо!

- Не люди нужны, а механизмы, типа Т-34, - думал Иван Иванович, глядя в безрадостные тексты.

Встал, выпрямил спину и произнес волшебную формулу: «Я самый сильный, умный, обаятельный, ловкий! Я могу все! Да!»

На этом последнем слове энергично выдохнул воздух, выбросил правую руку вверх, откинув прилипчивый негатив. Представил себя спокойным, мудрым. А вокруг, вокруг - тут же заструилась гармония. Иван Иванович представлял эту субстанцию в виде прозрачных упругих струй.

- Что еще надо человеку, чтобы поверить в себя! - думал счастливый дзэн-буддист. - Вот теперь ледниковый период не страшен!

Глава 10. Беззарплатица

Второй день исследовал Иван Иванович страницы городской газеты. Рубрика «Требуются», как и «Ищу работу», выглядела бесконечной текстовой дорожкой. Это, оптимистическое на первый взгляд, качество, при втором взгляде оборачивалось стойким однообразием. Требовались офисные «манагеры» (так Иван Иванович именовал менеджеров) и все те же мерчендайзеры.

Иван Иванович с тоской рассматривал мелкие букочки объявлений. Из каждого текста выглядывал упорный, похожий на Т-34, строитель какой-нибудь экзотической торговой сети: кастрюли и сковородки фирмы «Бауэр», матрасы и подушки из Японии, БАДы из Китая, косметика из самой Франции, белье из Австрии, посуда из Италии...

- Ну, почему, почему я должен впаривать людям кастрюли или одеяла по цене, трехмесячной зарплаты? Почему сам должен купить ненужную мне сковородку? А потом, высунув язык, бегать в поисках клиентов в надежде вернуть выброшенные на ветер последние деньги?

Казалось, изучен был уже каждый миллиметр газетных текстов. Безработица, точнее сказать, беззарплатица, представлялась Ивану Ивановичу высокой толстой теткой. Скверный характер ее прочно отражался на лице. И тетка уже перешла в наступление.

А тут еще и в новостях сообщили о нашествии волков в Якутии. Ивану Ивановичу вдруг, ни к селу, ни к городу, припомнились божьи наказания в виде лягушек и прочих гадов, описанные в Ветхом Завете.

- Эх, мне бы ваши заботы! - эгоистично подумал примерный гражданин, утомленный чтением и беспросветностью бытия.

Передохнул минутку, выпил чашечку чая, да и снова уткнулся в газету.

Глава 11. Святочный подарок

И тут вдруг заметил невзрачное, совсем худенькое, объявление, которое как-то прошло мимо его почти лазерного препарировующего взгляда. Что-то тайное, трудно разгадываемое, притягивало внимание к однострочечному тексту: «Бизнес без первоначального капитала. Доход в первый день работы».

- Что это может быть? - справно потирая руки, воскликнул Иван Иванович.

Перебрал несколько вариантов в тренированных маркетингом мозгах, но дело от этого не прояснилось. По всему выходило, придется звонить по ука-

занному телефону. Самостоятельно додуматься до сути заманчивого бизнеса не получалось.

Иван Иванович дрожащей рукой набрал нужный номер - волнение нарастало. Что-то внутри организма предсказывало долгожданную удачу.

- Але! Слушаю вас, - прошептал приятный мелодичный голосок.

- Я по объявлению, - заторопился Иван Иванович.

- Да-да. Приглашаю вас на улицу Красных Коммунаров, тринадцать. Офис тоже - тринадцатый номер.

- Мне бы хотелось узнать, что это за бизнес. В чем, так сказать, суть работы?

- Приходите, на месте и узнаете. Ждем вас ежедневно с девяти до семнадцати. Спросите Сергину Сергеевну.

Иван Иванович оторопело положил трубку. Тучи странных предположений роились в его возбужденной голове. Откуда они возникли, ведь еще минуту назад в сознании зияла совершенная пустота? Вот что значит побудительный мотив - припомнил, то ли кстати, то ли некстати, озабоченный безработный.

- Да, психология - великая вещь! - совсем уже не по теме высказался Иван Иванович.

Глава 12. Бизнес на улице Красных Коммунаров

Утром следующего дня входил наш герой в подъезд обычного жилого дома за номером тринадцать на улице Красных Коммунаров. Офис с той же нумерацией находился на четвертом этаже. Не без содрогания отметил Иван Иванович и эту цифру. Знал, что в некоторых странах, например, в Японии, не существует этажей, обозначенных цифрой четыре, ибо номер этот считается символом «того света».

- Ну, вот - трижды попался! Два раза в тринадцатый, и один - в четвертый уровень, - подумал соискатель, стараясь сохранять чувство юмора.

Нажал кнопку звонка. За дверью послышался мелодичный звон - такие серебряные колокольчики. На пороге стояла юная особа, одетая в деловой костюм.

- Здравствуйте, - поклонился Иван Иванович. - Я по объявлению, к Сергине Сергеевне.

- Входите, пожалуйста. Сергина Сергеевна - это я.

В офисе, когда-то служившем жилому фонду в качестве двухкомнатной квартиры, располагались пять столов. За каждым из них сидели сотрудники в таких же темных деловых костюмах, как и у приветливой Сергины Сергеевны. Напротив - по три-четыре клиента. Так что в маленьком офисе в одно и то же время умещались примерно двадцать человек. Хозяйка пригласила Ивана Ивановича присесть за свой - шестой стол, который располагался в соседней маленькой, но уютной комнатке. Это был ее личный кабинет.

- И так, вас интересует характер работы? - улыбнулась деловая дама.

- Ну, да. Хотелось бы понять, что это за бизнес без первоначального капитала?

- Все просто. Даете вот такое же объявление, как и то, что вчера заинтересовало вас. Где вы будете размещать этот текст - в газетах, на заборе, на столбах. Это не имеет значения. Главное, привлечь сотрудников.

- Так, это ясно. А что же дальше?

- Дальше все так же просто. Вы назначаете час для встречи с вашими будущими сотрудниками. Приглашаете их в наш офис. Консультируете вот

так же, как я это делаю сейчас. Моя консультация стоит двести рублей. Но вы пока ничего не платите. Как только появится ваш первый клиент, отдаете долг. Затем выплачиваете мне, как директору, сначала пятьдесят процентов с каждого клиента, потом, на сотом клиенте - сорок процентов, тридцать, двадцать, десять и всего один. Далее начинается ваш самостоятельный бизнес. Но вот этот один процент нужно будет отчислять мне до тех пор, пока моя идея работает. Как вам это предложение?

Иван Иванович несколько оторопел от простоты изложенной схемы. И никак не мог взять в толк, что же, все-таки, является основой бизнеса. Поэтому как-то растерянно спросил:

- А что же я продавать буду?

- Себя, свою консультацию. Ну, и мою идею. Ведь бизнес-идея - это главное!

- А как же... как же товар?

- Мы обходимся без материальных ценностей. В нашем бизнесе они - лишь помеха, затрудняющая и замедляющая оборот финансов.

- Но это как-то...

- Непривычно? Ну да, на первый взгляд. А по сути - идея гениальная!

- Хотелось бы подумать.

- Так в чем же дело? Думайте. Если мы с вами не подписываем трудовой договор сейчас, тогда вы просто отдаете мне двести рублей, и уходите думать.

Ивану Ивановичу было несказанно жаль двухсот рублей, ведь на них можно перекантоваться целую неделю. Но подписывать договор с милейшей Сергиной Сергеевной пока опасался. Из осторожности вручил в нежные ручки две сотенных бумажки, взял заготовку Договора и откланялся.

- Разбой. Везде разбой! - совершенно некстати подумалось бедному искателю. - Но ведь бизнес, да еще и без первоначального капитала! Все же подумать стоит!

Но в утомленных мозгах почему-то крутилось название давнего американского фильма «Кошмар на Улице Вязов».

- Нет, нет - что это я! Бизнес на улице Красных Коммунаров, и никаких кошмаров! Вишь - стихами заговорил, стало быть, мыслю верно!

Глава 13. Бизнесмен

Прибыл Иван Иванович домой без двухсот рублей в кармане, но окрыленный открывающимися возможностями. Собственный бизнес и никаких БАДов, скородок, косметики и прочих дорогостоящих предметов роскоши! Если бы ты знал, дорогой читатель, как нашему герою надоели все эти умопомрачительные продукты якобы иностранных марок! А здесь - офис, клиент и ты. И ничего лишнего! Действительно, гениальное изобретение!

Но тут, по обыкновению совершенно некстати, в новостях скользом прошла информация о том, что срок тюремной отсидки гражданина Мавроди закончился. И этот неутомимый идеалист вновь организовал финансовую пирамиду. Но дело его, кажется, опять на грани банкротства.

- Нет! Ничего похожего! - отмахнулся от новости Иван Иванович. Но все-таки какая-то премерзкая кошка заскребла когтистой лапой по нежной душе.

- Ничего общего! - еще раз убедительно и твердо сказал наш герой. И судьба трудового договора была решена.

- Завтра же и подпишу! - решил Иван Иванович.

Уже с далеким прицелом представлял себя в маленьком, но собственном офисе. Видел внутренним взором процветающий бизнес, цветы в горшочках на окнах, вместительный сейф с купюрами.

Почти с любовью вспомнилась точеная фигурка Сергины Сергеевны. Но как-то так выходило, что костюмчика на бизнесвумен не наблюдалось. Только передничек, как у гражданки Геллы из «плохой квартиры», где когда-то проживал классик.

Глава 14. Черти

Прослушал Иван Иванович любимые новости. И в Рождество планета не отличалась спокойствием. На Камчатке землетрясение в семь баллов, локальное цунами. Казахстан тоже трясло, правда, с меньшей силой - всего четыре балла. А тут вдруг под самое окно подкатил оранжевый экскаватор и принялся грызть задубевшую землю. Так что Иван Иванович часа три сострясался вместе со своей квартирой не хуже Камчатки.

В конце концов, экскаваторщик, кажется, достиг цели - напротив, в длинноцепочечном пятиэтажном складе, похожем на железнодорожный состав, погас свет. Землеройщики перерубили кабель. Видимо, это был плановый подарок владельцам. Из-за угла резво показался близнец экскаватора - оранжевый самосвал. Высыпал в свеженькую яму кучу песка. Динозаврообразный ковш разровнял и вынутую землю, и добавочный песок, сокрыв кабель до лучших времен. Или, наоборот, вытащил его на свет божий.

Иван Иванович, не питая никакой симпатии к владельцам склада, однако подумал: «Черти являются на святки». Но ошибся. Из-за угла снова вынырнул самосвал, на этот раз загруженный кирпичами. «Кажется, у меня под окном начинается стройка века, - подумал Иван Иванович. - Значит, черти прибыли надолго! Святками тут не обойтись!»

- А не попроситься ли мне на эту стройку, хотя бы помощником каменщика? Все же, настоящая работа, а не торговля воздухом, - вдруг ниоткуда прибилась тощенькая мысль. Задумался наш герой. Соскучился, давно соскучился по работе. Так надоело клавиши перебирать, мерчендайзингом проклятым заниматься.

- Все, решено! Буду работать на стройке, опыт большой имеется - в стройотрядах в студенческие времена строить приходилось и клубы, и дома культуры, и коровники-свинарники! Правда, где они теперь все эти коровники! И дома культуры!

Воодушевился Иван Иванович - приятно, что кто-то все еще имеет перспективы на жизнь, строит и созидает! И тут, по обыкновению, совсем нестати явилась перед внутренним взором заманчивая Сергина Сергеевна. «Бизнес открыть никогда не поздно. Успею еще!» - отправил Иван Иванович мысленную СМС-ку как бы в ее адрес.

Глава 15. Стройка века

На следующий день приготовился наш герой искать, так сказать, отдел кадров намечающейся стройки. Мрачный экскаваторщик отправил его на улицу вольнодумца Радищева - дескать, там обитает хозяин. И действительно, Иван Иванович легко обнаружил искомый офис под строгой вывеской: «Торговый Дом «Федор & Ко».

За компьютерным столом на вращающемся стуле сидел пацан, лет двадцати.

- Я это... работу ищу, - сказал Иван Иванович. - Могу каменщиком или помощником. Опыт есть.

Протянул трудовую книжку, где одна запись громоздилась на другую.

- Вот, пятая, шестая и седьмая строчки. Каменщик в стройотряде.

Пацан внимательно посмотрел в указанное место, потом - на Ивана Ивановича.

- Нам трудовая книжка не нужна, - сказал он. - Ручкой писать не умеем. Шутка!

- Можно и без книжки, - с надеждой улыбнулся соискатель.

- Зарплата в конверте, - сообщил пацан.

- Лишь бы была, - откликнулся Иван Иванович.

- Это как работать будешь!

- Хорошо буду работать.

- Ну, тогда приходи через три дня. Фундамент делать начнем. Одежда рабочая - твоя. Техника безопасности - тоже. Считаю, что я тебя проинструктировал.

- Хотелось бы знать расценки.

- Еще не работал, а уже знать хочешь? Не рано ли? Вот отработаешь две недели, там и узнаешь.

Вышел Иван Иванович на улицу с двойственным чувством. С одной стороны, как бы нашел работу. С другой - как бы зарплату. А чем все это закончится - совершенно не ясно. Да и пацан какой-то несерьезный. Совсем не то, что Сергина Сергеевна!

Глава 16. Фундамент будущего

Отработал Иван Иванович на стройке века две недели. Целыми днями на морозе выравнивал траншею, которую выгрызал экскаватор, кирпичи сгужал и прочими суетными делами занимался. Полным ходом шла подготовка места под фундамент. Однако обещанного конверта с деньгами не увидел. Пацан-хозяин просил подождать еще две недели - дескать, инвестор пока не раскошелится. Для поддержки рабсилы хозяин привез каждому по мешку муки. На том расчеты и закончились.

А через две обещанные недели хозяин известил об остановке работ до исполнения договора инвестором. Дома Ивана Ивановича ждал только початый мешок муки. Деньги и другие запасы давно закончились. Испек Иван Иванович пресных лепешек, заварил чайку да и поужинал.

- А ведь я прав был - несерьезный хозяин попался. Видел же, видел, что это пацан! Завтра же - к Сергине Сергеевне! - решил пострадавший.

Глава 17. Первоначальный капитал

Сергина Сергеевна встретила потерявшегося сотрудника приветливо и душевно. Иван Иванович подписал Договор одним росчерком пера. И тут же приступил к работе - распечатал несколько экземпляров стандартного объявления с приглашением организовать свой бизнес без первоначального капитала. Указал адрес офиса и часы своего присутствия на рабочем месте.

Откланялся и отправился развешивать объявления в людных местах. Дать бесплатное объявление в прессу пока не мог - денег на покупку газеты не было.

- Ничего. Вот завтра придут первые сотрудники - желающие стать бизнесменами, деньги и появятся, - прозорливо мечтал Иван Иванович.

Правда, где-то в глубине души назойливой птичкой тоненько пищало сомнение - а вдруг да никто не пожелает иметь собственный бизнес на пустом месте?

Но плохо же знал Иван Иванович своих сограждан.

На следующий день в назначенный час его уже ожидали три человека. Три подписанных Договора принесли шестьсот рублей. Триста Иван Иванович внес в копилку фирмы, то есть те самые пятьдесят первоначальных процентов, что значились в Договоре. А триста рублей, заработанных за один час, положил в карман рядом с весело бьющимся сердцем. С обожанием смотрел Иван Иванович на умнейшую, гениальнейшую Сергину Сергеевну. Вот уж кто был великим психологом - она, эта слабая, но сильная женщина!

По дороге домой Иван Иванович забежал в давно забытый супермаркет. Купил хлеба, пачку пельменей, молока, чаю и сахару. И тут же пополнил счет мобильного телефона, чтобы дать платное объявление в газету. Душа его пела, тело радовалось. Царский ужин бросил нашего героя в глубокую эйфорию.

- Если так пойдет дальше, я и впрямь стану капиталистом! - благодушно бормотал Иван Иванович.

Впервые за много дней уснул сытым. Спал крепко, без сновидений.

Глава 18. Уроки марксизма

Поверишь ли, дорогой читатель, но с этого дня начались для Ивана Ивановича совершенно фантастические вещи! Желающие открыть бизнес без первоначального капитала прибывали к назначенному часу ежедневно и исправно. Два-три человека - немного, но стабильно! Иван Иванович без сожаления отдавал договорные пятьдесят процентов любимой, обожаемой начальнице.

- Это прорыв! находка! блестящая идея! И всего-то - надо понять психологию безработного человечка. Такой ведь готов на все! - думал молодой бизнесмен.

За месяц работы без выходных (зачем выходные, если рабочий день продолжается всего час!) Иван Иванович заработал десять тысяч на руки. Столько же получал за двадцать четыре восьмичасовых рабочих дня, когда служил офисным мерчендайзером.

- Боже мой! Знать бы раньше, где собака зарыта! - не раз восклицал счастливый начинающий бизнесмен.

Постепенно научился привлекать дополнительных клиентов. Нехитрые приемы, типа нескольких объявлений в одном и том же номере газеты или приписки в тексте о том, что предложение действительно до определенного срока, увеличивали число будущих бизнесменов и бизнеследи до пяти-шести в день. Доходы росли соответственно. Процент отчислений прекрасной Сергине Сергеевне постепенно уменьшался. Это тоже грело сердце и душу. За второй месяц бизнес развился до такого уровня, что прибыль Ивана Ивановича выросла до двадцати тысяч. Появились лишние деньги.

Временами наш герой вспоминал пройденные когда-то в школе уроки марксизма.

- Вот она, прибавочная стоимость! - думал он. - Великая вещь - марксизм!

При этом Иван Иванович как-то упускал из виду главную формулу Маркса «деньги-товар-деньги плюс». Современный марксизм выглядел иначе: деньги-деньги-прибыль. Именно эта гениальная формула работала безотказно. Марксизм-сергинизм - так определил наш герой великое бизнес-изобретение.

Глава 19. Пятисотый клиент

Три месяца хватило Ивану Ивановичу, чтобы набрать тех самых пятисот жаждущих вступить на путь капиталистического развития. Наступил момент, когда бизнес его перешел на самостоятельные рельсы. Так же, как Сергина Сергеевна, взял в аренду маленькое помещение - благо приличные сбережения оттягивали карман и ожидали своего применения.

Бизнес пошел проторенным путем. Один процент отчислений в адрес Сергины Сергеевны совершенно не напрягал. Все получалось легко и просто. Иван Иванович забыл, что такое безденежье, экономия на еде, ожидание зарплаты, надежды на лучшие времена. Эти самые лучшие времена давно поселились в его жизни, освященной идеей марксизма-сергинизма.

Маленький уютный офис, не обремененный никакими лишними предметами, полубил всем своим радующимся сердцем. На службу бежал каждое утро, как на праздник. И снова, снова вспоминал классиков: «Если хотите, чтобы работа приносила удовольствие, сделайте удовольствие своей работой!» Не ручался за точность цитаты, да и не помнил, кто именно высказал эту мудрую мысль, но примерный смысл директивы был ясен.

Бизнес Ивана Ивановича процветал и приносил не только удовольствие, но и ощутимую прибыль. Деловые связи с родоначальницей новой формы капитализма только украшали жизнь. Сергина Сергеевна всякий раз при встречах подбадривала своего ученика, подавая на прощанье нежную ручку для поцелуя.

Как-то незаметно ушли в туман и скрылись невозвратно прежние мысли о бесах, которых впустил де в дом - так теперь терпи. Иногда, правда, подумывалось непотребно, что, дескать, вот я и сам уже не лучше беса - делаю деньги из воздуха, и рад! Но отгонял Иван Иванович пустые сомнения, и продолжал заниматься нахлынувшими, по обыкновению, клиентами. Непременно ему сомневаться - дело не терпит!

А тут еще и мудрец Тейтаро Судзуки помогал: «Радуйся, несмотря ни на что! На том и стой!»

Глава 20. Радуйся, брат!

Несколько портили жизнь любимые новости. Вот опять сплошные огорчения принесла на хвосте «сорока» - эфирное, разумеется, создание из недр радиосети. Дескать, все хорошо, но вот в Забайкалье некий мужчина сжег свою полуторогодовалую племянницу в печи. Чем не угодила малышка этому «фредди крюгеру», понять нормальному человеку не было никакой возможности. Сунул в печь вместо полена дров, да и забыл тут же напрочь! Мрачновато и неказисто текла жизнь и в Мурманске, где женщина сдала комнату в наем, а в придачу - холодильник с младенцем в морозилке.

И как-то так Иван Иванович постепенно разлюбил любимые новости. Но все же хотелось быть в курсе и в русле произвольно текущей жизни. По привычке так слушал голоса из эфира. Внимал, так сказать, гулу многослойной реки жизни. А по правде сказать, так и не стоило этого делать - только радость от прибыли и процветания бизнеса и мудрости Тейтаро Судзуки портить!

- Живи, брат Иван Иванович, радуйся! - не раз говорил себе наш герой. - Радость особа ненадежная - сегодня есть, а завтра... Вот и погладь себя по умной головушке, пока радостно тебе! А уж когда радость-то скроется, тогда и горюй!

Общение с милой сердцу Сергиной Сергеевной настраивало именно на такой лад. Но все же как-то совестно было радоваться, когда невинные создания, цветы жизни - детки, неосторожно уходили из мира живых - и совсем

не по своему желанию или трагической случайности. Взрослые, имевшие вид людей, недогнувшей рукой отнимали жизнь у беззащитных крошек.

- Нет, нельзя думать о печалях земных. Нет им числа, ни конца, ни края. Так и бизнес можно разлюбить! - убеждал себя Иван Иванович.

- И правильно, правильно! - шептал Тейтаро Судзуки устами нашего бизнесмена. - Где бог, а где человек! Не видят они друг друга, не чувствуют! Радуйся, брат! Что тебе еще?! Не тебе, слабому, изменить этот мир!

Стал Иван Иванович не слушать плохие новости. Решил к хорошим прислониться.

- Вот цена на нефть продолжает расти. Значит, казна богаче будет, - начал углубляться наш герой в положительное поле. - Так, глядишь, и миллионером стану! Правда, помнится, миллионером уже был - где-то в середине девяностых. Нищета страшная нагрянула с миллионами-то! Так что, чур, меня, чур! Лучше уж марксизм-сергинизм!

Глава 21. Колобок, колобок, я тебя съем!

Проснулся Иван Иванович, вскочил резво - бежать на работу направился. Да вспомнил, что решил себе в кои-то веки выходной устроить. Уж и забыл, что это такое! Не спеша заварил кофейку. Уселся в любимое кресло - пристроился книгу почитать. Давно мечтал погрузиться в дивную прозу Льва Николаевича. Прочел страничку, нахлынули легкие да цветастые грезы. Захотелось куда-нибудь на Гавайи или в Коста-Рику.

Спихватился Иван Иванович только под вечер. Уснул, оказывается, в кресле и не заметил когда.

- Да, брат, устал ты, кажется, как загнанная лошадь. А ведь, казалось бы, не вагоны разгружал! Вот тебе и марксизм-сергинизм!

Взошла луна в лохматом размытом ореоле янтарного света. Воздух, заполненный морозным туманом, искажал ее мутное око. Луна долго сидела на коньке черепичной крыши. Казалось, этот желтый колобок задумался - то ли устремиться вверх, а то ли спрыгнуть наземь. А еще лучше - угнездиться на заборе: теплее будет. Но все же нехотя оторвался от покато́й опоры и поплыл, поплыл сам собой, одинокий, печальный, бесприютный.

И глаза у Ивана Ивановича снова закрылись незаметно. Сон такой навалился, что куда там - читать Льва Николаевича! Уж с кресла бы не упасть!

И увидел Иван Иванович себя в виде вот этого бесприютного колобка. Катился по небу, сам не зная куда. Однако же все время помнил - съест кто-нибудь! Хоть волк, хоть лиса! А даже и кролик - если бодрый да молодой попадетса на пути! И так неуютно во сне существовалось - как в пору безработицы.

- Нет, брат, - сказал себе Иван Иванович. - Брось ты эту гнилую историю про колобка! Ты не колобок! Ты человек, а это звучит гордо!

Так во сне перепутались все писатели - и Лев Николаевич, и Максим Максимович!

Глава 22. Мысли одолели!

Утро после выходного хмурилось, наплывало какой-то серятиной в окна. Иван Иванович больше не чувствовал себя колобком. Утром после отдыха хотелось быть кем-то осмысленным и даже хищным.

- То, что мы не волки и не киски - это еще вопрос. - Бодро думал наш герой. - Древние славяне отождествляли себя с Духом Волка и других животных. Сейчас это широко пропагандируется, и люди, особенно молодые, охотно приобщаются... А это говорит о многом. Христианский Бог для них

в лучшем случае - чужой, а в худшем - вообще не Бог. Он мешает БРАТЬ столько, сколько хочется. Так что... волки, киски или росомахи?

Тут Иван Иванович опять поймал себя на том, что мысли, как эти волки и киски, бегут совсем не туда, куда хотелось бы.

- Эй, вы, росомахи! К ноге! - скомандовал бизнесмен. - Сейчас побежим на работу! Там нас ждут! И это главное!

Однако в его маленьком офисе сидели трое скучающих последователей марксизма-сергинизма. Посетителей не было. И пустота как-то нагло обволакивала помещенье. Казалось, даже лезла на стены, как бы желая свалить бетонную твердь.

Мог ли предположить отдохнувший и бодрый Иван Иванович, что синекра марксизма-сергинизма когда-то подойдет к неизбежному завершению? Ничего подобного не впускал в умную головушку! Но одно дело - ты не выпускаешь, а другое - оно само прет!

День просвистел коварной пулей - быстро и мимо! Ни один клиент не открыл заветной двери, не потревожил китайские колокольчики на входе. Никто не щелкнул застежкой кошелька. Из воздуха же деньги не желали появляться. Но Иван Иванович пока еще не остыл от прежних удач - казалось, завтра все вернется на свои места: и клиенты прибегут, и купюры зашелестят привычным тихим своим бумажным порядком.

Глава 23. Молчат китайские колокольчики

Без аппетита, без энтузиазма поужинал дома Иван Иванович. Пища как-то неловко упала внутрь и сидела там молча, не желая радовать поглощенного.

- Эх, Иван Иванович! - сказал себе наш герой. - Хороша была пирамида марксизма-сергинизма. Жаль, город маловат, ресурсов не хватило! А то бы и миллионером стать пришлось. Что же теперь делать-то? Как жить?

И знаешь ли, друг мой, вовремя задал неудобные вопросы Иван Иванович! Хотя ответов не ожидал, однако отклик не замедлил быть. Откуда-то, из дальних переделов мозгового компьютера, вдруг Синея Птицей Счастья прилетела и моментально прижилась хрустальной чистоты мысль: «Новая, новая пирамида нужна!»

- Да, - спохватился Иван Иванович. - Кто помешает вывесить объявление с новым, ярким, честным текстом?!

Иван Иванович вскочил, подпрыгнул в радостном толчке, рассмеялся и четко произнес: «Дело за малым - всего лишь придумать текст! Такой текст, мимо которого не пройдет ни один безработный! Текст - вот где спасение!»

И весь день думал - усиленно, напряженно. Временами удивление нисходило на Ивана Ивановича: «И как же это я раньше не понял?! Это Клондайк!»

Текст необходимого накала возник сам собой: «Требуются финагенты с выходом на собственный бизнес». Любимая газета бесплатных объявлений приняла горяченький текст легко и просто. Время пошло! Новый виток марксизма-сергинизма был запущен, пришла пора вернуться в уютный офис.

Хотя китайские колокольчики на входе все еще молчали, Иван Иванович уже был уверен - завтра все изменится!

Глава 24. Новый Клондайк

Будущие финагенты пошли непрерывным потоком. Каждый хотел иметь, открыть, выйти на прибыль, стать уважаемым членом общества, примерным отцом или мамочкой - детишки требовали вложений!

- Много же безработных в нашем городишке! - удивлялся каждое утро Иван Иванович. Удивлялся, но тайно радовался. Прилюдно радоваться тому, что у людей нет источника дохода, было неприлично.

Так гениальный метод Сергины Сергеевны получил новое воплощение - совсем как некоторые просветленные в теории Тейтаро Судзуки. Вообще, вот это смыкание противоположных идей, как-то все время преследовало Ивана Ивановича. Однако он не возражал против этого. Напротив, соглашался: «Помощь приходит оттуда, где ее, казалось бы, не должно быть. И это мудро!»

Каждый раз, когда звенели хрустальные колокольчики на входе, Иван Иванович мысленно вторил им: «Клон-дайк! Клон-дайк! Клон-дайк!» Музыка божьих сфер очень украшала его гениальный, но немудреный бизнес. Объяснять каждому перспективному финагенту его задачи, как-то: развеять как можно больше объявлений, привлечь как можно больше вожделющих, правильно обыграть ситуацию, взять первый взнос и т.д. - все это уже отдавало зеленой скукой. Даже, несмотря на исправно рождающуюся из воздуха прибыль.

- Странное создание, человек! - думал Иван Иванович! - Вот даже удачная идея уже не радует. Организм, - чтоб его! - требует некоего созидания. Не хочет, скотина неблагодарная, просто брать. Действия хочется ему, осязаемого результата. Как будто осязание купюр - это и не результат!

И, действительно, замечать стал наш герой постоянно одолевающую его скуку. Как-то так - не мог уже и смотреть на счастливых будущих финагентов. Даже и колокольчики не утешали. Нежная песнь Клондайка говорила об однообразии жизни, навевала ненужную печаль и подтачивала коммерческий дух Ивана Ивановича.

- Жениться тебе надо, братец! - говорил наш герой сам себе.

- Ни за что! - отвечал навсегда поселившийся внутри Тейтаро Судзуки. - Только не это!

- А что же? - восклицал Иван Иванович. - Вот так вся жизнь пройдет под звон колокольчиков. Получил деньги, проел. И снова - в офис?

- Что ж тебе надо, неблагодарное ты, создание?! - якобы возмущался Тейтаро, сидящий в глубине души. - Еще вчера паниковал, не на что было хлеба с маслом купить. А сегодня сыт, и уже тебе созидание подавай!

- Кыш! - бормотал Иван Иванович.

Однако где-то глубоко, внутри страдающего сознания, соглашался с другом Тейтаро: «И то - хлеб с маслом есть! Что тебе еще, чадо ненасытное?!»

Глава 25. Госпожа Зеленая Скука

Поверишь ли, друг мой, вот таких новых витков марксизма-сергинизма случилось в жизни Ивана Ивановича еще несколько штук. Закончились финагенты, придуманы были бизнес-маркетологи. Потом - политологи бизнеса, психологи бизнеса, бизнес-директора, и прочие, и прочие... Особенно успешным был проект бизнес-директоров. Каждый безработный мечтал стать директором!

По мере реализации новых проектов марксизма-сергинизма все более существенной становилась Госпожа Зеленая Скука. Сия настырная дама пос-

тоянно снилась Ивану Ивановичу - то в виде шипящей змеи, то в образе скучающей кошки, которая непрерывно следила за каждым движением нашего бизнесмена.

С той поры, когда Иван Иванович, голодный и несчастный, переступил порог офиса прекрасной Сергины Сергеевны, пролетело ни много, ни мало - шесть лет. И вот однажды, проснувшись утром, Иван Иванович решил более никогда не ходить в свой офис с китайскими колокольчиками. Не мог даже и шага сделать в том направлении! Натура требовала созидания! И это, казалось бы, шуточное желание заполонило каждую клетку уставшего от безделья и мелкого мошенничества Ивана Ивановича. Организм протестовал. Забастовка обещала быть длительной.

Иван Иванович понял - преграда непреодолима! И даже название придумал этой невидимой, но вполне железной и непреступной преграде: психологический тупик! Воздвижение этой призрачной преграды означало и тупик материальный. Да что там, материальный! Преграда оттеснила Ивана Ивановича на край пропасти, которая называлась «Бесмыслие бытия и бесмыслие сознания».

Ивану Ивановичу снова пришлось оправдываться перед собой, а не то и перед Тейтаро Судзуки: «Дурак, так ведь и поделом! Допустил бесов в дом, теперь терпи!» А каких бесов, в какой дом - то ли имел в виду себя, то ли дом свой, а, может, страшно сказать, даже и всю страну? Поди, спроси.

Что же произошло дальше? Сие осталось тайной, разгадать которую может попробовать каждый из нас. История человечества дает множество подсказок - выбирай, друг мой, любую!

Эпилог

Уважаемый друг-читатель! Вот и закончился повседневный роман нашего героя. А где же Владимир Владимирович, заявленный в самом начале? И кто он, этот Владимир Владимирович? - спросишь ты. И будешь прав.

Так вот - нет в этом романе Владимира Владимировича. Есть только Иван Иванович. Один одинешенек, рыбка моя!

Вся надежда только на Тейтаро Судзуки!

Владимир КУНИЦЫН

Владимир Куницын родился в 1948 году. Закончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру МГУ по кафедре эстетики. Дебютировал в печати в 1975 году статьей о творчестве Василия Шукшина. С 1995 года - председатель Бюро творческого объединения критиков и литературоведов Московской городской писательской организации СП РФ. С 1985 г. по 1998 г. - заместитель председателя приемной коллегии Союза писателей России.

Автор более двухсот статей и рецензий и трех книг. Печатался в журналах «Литературное обозрение», «Алтай», «Наш современник», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Новый мир», «Советская литература», «Москва», «Знамя», «Литературная учеба» и др.

ВЕДЬМА

Повесть

Да, имели мы дело с ведьмами. Это в начале восьмидесятых они красиво назывались сенсетивами, экстрасенсами, а сегодня почти в любой газетке наткнешься на скучное объявление: «Проводится набор в школу ведьм».

Есть у меня один приятель, человек от литературы, между прочим. Сошлись мы у Черного моря, на курорте. Я быстро понял, что этот лысеющий, полнеющий, но не потерявший азарта боец знает толк в южной охоте. Мне нравилась в нем спокойная, невозмутимая уверенность, словно он не знал любовных поражений. Был он крупным, одного со мной роста, глядел насмешливо, улыбался доброжелательно, шутил умно, высмеивал зло, а уж о женщинах если заводил разговор, то, что ни слово - «Цицерон с языка слетал». Одним словом - милый человек.

Звали его, как и киевского князя, крестившего в Днепре славян. По этой косвенной ассоциации я нарек его Князем, на что он лишь хмыкнул.

Так вот, Князь, как и я, имел явную склонность ко всякого рода таинственным и мистическим загадкам. Я знал, что он верит в сверхъестественные способности человека, в загробную жизнь, в НЛЮ, в мистику чисел, верит в неслучайность судьбы и совпадений и во многое другое. За этот его мистический трепет, но и жесткий, трезвый ум, я любил и ценил Князя, не считая того, что в амурных делах он был надежным товарищем, твердо отдававшим предпочтение мужской солидарности.

Именно Князь познакомил меня с Александрой, Сашенькой. Было это в чудную майскую пору, когда народился зеленый дым в московских дворах и на бульварах, не осыпанных еще летней перхотью пыли, когда открылось над городом небесное окно, и пролился горный воздух надежд, по-хозяйски гоня зазевавшиеся тени зимы.

Князь об эту пору был очередной раз холост. При всем своем уме он имел странную слабость - жениться на красавицах, и чем дальше, тем более молодых, совершенно теряя голову, а оттого каждый раз делая очевидный для всех неверный выбор. Он испытывал какой-то патологический интерес к узам Гименея. Правда, и разводился он, ко всеобщему облегчению, с блеском. Как правило, эти точки в конце его официальных приключений оказывались самыми умными. В безбрачных паузах его голова трезвела, и он искренне клял свою глупость. Он страдал, видя результаты ее задним умом, но вот проходило время, и, словно издалека, из-за невидимых холмов его чуткое, бракованное ухо начинало различать новый, едва слышимый звук любовной дудочки, и Князь, как кобра под чарами заклинателя, начинал тревожно тянуть шею, ища и желая свежей муки и обмана. И ничто не могло остановить его в эти трагические периоды умопомрачения - его вел на поводке губительный инстинкт неволи во что бы то ни стало. Бедный Князь! Мне кажется, женщины безошибочно улавливали, когда с ним начиналась брачная болезнь, они слышали стоны его ослабевшей воли и бросались на него гурьбой. Он падал почти под первой, несчастный идиот.

Да, любопытный недуг. А ведь в обычное время друг мой умел так молниеносно потрошить хитрых куриц, что не успевали опасть перья от одной, как над его головой кружилась новая начинка для перины.

Итак, позвонил мой милый Князь и позвал к себе в гости - на ведьму!

Чтобы не было недоразумений, я, как и водилось между нами, уточнил позиции. Тем более, что хозяин уверял: девица молода и пригожа.

- Было? - спросил я.

- Не было, - ответил он.

- Почему? - спросил я.

- Суеверное, - ответил он.

Я отправился к Князю вовсе не для того, чтобы испытать на прочность и свои суеверные ощущения, а потому, что давно его не видел, потому что он разжег мое любопытство затейливыми способностями аномальной девицы и потому еще, что это был год Олимпиады в Москве, вся страна помешалась на спорте и мускулах, а в меня тихо, но настойчиво стучалась мистика, меня потянуло за контур вещей. И вот - ведьма. Ну не кстати? Кстати - и даже очень. Ай да Князь! Откопал же где-то. Если ему верить, то девица прямо по телефону может и давление, и температуру, и вообще все твое физическое состояние разложить по полочкам и даже точно сказать, когда ты последний раз ел и что. Князь божился, что три раза ее проверял - не врет. Точно все излагает, будто за столом рядом сидела. Короче, чувствует не глядя. И не только меню, но и настроение, минувшие печали, а также радости.

Повторяю, это сегодня все уши прожужжали о сенсетивах, а тогда, в восьмидесятом, одну Джуну и знали. Да и то мрачно подозревали в надувательстве.

Первое, что я увидел в комнате Князя, - сидящую на медвежьей шкуре девицу. Она сидела по-турецки, почти так, как сживал один мой знакомый китаец Сяо Сань. Девица и не думала подниматься, она приветливо улыбалась с пола. Князь подтолкнул меня в спину, как бы говоря - ничему не удивляйся.

Ну, хорошо. Я прошел в комнату, представился, девица протянула снизу руку и тоже назвалась, все так же добродушно улыбаясь. Мы с Князем сели над нею, как два истукана. Мне показалось это смешным - сидят мужики в креслах, как в театре, а внизу, на шкуре, весело постреливая то на одного, то на другого глазами, балдеет затейливая морковка. По всему было видно,

что ей на полу отлично. Она так естественно себя держала, ласково теребя густую медвежью холку, что я вскоре совсем перестал замечать нелепость нашей композиции.

Девушка была очень молода, лет двадцати. Я отметил ее длинные каштановые прямые волосы, откиннутые за спину. То ли они были тяжелы, то ли в манере дело, но девушка, пардон, Саша, держала голову чуть закинутой назад, с поднятым подбородком, как будто подставляла чему-то приятному лицу. Еще я отметил девичью стройность ее шеи, плеч, торса и более женскую, округлую нижнюю часть тела, о чем говорили ее полноватые, стройные ноги, обнаженные выше колен и лежащие крест-накрест. Как-то неловко мне было видеть ее ноги, хотя они ярко выделялись своей спелой белизной на темно-буrom фоне шкуры, словно в витрине. Зато глаза ее останавливали внимание - они были синими, но - почти до черноты, как морская вода в шторм. Может быть, за счет широко открытых зрачков. И при всем при том, что Саша улыбалась, как ребенок, и улыбка у нее была красивая, как и крепкие ровные зубы, - взгляд ее показался тягостным. Что-то давило из глубины зрачков. Я еще не мог приписать ей ничего сверхъестественного, и потому это впечатление с моей стороны не могло быть надуманным. Так и было. Взгляд давил. Она, словно зная об этом, улыбалась почти не переставая, как бы сглаживая силу глаз. Ее явно переполняла радость, как ровный огонь, постоянно горящий внутри ее тела. И очень скоро, глядя на ее счастливое, улыбающееся, чуть озорное лицо, я поймал себя на том, что мы с Князем и в самом деле сидим перед нею, как у костра, поддерживая этот огонь и своими ответными и невольными улыбками.

Князь большой, добродушный, довольный произведенным на меня эффектом, не выходя из роли хозяина, демонстрирующего гостю редкую вещь, стал подзуживать Сашу на подвиги, желая представить ее мне во всем великолепии и могуществе. Но, надо отдать ему должное, делал он это деликатно, осторожно, явно опасаясь того, что Сашенька может почувствовать себя дрессированным зверьком. Начал он с того, что она уже открыла ему раньше: «А помнишь, Шурик, как.., а вот еще ты говорила...», но, тем не менее, твердо подводя ее к настоящему моменту, как бы готовя Сашу уже и к моим вопросам. Я это понял, оценил его маневр и не заставил себя ждать. Я спросил у Саши, видит ли она мою цветовую оболочку, так называемую ауру, и если да, то какого она цвета.

Саша навела на меня свои глаза и несколько секунд ее тяжеловатые зрачки сосредоточенно блуждали вокруг моей головы и плеч. Потом она как-то сразу расслабилась и опять засмеялась, прыская, как деревенская дурочка, знающая что-то такое, чего не знает никто.

- Ну что, что? - тоже смеясь и пытаюсь остановить ее смех, несколько смущенный пристал я.

- Я вижу голубой, зеленоватый, немножко фиолетового и розовый. До красного не дотягивает, - она опять хихикает и смешливо смотрит на меня.

- Ну и что значит этот розовый? - спрашиваю я, готовый к подвоху.

- Вообще, красный цвет - это цвет любви, а лучше сказать, цвет плотской страсти, - уточняет Саша. - А у вас розовый. Не дотянули! - опять смеется она. - А может, это означает и временное приключение, ну, например, вчера, - продолжая улыбаться, она хитро и испытывающе смотрит на меня.

Так. Первое попадание есть - отмечаю я с некоторым удовлетворением, потому что мне очень хочется сейчас верить в то, что Сашенька действительно умеет и знает больше, чем мы все. Этот розовый цвет я приобрел

вчера ночью, на пару с одной такой же смешливой девчонкой, как и Сашенька. Расстались мы с ней как раз сегодняшним утром. Значит, не дотянули до красного. Да, не дотянули! И как дотянешь, если нет у меня никакого желания сосредотачиваться на единственной персоне? Я переживал период «рассеянной» влюбленности.

- Ну, а голубой? Фиолетовый?..

- Это цвета интеллектуальной и духовной деятельности. Они у вас есть. Голубой чистый, поздравляю! - опять она смеется. Так мы с ней нахохочемся до икоты! Ишь, колокольчик.

- А какие еще бывают и что они значат? - Мне, правда, интересно. Жаль, что сам я ничего не вижу.

- Ну желтый - это цвет ревности и зависти. Серый - тупости и ordinарности, черный - цвет злобы, ненависти и подлости. Короче, вся радуга. У каждого своя. По этой радуге о человеке многое можно сказать. Она как визитная карточка. Не обязательно даже знать какого-то человека заранее - и так все видно.

- А притвориться можно? Насильно изменить ауру в корыстных, так сказать, целях? - поддерживает разговор и Князь.

- Нет. Не выйдет, - улыбается ему Саша. - Притворство само имеет оттенок.

- Скажи, и что же, ты вот так сразу любого человека рассекретить можешь? - спросил я.

- Можно не только о живых сказать, но и о мертвых. Их поле не умирает, - спокойно добавляет Саша.

- Да ну?! Это как же? Ты же не видишь их ауру? - меня разговор занимает все больше.

- Ауру не вижу, а чакры пощупать можно, - смеется девчонка на медвежьей шкуре, вытягивая перед собой свои симпатичные, такие по земному аппетитные ножки, что я не пропускаю это отметить.

- Ну хорошо, а что это за клопы, - чакры? - интересуюсь я, с невольной опаской думая о том, не видит ли она, как моя аура реагирует на ее ноги.

- Чакры - это основные центры физической и духовной жизнедеятельности человека, - излагает Саша, но не как надоевший урок, а с явным желанием поделиться с нами тем, что знает сама. Ее просветительство выглядит так же естественно, как сидение на полу. - У человека семь чакр. Например, первая может рассказать о ваших деловых качествах, вторая о вашем отношении к половым вопросам, а, скажем, четвертая о том, любите ли вы людей, добры или злы, насколько сердечны. Ну и так далее. Правда, высшие чакры, шестая и седьмая - это уже божественные чакры, они работали только у таких личностей, как Христос и Будда. Нам до этого далековато!

- Ну и как же можно их «пощупать»?

- Да очень просто. Они работая посылают сигналы. А если они закрыты или, наоборот, втягивают, а не отдают, это тоже информация.

- Так. Пушкин?

- О! У Пушкина все прекрасно! Его чакры работают на полную мощь. Причем как нижние до пояса, так и высшие, начиная с сердечной, четвертой. Пушкин, правда, гармоничен. Я его сама смотрела, сейчас не буду.

- Очень хорошо! - радуюсь я за Пушкина. - Ну, а у Белинского?..

И тут наступает мистическая пауза, потому что Саша замирает, на секунду опустив голову, затем встряхнув, поднимает перед собой руки и начинает водить ими в воздухе, словно ощупывая перед собой контур невидимого тела. Суетливая мурашка пробежала по моему позвоночнику. Как-никак, а

она оглаживала что-то такое, что принадлежало человеку, которого не было на этом свете почти полтора века. Врать не буду, покойником не запахло и серного облака не появилось, но стало не по себе. Саша потянулась руками в сторону, вода ими по незримым проводам, и очень быстро застыла, словно наткнулась на пустоту. Она усмехнулась и сообщила, что у неистового Виссариона сердечная чакра работала плоховато.

Князь крикнул, обескураженный итогом. Что ни говори, а Белинский был ему в некотором роде не чужим, и Князь испытал укол в область цеховой солидарности, поскольку подрабатывал рецензиями в двух-трех книжных издательствах.

- Ну, - набрался я наглости и почувствовал себя, как перед погружением в ледяную купель, - а у меня можешь поглядеть эту самую чакру?

- Отчего же, - Саша, не глядя на меня и так же выставив перед собой руки, будто моя оболочка уже переместилась к ней по воздуху, задвигала ладонями. Я с замирающим сердцем и ревнивым опасением сесть в лужу, следил, как ее рука ушла за границу Белинского, пошарила еще в наклоне и вытяжке. Саша успокаивающе засмеялась и сказала, что до конца не дотянулась. «А вообще, бывает, и десяти метров не хватает, такие попадаются активные чакры». Результат меня удовлетворил. Я огляделся гоголем. Правильный Сашкин прибор - люблю людей. Целую половину человечества люблю - поди измерь мою чакру. Нет ей краю!

- Посмотри его, - кивает Князь на меня. Она охотно встает, и тут я вижу, что она совсем не маленькая, а очень даже статная девица. Саша подходит ко мне, мы стоим друг против друга, и она, не касаясь меня, начинает оглаживать передо мною воздух. Я, пользуясь моментом, рассматриваю ее. Есть у наших женщин лица - вроде и простоваты, а вдруг разглядишь и некий изгиб, изюминку, которая делает лицо изысканным. И вот это сочетание простоты и изысканности рождает ощущение особой красоты и элегантности. Саша была из таких. Это отстраненное наблюдение доставило мне бескорыстное удовольствие. Я просто порадовался за природу, на этот раз оказавшуюся милостивой к этой девочке. А может быть я посмотрел на нее, как на картину. Кажется, Кант заметил, что наше наслаждение от созерцания живописного полотна всегда бескорыстно. Значит, я смотрел тогда на Сашу, как на произведение искусства.

Наступил важный момент. Сейчас я мог проверить, насколько она точна в своих прозрениях, ибо то, что знал о себе я, она знать никак не могла.

Я косил глаза на Князя. Он с доброй усмешкой наблюдал за нами. Князь был лет на пять старше меня, и он был мудр.

Саша колдовала, я ждал. Она долго возилась с головой, пошла вниз. Скользя руками мимо пупка, к ногам, усмехнулась. «Что?» - заволновался я. «В порядке, в порядке», - успокоила она. Затем она долго возилась с ногами. Еще бы - левая в свое время имела сложнейший винтовой перелом. На этом закончилась моя горнолыжная страничка жизни.

Саша выпрямилась и еще раз принялась за голову, застряв у затылочной части. Горячо, горячо! Именно там была у меня серьезная травма, полученная еще на флоте. Хорошо постарались тогда семь «дедушек» над салагой. Одно утешение, что и я в накладе не остался, оставил кое-кому память о себе.

Наконец, Саша отлепилась от моего биополя. Я с нетерпением ждал приговор.

- Так, - начала она, - две сильных травмы головы. Одна в детстве, года в два-три, вторая лет десять назад. Последняя травма до сих пор дает о себе знать. Побаливает голова?

- Бывает, - сознался я. - А вот детской травмы что-то не припомню, - засомневался я. - С горшка, что ли, упал?

- Была, была травма. Ну, левая нога была сильно переломана. Срослась, правда, на редкость удачно. Нос был сломан, безымянный палец. Это травмы. Теперь о внутренних органах. Есть предрасположенность к язве. Гастрит очень запущен. В туалете долго сидите?

- Мм... А что?

- У вас приблизительно сантиметров на восемьдесят кишка длиннее нормы. К старости это скажется, но зато жить будете долго. Сердце у вас великолепное. Работает мощно, просто загляденье! Легкие чистые, но курить все равно бросайте. У вас склонность к легочным заболеваниям, пока не проявленная. Ну вот, пока все.

Я был, честно скажу, потрясен. За пять минут она обследовала меня так, как за месяц не смог бы целый институт, замучивший бы еще анализами и клизмами. Да-а! Я посмотрел на Князя. Тот сидел, раздувшийся от гордости, будто это он, а не Саша, ошеломил меня.

- Послушай, как же ты все это видишь?

Саша легко засмеялась: «Я сама не знаю. Вижу и все. Как на цветном рентгене. Я даже кровь вижу, как она течет».

- А ты что, о любом человеке можешь так же рассказать, даже о том, кого никогда не видела?

- Конечно.

- А если я тебя попрошу посмотреть моего соседа, ты сможешь?

- Отчего же, конечно! Он же существует.

- Это что же, тебе одного имени довольно?

- Не обязательно. Зачем мне имя. Хватит того, что ты его знаешь.

- Значит, я как бы проводник?

- Ну, что-то такое, да.

Незаметно мы перешли с Сашей на «ты». Она была первой женщиной, которая знала обо мне столько, что я растерялся. Эта девочка видела насквозь. Отпала всяческая потребность в хитростях, уловках и лицемерии. Я почувствовал себя так легко и таким свободным, словно она вернула меня к себе самому. Выходило, что она может принять тебя таким, каков ты есть, со всем твоим мусором, или оттолкнуть как чужого. И все. И ничто не поможет. Никакие маневры. Я понял, что этого человека потерять не должен. Дело, конечно, не в переломах и шишках, а в том, что она теперь думала обо мне, не выразив словами. Это был своеобразный экзамен за всю предыдущую жизнь - на полноценность, что ли.

Мы ушли вместе, унося отеческую, все понимающую и благословляющую улыбку Князя, одну на двоих.

- Сашенька, - сказал он ей на прощание, - поминай меня в своих релаксациях!

Саша, постоянно ровно светящаяся от радости, смеясь ему в ответ, обещала поминать непременно, три раза на день.

Только у ее дома, когда она пошла к подъезду, я обратил внимание на ее одежду. На Саше были белые носочки, точно такие же, какие носили в тридцатые годы наши бабушки и матери. На ногах ее я заметил какие-то тряпичные тапочки, далеко не новые и вообще - юбка, кофта, трикотажный свитерок, все было таким бедным и старомодным, что у меня прищемило сердце. Но по всему было видно, как ей наплевать на свой внешний вид. Она не замечала своей одежды, не заметил и я, поглощенный весь вечер

вглядыванием в нее саму. А впрочем, она и в этих тряпках выглядела как королева. С ее фигурой и подтянутой стройностью это было не трудно.

На прощание она сказала, что позвонит мне сама, когда почувствует, что я этого действительно хочу. Я брел домой, не зная что думать, но ясно чувствуя, - эта встреча что-то знаменует в моей жизни и, наверняка, не случайна.

Саша позвонила через два дня, в субботу, ровно в десять часов утра, в ту самую минуту, когда наступил пик моего ожидания. Проснувшись, я долго лежал в постели, думал о ней и посылал ей мысленные приказы позвонить мне, позвонить сейчас, в это утро.

- Ну что, заждался? - смеялась она в трубку, явно не сомневаясь, что так оно и есть. - У меня даже ухо зачесалось, так ты требовал! Ну вот, теперь легче?

Она была на моей волне, и я почувствовал от этого такую огромную радость, будто в меня, осветив все внутри, вошло солнце.

Мы договорились встретиться у Новодевичьего монастыря.

По ее инициативе было выбрано место, но меня оно обрадовало: я любил этот монастырь и иногда приезжал сюда побродить.

Саша пришла в том же, в чем была в первый день - ее белые носочки были белы. Она с благодарностью и смущением приняла цветы, признавшись, что очень их любит.

- А шампанское? - засмеялся я, довольный неожиданным эффектом, как будто Саша впервые получала цветы от мужчины.

- И шампанское! Чуть-чуть. Тоже! - Это признание несколько удивило. Я думал, что ведьмы не пьют шампанского. «Будет шампанское!» - пообещал я. Мы вошли в монастырь.

Саша не знала о его истории, она любила его красоту. Но мне захотелось, чтобы она полюбила его и за историю, чтобы его красота наполнилась для нее смыслом и значением, одухотворилась, ибо, как мне казалось до сих пор, отвлеченная, внешняя красота умалчивает об истине. Я был неисправимым приверженцем и поклонником триады - истины, красоты и добра, только в этом единстве находя подлинную красоту. Красота есть и в истине, и в добре, но сама красота - без истины и добра существовать не может, потому что в ней, как в сосуде, покоится главный смысл всего сущего. Через такую красоту Бог выражает свою любовь к миру.

Я рассказал Саше о том, как возник монастырь. Как, в 1523 году, отправляясь в поход на Казань, воевать татар, великий князь и государь всея Руси - Василий III, в случае удачи, обещал поставить на посаде Девиный монастырь, что место им было выбрано не случайно: именно здесь переправлялась через Москву-реку орда Махмет-Гирея в 1521 году, попытавшаяся овладеть Москвой, что в 1571 году монастырь был разорен и предан огню ордами крымского хана Девлет-Гирея, а уже в 1591 году, восстановленный и укрепленный к тому времени заново, он, Девиный, своей артиллерией расшвырял и вынудил отступить другую крымскую орду под предводительством Казы-Гирея.

Мы шли по дорожкам монастыря, радуясь солнцу, молодой зелени и пытаясь представить, как мог смотреться среди этих священных русских камней Наполеон Бонапарт. Мне эта картина не удавалась, как я не напрягал воображение. Вот Борис Годунов, это другое дело. Я рассказал Саше о том, что вдова царя Федора Иоанновича Ирина Годунова прибыла в Новодевиный на девятый день после смерти мужа и постриглась в монахини под именем Александры. Что здесь, именно здесь, брат ее, Борис Годунов был избран на царство.

Казалось, Саша внимательно меня слушала, и я не жалел красноречия, я увлекся сам. Я видел царицу Софью, заточенную Петром в одной из келий того самого монастыря, в который она вложила столько сил, сколько не вкладывал ни один государь до нее. Как раз при ней монастырь приобрел нынешний вид, изрядно перестроенный и приукрашенный. Я видел, как опускается она в подкоп, проделанный верными ей стрельцами, и представил, как безмерно было ее отчаяние, когда, почти выйдя на свободу подземным ходом, была она схвачена солдатами князя Трубецкого. Но и Петр! Только через пять месяцев снял он трех повешенных под окнами кельи Софьи. Боже, во что же превратились эти несчастные! И о чем думала бывшая царица, глядя, как терзает воронье страшные, смрадные трупы?

Да, Девиций. Думал ли царь Василий III, закладывая обитель, что столько дев и государственных жен будет упокоено под его землей и камнями? От малолетней дочери Ивана Грозного, Анны, до первой отставной жены Петра Первого, Евдокии Лопухиной, от княжны Ульяны, до помещицы Екатерины Раевской, сосланной за то, что запорола до смерти двух дворовых людей. Надо же!

Рассказал я Саше историю и о знаменитой иконе «Пречистая Одигитрия», величайшей святыне Смоленска, по которой получил свое имя главный Смоленский собор монастыря. И еще многое рассказал из того немногого, что знал сам.

Мы сидели под деревьями у Трапезной палаты, среди старушек в светлых платочках и, когда я замолчал, устав от собственных слов, Саша задумчиво подняла голову кверху, устремив свой взгляд в распускающуюся крону тополя, и мечтательно сказала: «Скоро липовый цвет пойдет!»

- Тебе было неинтересно? - спросил я.

- Интересно. Спасибо тебе! - спохватилась она. - Правда! Только, знаешь, все это уже умерло. Та жизнь отцвела навсегда. Все эти люди, страсти... Это как детство. Вроде бы было, и с тобой было, а вроде и не было, потому что мы уже совсем другие. Они жили только на Земле, только на Земле, понимаешь?

- Да, конечно. Но вот этот монастырь, его красота видна и из космоса. А ведь это они его создали. Понимаешь?

- Ну, в этом ты прав, - примиряюще смеется Саша. - Зайдем в церковь?

- А ты крещеная? - осторожно интересуюсь я. Мне самому хотелось пригласить ее в храм, но я как-то не решался. Мало ли, все же, что ни говори, а ведьма. Хотя любопытно посмотреть, не скрутит ли ее бес на пороге.

- Не знаю точно. Наверно. А может и нет, - как-то безразлично ответила Саша, и я понял, что - нет. Даже если и крестили ее в детстве. Это наблюдение ничуть не оттолкнуло. Она мне была бесконечно интересна, как НЛО. «Хорошо» и «плохо» тут не проходили.

Мы вошли в церковь, и ее не скрутило. Она опять любовалась красотой, соскальзывая с ее внутренней наполненности. В ней не было религиозного чувства. Молящиеся старухи быстро заметили ее непокрытую, вольную голову, и враждебный шепот пополз по нашим следам. Я увел ее быстрее, чем того мне хотелось, не желая потакать ненависти в святом храме.

Гуляя вокруг пруда, с постоянством влюбленного фотографа, снимающего на свою «пленку» всегда те же деревья, кусты и башни монастыря, я выспросил у Сашеньки, как же началось ее ведовство. И тут меня ждал еще один сюрприз. Оказалось, что открыла она в себе удивительные способности совсем недавно, месяца два назад. В их институте (Саша заканчивала последний курс одного из технических вузов) выступал человек, который знал и умел гораздо больше, чем могла она сейчас. По ее мнению - самый сильный

в стране сенсор. И вот на его лекции она и почувствовала, что могла, могла бы сама сделать нечто похожее. Она подошла к нему, и он ей, единственной, разрешил прийти к нему на лечебные сеансы, тоже в ней что-то учуяв.

Когда она пришла к нему в первый раз, человек этот заявил, что специально учить ее ничему не станет, но если ей дано, то она, глядя со стороны, как работает он, через какое-то время воспримет его знания. Я не понимал, как это возможно, однако Саша сказала мне, что уже на четвертом сеансе она почувствовала в себе новую силу и попросила у учителя разрешения посмотреть пациента самостоятельно. И она - увидела больного! В ней открылось то самое внутреннее и энергетическое зрение, которым потрясла она меня и Князя.

Очень скоро она оставила учителя, узнав, что тот берет с больных деньги, но маховик, стронутый им с мертвой точки, стал набирать бешеные обороты. Саша мгновенно обросла новыми знакомствами, книгами, сведениями, которые словно сами теперь искали ее. Все нужное ей она притягивала как магнит, попутно заметив и мне: «Ты не замечал, что не человек ищет книгу, а она его, если он уже готов понять ее смысл? Не замечал, что встречи не случайны, если это, конечно, не пустые встречи?»

Да, я замечал это. И лучшее тому подтверждение - она сама. Одно не ясно - важна ли наша встреча для нее?

Мы остановились на пешеходном мостике через пруд, и Сашенька, глядя в нечистую воду под нами, задумчиво сказала: «Знаешь, я ведь не с Земли. Моя планета - Вега. Я не знаю, зачем я здесь. Меня как будто зовут оттуда, я чувствую, как притягивает меня космос». Я посмотрел на Сашу сбоку, на ее милый славянский профиль, на волосы, текущие за спину, на ее почти детские плечи и не смог обнаружить хотя бы малейший намек на ее космическое происхождение.

Словно читая мои мысли, она засмеялась своим смешливым смехом и сказала о том, что я напрасно ее разглядываю. Физическая оболочка не значит ничего. Это всего лишь очередное воплощение вечной души, а душа - космическая скиталица.

- А я кем был?

- Ты? - она секунду размышляла, глядя на меня, - мне почему-то кажется, что ты в предыдущей жизни жил на юге Франции, может быть, в Бордо. У тебя было трое детей, две девочки и мальчик, но ты рано овдовел, быстро состарился, потому что очень любил жену.

- Горькая судьба, - пожалел я себя. Жить в Бордо, быть французом и рано овдоветь с тремя детьми на руках - какая гадость! Лучше бы не знать о такой невезучести.

- А еще раньше? - Мне хотелось более счастливой судьбы.

- Еще раньше? Сейчас, сейчас... ты был китайкой и умер при родах.

- Кого хоть родил-то?

- Девочку. Хорошенькую девочку.

Сашка опять смеется. Как это у нее получается? Серьезное вперемешку со смехом. Она как ребенок не понимающий, каким даром играет. Она, по моему, непрерывно наслаждается жизнью, а я рядом с ней чувствую, как сгустилось время. Кажется, жил я до нее, как в луже, и вот понесло меня по горной реке. Ах, какая прелесть - жизнь!

Я опять проводил ее до дома. Мне не хотелось расставаться, и она, зная это, что-то переступив в себе, пригласила зайти.

Пока мы поднимались по лестнице в старой, инвалидной «хрущобе», Саша сказала, что родители у нее очень простые люди, работают на заво-

де, что между ними и ею нет абсолютно никакой внутренней связи - чужие. Сказала, что стремится как можно меньше бывать дома, и чтобы я не обращал внимания на обстановку.

Однокомнатная ее квартира поразила бедностью. Девушка с планеты Вега жила здесь за шкафом в темном углу, на старой, кажется, сбитой из досок кровати. В ее закутке кроме кровати была еще этажерка с учебниками, чертежами, тетрадками и табуретка. Всё. У кровати лежал соломенный коврик. Она указала на него и сообщила, что спит в основном на нем. «Почему?» - удивился я. «Не знаю. Хочется», - как всегда легко и без смущения ответила Саша. И все же ее задевало, что я вижу эту бедность. «У меня будет в жизни все, или ничего», - опять читая мои мысли, продолжила она. - «Или роскошь, или нищета. Лучше пусть будет роскошь. Я не люблю отвлекаться на быт, на всю эту суету вокруг желудка и тряпок. А пока этого нет, пусть бедность. Бедность так бедность, без всяких претензий. Хотя я знаю, что ты бедность не любишь. Ты не стесняешься меня?»

Молодая ведьмочка смотрела насмешливо.

- Разве важно, как ты живешь? Ты же не здесь и не отсюда.

- Так-то так, но, знаешь, я люблю красивые вещи. Когда у меня будут деньги, я куплю себе самое изысканное платье! А пока терпи меня в этих тряпках. Я их ношу с первого курса.

- А где твои родители?

- Папашка, конечно, козла во дворе забивает, а мать, наверное, уехала к сестре. А что?

- Да нет, ничего. Они знают о твоих... способностях?

- О чем ты? Они никогда ничего не поймут. Уверены, что я связалась с какими-то сектантами. Того и гляди, выгонят из дома.

Я с трудом ушел от Саши. Скоро ли увижу ее, было не ясно, потому что она готовилась к защите диплома и, скорее всего, будет долго занята.

У себя дома я попытался оправдать ее равнодушие и отчужденность от отца и матери, но все же какая-то заноза осталась. Несмотря на ее высокие межпланетные перегрузки.

Семь дней от нее не было вестей. Я, насилуя себя и кляня за нетерпение, позвонил Князю, но он также ничего не знал. Развеселившаяся весна мучила одиноких. Если ты одинок весной, особенно во второй половине мая, когда само солнце сходит с ума, а каждый листочек и травинка соблазняют воздух своим личным ароматом, когда сумерки вдыхают и выдыхают сиреневую дымку, если ты одинок в эти дни - нет человека беспокойнее и слабее тебя. Чтобы пережить дурманящий натиск весны, тебе необходим соратник. И как легко одолевать весну вдвоем!

Почти на закате дня, я бессмысленно кружил по переулкам, как заблудившееся тополиное семечко. В груди моей дергалось растревоженное сердце. Я много думал о Саше, но даже среди этого весеннего пожара, я не думал о ней как о женщине. Меня всецело держал ее внутренний мир, словно эта по-своему красивая девица не имела тела.

Как, откуда, зачем вошел в нее этот дар? Почему и кто избрал ее, чтобы вложить, как в ножны, свой меч? И чей это меч?

В это время я жил в трехкомнатной квартире недалеко от Волхонки. Хозяева были за границей, и я за символическую цену снимал ее, а точнее, сторожил и следил за цветами. Одна из комнат была закрыта, очевидно, храня самые ценные вещи, но две других - с огромной крытой лоджией, находились в полном моем распоряжении. Никогда еще не жил я так вольготно

и удобно. Помимо прекрасной библиотеки, здесь все дышало и бытовым комфортом. В этой квартире невозможно было набить себе шишку: вся она, как бархатный футляр, была упакована в ковры, подушечки, пружинящие обои. Мещанский рай.

После весенних прогулок и размышлений о Сашеньке я приходил сюда, к немому телефону, все несдержаннее сердясь на ее молчание. Ведь она знала, что я жду, конечно, знала! Я спешил, торопился вытащить из нее новый для себя опыт. Не было сомнений, что она вошла в мою жизнь вовремя. Трехмерное восприятие действительности к этой поре представлялось мне плоским и убогим. Я хотел знать и видеть больше, потому что не сомневался в существовании зазеркалья. И она томила меня, пугала своим отсутствием. Я понял, что боюсь ее потерять. Сашка, дрянь, позвони! Не исчезай!

Александра объявилась на восьмой день. Она позвонила в дверь. Увидя ее на пороге, сияющую, с капустной кочерыжкой в руке, я даже не успел удивиться от радости - ведь она не знала моего адреса! Хрустя кочерыжкой, Саша прошла в дверь, с одобрением оглядывая просторную прихожую, и тут я заметил в ее руке большую хозяйственную сумку, сразу поняв, что там ее походные вещи.

- Приютишь меня на несколько дней? Я сбежала из дома, - простодушно улыбаясь, сказала она.

- Но как ты меня нашла? - спохватился я.

- Очень просто. Шла, шла и нашла.

- Не зная адреса? - не поверил я.

- Не зная. А что тут такого? - смеется она и весело оглядывается. Ей нравилась квартира. - Тут хорошее поле! Хозяева - хорошие люди. И ты не намусорил.

- В смысле?

- В смысле ментальности. Помещение тоже имеет свою ауру. Мне здесь нравится. Здесь легко.

Я разогрел обед, но она отказалась есть мою еду. Саша принесла на кухню свой пакетик и выложила на тарелку две морковки, еще одну кочерыжку, яблоко, половинку отваренной свеклы и горсточку сухофруктов. Глядя на это убожество, я только тут сообразил, что она сказала, когда вошла. Она хочет жить здесь, со мной, несколько дней. Какая новость!

Слыша мои мысли, Саша говорит, примериваясь к морковке: «Я тебя не стесню? Ты не волнуйся, я буду уходить надолго. Дома заниматься невозможно, родители окончательно запилили. Ведь места хватит?»

- Конечно. Одна комната твоя.

Впервые я забываю о себе как о мужчине. При другом раскладе, ситуация не оставила бы у меня никаких сомнений в исходе такого соседства, причем этой же ночью, но сейчас я даже и тени подобной мысли не вижу. Саша для меня не женщина. Что-то совсем другое. И она, похоже, это знает. Знала еще до прихода. А, может, пришла поэтому.

- Ты трупоед? - говорит она, наблюдая за моим ножом, кромсающим отбивную.

- То есть?

- То и есть! Питаешься трупами наших меньших братьев. Не страшно? - Саша смотрит на меня с сочувствием, как на больного, не знающего, где у него болит.

- А сама-то ты давно на морковку перешла?

- Ты прав. Недавно. Три года назад.

- То-то! - торжествую я, но уже без прежнего аппетита приступая к мясу.

- Учти, - не унимается моя ведьмочка, - карма этого животного переходит на тебя. К тому же в мясе забитых на бойне есть яд. Их страх перед смертью превращается в яд для убийц. Так животные мстят человеку.

Дальше она читает мне целую лекцию о вреде трупоедства и пользе вегетарианской пищи, увязывая все это с психической жизнью, состоянием здоровья, уровнем и качеством умственной деятельности. Я с отвращением смотрю на отбивную, чувствуя себя каннибалом.

- То ли дело - морковка! - Сашенька громко и весело грызет свою последнюю морковку, поясняя напоследок, что пища нужна для жизненной энергии, а ее, прану эту, можно взять отовсюду. И еще очень важно, как ты ешь и что думаешь о еде. По ее словам выходило, что не только она радовалась морковке, но и морковка радостно отдавала ей все, что хорошего в ней было. - Прана во всем! В солнечном свете, воздухе, деревьях, земле. Человек может брать ее отовсюду достаточно, даже не питаясь привычной пищей. Как, по-твоему, мог Христос сорок дней прожить в пустыне без еды? Он умел брать прану!

- Так. А зачем тогда нам желудок, зубы, кишки?... - не сдавался я, почему-то довольный ее убежденностью.

- Аварийный комплект! Запчасти!

Мне светло от ее смеха. Мне вообще светло, когда она перед глазами - это я осознаю все отчетливее, не понимая даже, почему так. Что-то с нею приходит вместе, может быть, радость. Да, наверное, радость. Глядя на ее постоянную, ровную веселость, какую-то несокрушимую уверенность в прочности и разумности жизни, я и сам начинаю верить, что все не напрасно, что во всем есть иной, надежный смысл, и этот смысл освещен могучей силой, пока не доступной моему разуму. Убедительные способности Саши, ее причастность к этой силе делают меня как бы спокойнее. Значит, есть все же в этом мире что-то такое, что неподвластно хаосу и парит над ним, понимая ситуацию в целом.

Не могу сказать, что она - первый человек, поразивший меня особым даром. Еще в армии я знал одного военврача, который проделывал удивительные штуки. Он мог заставить под гипнозом рисовать в манере Репина любого, даже тех, кто и треугольник-то на бумаге не мог нормально начертить. Или играть на пианино прелюдию Паганини человека, до сих пор не знавшего, с какой стороны подходить к роялю. Военврач объяснял нам эти чудеса тем, что подключал испытуемого к общечеловеческому биополю, которое окутывает Землю, как стратосфера, но невидимо и хранит весь духовный опыт, накопленный людьми за всю свою историю. В этом биополе, как в библиотеке, сохранен и опыт Репина, и Паганини, а испытуемый лишь проводник, через который их гений способен спроецироваться. Правда, выходя из гипноза, бедняги ничего не помнили.

Но тогда я как-то не вник в идею военврача. Я заметил и за другими людьми поразительную глухоту к необычному. Как будто бы в мозгу человека стоит заслонка. Он видит перед собою чудо, но не в силах понять или объяснить, попросту отталкивает его от себя, как нечто сомнительное и ненужное. Так упорно не верили в НЛО, в то, что они могут существовать. Но почему нет? Это же идиотизм, считать, что мы одни на белом свете. Но этот идиотизм - скорее всего защитная реакция неразвитого разума. Конечно, всякая новая мысль требует бесстрашия, риска потерять уютные и привычные представления. А ведь один только факт, которому свидетелем был я сам, наблюдая эксперименты нашего военврача, должен был перепахать все мое сознание. Но этого не случилось.

Теперь же, познакомившись с Сашей и углубляясь в ее мир, я начал понимать всю неслучайность «чудес». Она приоткрыла дверь, за которой пылал во тьме зрачок нового измерения. Мой страх притуплял ее смех. Постоянно веселясь и смеясь, она как бы и успокаивала меня, внушала ощущение безопасности. Напрягшимися инстинктами я чувствовал, как это важно для меня.

- А как отличить белого мага от черного? - задал я Саше давно занимавший меня вопрос.

- У белых магов глаза светлые - голубые, синие, зеленые, но только не карие, - ее ответ меня ошеломил своей простотой и привязкой к физиологии. Если бы я ей не верил так, как уже верил, я бы засомневался, но у Саши и у меня были светлые глаза, и ответ меня утешил.

Не разбирая сумку, а просто бросив ее на диван в «своей» комнате, она ушла. Как я понял, на встречу с такими же, как и сама, ведунами. Тогда, в восьмидесятом, эти сходки были почти подпольными. Перед тем, как исчезнуть, она попросила найти в библиотеке любимого ею Арсения Тарковского, и я полез по полкам, отыскивая томик стихов...

Саша вернулась поздно и усталая. То, что она мне рассказала, походило на волшебную сказку. Там, где она была, умели еще больше, чем она сама. С ее слов, хозяин квартиры, самый сильный среди прочих, на ее глазах материализовал табуретку, которой не было в комнате, каким-то образом перенес ее через стену из соседнего помещения. Он же взглядом поднимал эту табуретку в воздух, а затем взглядом же заставил ее исчезнуть, вероятно, вернув на место. То, что это не было галлюцинацией, как предположил я, доказывал факт ощупывания табуретки всеми присутствующими, в том числе и Сашей. Табуретка была настоящей.

Затем она рассказала мне, что хозяин умеет сам проходить сквозь стены. И обещал научить этому любого в течение месяца.

Голова моя поехала. Да как же это - сквозь стены?!

Но Саша, довольно посмеиваясь, что-то объясняла мне о преобразении энергетики и биополя, меняющем на время структурное состояние тела, о том, что даже с физической точки зрения это возможно. Я успокоился лишь после того, как на мой вопрос, видела ли она своими глазами этот переход через стену, она ответила - нет. На этот раз - не получилось.

То-то же! А то и с ума свалиться можно. Мне кажется, я бы рехнулся, если бы при мне Саша вдруг ушла в стену, просунув в нее руки и ноги. Кошмар! В то же время я ведь слышал уже о левитации, о телекинезе. Об этом говорилось, как о реальных фактах. Да та же Кулагина,двигающая предметы, не прикасаясь к ним. Тут уж если имеется *A*, то непременно возникнут и все остальные буквы. И Саша укрепляла меня в этих рассуждениях, уверенно говоря о том, что человек - действительно подобие Бога и когда-то умел и мог все: летать без крыльев, передавать мысли на расстоянии, передвигать огромные физические массы в пространстве и жил долго-долго, как тот же Адам из Библии - почти тысячу лет, умирая едва ли не по своей воле, не от износа и старости, а добровольно, желая перейти в новое воплощение, попутно прихватив с собой в новую жизнь старый генный опыт.

Самое поразительное, но в той картине мира, которую рисовала передо мною Сашенька, несмотря на всю ее чудесность и фантастичность, все держалось на твердых материалистических принципах, без всякой мистики, даже сама «загробная», потусторонняя жизнь. Боги здесь представляли не как фантомы, а как реальные существа, лишь достигшие более высокого уровня физического и духовного развития. Мир оказывался одинаково живым как по

ту, так и по эту сторону. В нем отрицалась смерть. Была не смерть, а переход, перетекание, метаморфозы бытия - бесконечные и вечные, полные смысла и логики. И жизнь, ее суть выражалась в Сашином понимании - как раз в этом неостановимом процессе движения - из тьмы в свет, из света во тьму, без остановок. В этих переходах вечная душа человека зрела, наполнялась, взбиралась по ступенькам эволюции выше и выше, стремясь к великому совершенству, под которым мы, люди, понимаем совершенство божественное. Христос для Саши не был богом, он был великим человеком, достигшим высочайшей степени духовной эволюции. Как, впрочем, Магомет и Будда.

Только сейчас я осознал, что церковь и религия для Александры были предрассудком. Но при этом она вносила уточнение: на данном этапе человеческого самосознания этот предрассудок необходим и, наверное, полезен, ибо все же подготавливает человека к встрече с высшим, постоянно напоминает о нем и нацеливает на него.

Да! Было, было о чем поразмышлять, глядя на Сашу и слушая ее. Эту девочку банальной назвать было нельзя. Не оттого ли она постоянно смеялась, что для нее не было смерти?..

Мы легли в разных комнатах.

Засыпая я улыбался. Я вообразил, что уже научился проходить сквозь стену. Могли бы мы стукнуться лбами в этой самой стене, вздумай одновременно навестить друг друга?..

Проснувшись необычайно рано, но чувствуя подъем и бодрость, я заглянул к ней в комнату. Саша в белой спортивной маечке и коротеньких трусиках с красными полосками по бокам, стояла у окна. Ее поза была вдохновенна. Она словно бы приветствовала и в то же время отдавалась солнцу, закинув лицо и подняв над головою руки с открытыми солнцу ладонями. Она брала энергию солнца! В этом ее застывшем жесте мне почудилось древнее величие и забытая простота.

Как это просто - брать силу от солнца, благодарить деревья и воздух, ласково думать о яблоке или хлебе, продлевающих твое присутствие здесь. Саша это умела. Она воспринимала жизнь не как абстракцию или цепочку случайных событий, а как живой единый природный поток, в котором сама она была естественной частью. Это мы, больные и замороженные, неведь что вообразившие о себе недоумки, пыжились встать над природой, воспринимая ее как нечто внешнее, отдельное, а порой и враждебное. Мы смело рвем родовые связи с нею, вознося свой разум на вершину гордыни.

Но разум лишь часть нашего существа. Абсолютизируясь, он вступает в войну с целым. С нашими инстинктами, чувствами, предчувствиями, с нашей интуицией и подсознанием, умеющими таинственным образом проникать в истину.

Саша не преувеличивала роль разума. Она отводила ему место, равное среди прочих. В этом был ее невидимый, неосознанный ею бунт. Ее личный мятеж против тупости большинства, не способного слышать и видеть все то, что отрицал банальный коллективный ум. Она была ведьмой, она ведала и выведала больше, чем знали мы. Но у кого ведала она?

Глядя на ее воздетые к солнцу руки, я подумал, что те несколько дней, которые она решила прожить под одной крышей со мной, я должен удлинить ровно на свой рабочий день. Я знал способы, как взять бюллетень без лишних хлопот. Обвести наших районных врачей труда не составляло. Сегодня я «заболею» на всю Сашину неделю. Мне требовалось ее общество.

Она уловила мое присутствие. Повернувшись ко мне, Саша засмеялась вместо приветствия и пригласила делать упражнения.

Я сел на ковер поодаль от нее, как зритель. Не обращая на меня внимания, она продолжала свою зарядку. Следя за ее необычными действиями, сводящимися к чередованию довольно-таки статических поз, как мне показалось, рассчитанных больше на гибкость и растяжку мышц, я невольно изучал ее тело, все более чувствуя, как она превращается для меня в земную, реальную молодую и сильную женщину, с отменно вылепленной фигурой, в которой есть все, что может радовать глаз нормального мужика. Я заметил налитую округлость ее бедер и мускулистую плоскость живота, четкий рельеф ягодиц и изысканную стройность икр. Она была почти обнажена передо мной. Ее короткие спортивные трусики становились еще короче, когда Саша стояла «свечкой», подняв вверх ноги и затем гибко заводя их далеко за голову. Я видел больше, чем мог видеть. Я видел все изгибы ее до совершенства развитого тела и пытался остановить свое новое любопытство к ней, боясь, что оно повредит главному к ней интересу. Но ничего у меня не получалось. Я увидел в Саше женщину. Сладкое жало впилося.

Девочка с планеты Вега села в позу лотоса и весело, быстро и внимательно взглянула на меня, поймав за хвост новое выражение на моем лице. Я понял, что попался. Она ничего не сказала, но охотник, очнувшийся во мне, уже искал в ее глазах ответа, того едва уловимого движения, по которому стало бы ясно, желает ли она стать дичью?

Саша, как всегда, смотрела на меня прямо, ее явно разбирало веселье, и я догадался, что ей забавно, а, может быть, и приятно то новое ощущение, которое я испытал к ней. Нет, оно не смутило, не насторожило и не испугало ее - она приняла его как неизбежность, как закон Бойля и Мариотта, и эта ее реакция уравнивала во мне старое и новое, таинственным образом не нарушив баланса в наших отношениях. Более того, ее земная понятливость лишь возвысила Сашу в моих глазах.

Идя за бюллетенем, я думал о ней. Идя с бюллетенем, я думал о ней. Впервые в моей жизни появилась женщина, которой ничего не надо было объяснять и вкручивать. Она чувствовала и знала меня, как я сам. Она была мной. Она была во мне. Даже один, без нее, я словно носил ее в себе, и мне казалось, что и она без меня все равно была со мной, что и я сидел в ней. А иначе как же она могла так тонко и глубоко понимать меня?

Мне трудно определить словом то, что я испытывал в эти дни общения с Сашей. Может быть, духовный восторг? Оттого, что возможен такой контакт, такое внутреннее слияние двух людей. Да, до сегодняшнего дня просто людей. Но теперь на горизонт выплеснулась иная краска, и она должна была как-то изменить всю картину. Как?

Саша вернулась, когда я устал ждать. Она вошла в дом с поднятым над головой томиком Тарковского. Она пела его стихи, те самые, так любимые и мною:

Предчувствиям не верю и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда.
Я не бегу. На свете смерти нет.
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком.

Что это было? Я смотрел в ее светящееся лицо, но словно не видел черт его - я чувствовал ее всю, целиком. Волна острейшей радости накрыла

меня, во мне что-то туго и звонко лопнуло, словно открылся бутон огромного цветка. Я любил эту девчонку! Наверное, любил.

Я подхватил стихи:

Живите в доме - и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом, -
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас...

Она не бросилась мне на шею, но она бросилась мне на шею! Я это видел в ее счастливых глазах. Она ответила мне с той же силой и, если бы между нашими взглядами пролетел сейчас мертвый предмет, он ожил бы или сгорел без остатка.

«На свете смерти нет. Бессмертно все!» Да-да, поэт знал это, а теперь умерев знает точно. И я понимал, почему любила его Сашенька, но сейчас догадался и я, отчего эти стихи завораживали меня раньше, даже без серьезного погружения в их смысл. Что-то во мне быстрее разума отозвалось на них, и лишь теперь мой ум дотащил ноги до сути. В одном я был не согласен - на этом свете тьма есть! Больше - свет убивает тьму, но сам возникает из тьмы. Получается, что тьма - мать света, ибо свет не рождает свет, как не рожают однополые. В этом итоге скрывалась тайна, двусмысленная, как раздвоенный язык змеи.

Мы сидели на кухне, поодиночке переживая ту внезапную вспышку, что произошла в нас только что. И наши глаза не искали друг друга, словно боясь чего-то. Саша опять грызла свои морковки, наводя меня на мысль, что у нее есть где-то грядка.

- А у тебя уши растут, - мирно сказал я ей.

- А у тебя зубы, - ответила она, с иронией глядя на жареную колбасу, которую я вяло мял вилок.

- Я видела тебя сегодня днем, - сказала Саша.

- Где, если не секрет? - днем я был дома.

- В ванной. Ты принимал душ?

Душ я принимал и как раз днем, «обмывал» липовый бюллетень.

- Я сидела в сквере у Большого театра, захотелось узнать, что ты делаешь, выбрала на небе экранчик и, представляешь, увидела тебя! Ты стоял под душем!

Известие меня смутило. От моей ведьмочки, похоже, нельзя было скрыться нигде. А если бы я в это время был не в душе, а рядом? Да и душ в общем-то...

- Я стоял к тебе спиной, надеюсь?

Она смеется и не отвечает, но, черт побери, как тут быть с тайной личной жизни? Это что же выходит? Да я у нее на ладони! Буквально! На иголке ее способностей - букашка-гаракашка!

Интересно, а если бы я увидел ее в душе, понравилось бы ей это? Да-а.

Мы легли в разных комнатах.

Все следующее утро Саша рассказывала мне о Шамбале, Гималаях и семействе Рерихов. По ее словам выходило, что Николай и Елена Рерихи живы, точнее, живы их духовные сущности, что обитают они в заповедной Шамбале, особом месте в Гималаях, куда нет доступа живым, обычным лю-

дям, но все, кто достиг высшего духовного совершенства при жизни, после смерти сюда призываются. Что-то наподобие Олимпа, собравшего у себя элиту человечества. Эта элита не бездействует, а пытается благотворно повлиять на эволюцию людского рода, эмануруя духовную энергетику в пользу добра и отчаянно борясь с мировым злом. Саша сказала мне, что мечтала бы попасть в эту Шамбалу.

Я припомнил русские сказания о Беловодье и подивился схожести и стойкости устремлений разных, совсем разных народов. Православный храм и пагода, славянская девчонка и йоги, бог ты мой! Как один мир! Как условны в нем границы и шлагбаумы, в первую очередь, незримые. Дух и вправду дышит везде. Кто положит ему пределы, если он суть и продолжение Бога?

После жалкого овощного обеда, унылым участником которого стал и я, поддавшись на вегетарианскую пропаганду Сашеньки, мы ушли из дома. Нас вытащила весна, выманило солнце, птичий дурашливый гам и душистая страсть черемухи, нетерпимая к соперничеству липы и тополя.

Я думал о пределах и находил, что они обязаны быть. Я не хотел, чтобы кто-то более могущественный, чем я, наподобие Сашиного присутствия под моим душем, мог и смел вторгаться в мой мир без моего на то согласия, а только лишь потому, что он - может. Беспомощность, незащитность перед магом - беспредельны, и, значит, могуществу необходим предел. Но как положить его там, где нет ничего, кроме голой воли - доброй или злой?

Стало быть, и для них предел один - совесть. Значит, и тут водораздел между белыми и черными колдунами, ведунками, магами, - проходит по меже нравственной меры. И нет здесь иного контролера, кроме... Но ведь она, моя ведунья, не верит в НЕГО, она же материалистка!

Мы нашли потаенную скамейку в кустах сирени. Я любовался весенними свежими деревьями, сочной зеленью травы, напоминающей о том, что впереди все лето и весь новый год жизни, я видел Сашины, тяжеловатые зрочки и ее такие нежные, такие близкие волосы, тянущиеся к моему плечу, и никак не мог совместить этот зримый, понятный, обжитой мир с тем незримым и реальным миром, в который она ввела меня.

Если она видит, как течет во мне моя кровь, то, может быть, она видит и движение хлорофилла в этих листках вокруг?

Саша подбежала к молодой березке и, как козочка, стала ощипывать с нее маленькие листочки, собирая их в горсть, а какие-то, особенно ей понравившиеся, срывая с дерева губами и съедая их. Милая картинка! Я растроганно следил за девушкой, грациозно поедающей весеннее дерево.

Оглянувшись, чтобы удостовериться, не видит ли кто-нибудь еще эту интимную процедуру насыщения великой праной жизни, я увидел на ближней аллее страшное шествие. Старик с сосредоточенным, навеки несчастным лицом шел между двух своих пожилых детей, сыном и дочерью, поддерживая их за локти. Дети его страдали одинаковым недугом - они волочили по земле уродливо выгнутые ноги, переставляя их с огромным, предельным напряжением. Старик повернул голову и исподлобья, как убийца, смотрел на Сашу.

Она подбежала ко мне, счастливая, легкая и вложила в губы влажное, прохладное зеленое сердечко, которое я тут же выплюнул, продолжая следить за стариком, мрачно наблюдающим за нами. Саша обернулась и увидела скорбную процессию.

- Вот несчастье, - сказал я. - Вот настоящее несчастье.

- Не смотри на них, - быстро отозвалась Саша. - Не надо смотреть на них.

Когда сострадаешь, берешь часть чужого поля себе. У больных, калек - тя-

желое поле. Тебе нужна эта тяжесть? Не угнетай свое поле, на всех тебя не хватит.

Ее слова меня смутили. Она регламентировала сострадание, но про себя я точно знал, что не смогу этого делать. Как возможно управлять сердцем? Это же не троллейбус - включил ток, выключил. Выходит, она могла. Что у них там, на Веге?

- Учись пропускать сквозь себя ненужные эмоции. Как через стекло. Представь себе, что ты стеклянный, и тогда чужое будет пролетать через тебя, не разрушая твоей ауры. Понял? Вокруг полно вампиров, которые рады попить твою энергию. Этот старик, думаешь, не выпил у тебя стаканчик? Будь спокоен! Нужно уметь себя защищать. Не замечал, как после общения с некоторыми людьми ты как выжатый лимон? То-то. Бойся жалующихся, тех, кто обожает делиться с тобой своими несчастьями и болячками - все они вампиры, сознательные или нет. Бойся болтливых, тех, кто молотит языком без умолку. Если человек говорит только о себе, знай - это вампир. Он питается твоим сочувствием, твоим участием, твоим вниманием - это энергетические насосы, они высасывают из нас силу. Должен быть нормальный, сбалансированный энергообмен. Если он нарушен, проигрывает тот, у кого берут. Зло питается добротой, потому что доброта всегда более энергетизирована. Добро - сгусток энергии, а зло и агрессивно оттого, что ущербно.

- Но как же тут защитишься?

- Я тебе сказала - становись прозрачным! - Сашка смеется. - Закрывай слух, не вникай, отключайся. Если чувствуешь, что из тебя насильно тащат сочувствие, подумай в это время о себе, о том, что твоя энергия пригодится тебе самому, что не надо становиться донором по чужому принуждению. Если ты сам, сам хочешь быть донором - тогда другое дело. Когда отдаешь сам - то уже не теряешь!

И еще, самые простые способы обмануть вампира - большие пальцы на руках прячь в кулаке, это замыкает энергетическую цепь. Или скрести ноги. Не позволяй вампиру обнимать тебя за плечи. Особенно, если он подбирается к тебе с левой стороны. Наша правая рука берет энергию, левая отдает. Может быть замечал, как чувствительны наши плечи в этом смысле? Кстати, борцы, спортсмены это знают. Можно ослабить противника одним прикосновением к его плечам. Там находятся мощные энергетические выходы.

Я слушал Сашу. Я мотал на ус ее науку, вспоминая попутно своих вампиров. В ее словах был смысл. Жизнь представляла в энергетическом аспекте и делила людей на доноров и вампиров. Много прояснялось. Интересно было через эту оптику посмотреть на некоторые дружбы, привязанности и браки. Очевидно, что люди бессознательно, но учитывали при общении свою и чужую энергетику. Этот взгляд объяснял внезапные симпатии и антипатии, возникавшие мгновенно, при первом контакте. И это тоже была сугубо физическая сторона бытия. Ах, материалистка! Космическая пропаганда капустной кочерыжки и молекулы!

После травяного ужина, украшенного салатом из березовых листочков, приправленных подсолнечным маслом, слушая обиженное урчание в желудке, я внимал Шашиному рассказу об астрале. Никогда еще не получал я такого количества информации от представительницы принципиально иного пола.

Из услышанного от молоденькой ведьмы выходило, что и астрал не имел ничего общего с мистикой. Ну что такое астрал? Всего лишь незримое пространство, в котором обитает или может обитать наша духовная сущность.

Скажем, четвертое измерение бытия. Подумаешь! Любопытно было другое. Оказывается, в астрал кое-кто мог выходить сознательно, покидая на время свою телесную оболочку. И более того, некоторые умельцы (очевидно, маги, йоги и уж не знаю, кто еще) сводили между собой в этом астрале земные счета. И там шла война, астральные драки, индивидуальные дуэли и целые сражения, стенка на стенку. Не видимые миру драмы и трагедии, ибо борьба часто оказывалась смертельной. Не все после этих схваток могли вернуться обратно. Погибая в астрале, душа бросала свое тело. Бездыханное тело отдавали могиле, и понятия не имея о том, что постигло несчастную душу. Вот так - астральная смерть невидимка.

На мой прямой вопрос, как же это возможно - выйти самому в астрал, Сашенька сказала, что это под силу лишь очень сведущим людям, достигшим высокой степени развития, и значит, что недоучка может погибнуть или вернуться из путешествия с тяжелейшими болезнями, что астральное его тело (душу?) могут разорвать на кусочки демоны (мытари), что прежде чем оно поднимется в высшие слои астрала, где нет времени, то есть, ни прошлого, ни будущего, а значит, ты способен увидеть всю свою жизнь сразу во всем объеме (и не только свою жизнь, а все, что касается человечества в целом), где нет пределов для перемещения в пространстве и ты можешь посетить любую точку Вселенной, короче, прежде чем ты захлебнешься в этой свободе и божественном могуществе, тебя подстерегают такие опасности, что рискуют на выход в астрал лишь самые сильные, да и то чаще всего не в одиночку.

Картина мироздания в моем прежнем представлении стремительно менялась. Сашка рушила вокруг меня привычные стены, она разбирала над моей головой крышу. Я слышал живой шепот невидимых сфер, и космос уже не был тем пустым и туповатым космосом, в который пуляли с Земли, как окурки в бездонную пепельницу, сигары ракет. Но и это было не все.

- Посмотри в себя. В тебе самом весь космос. Чтобы понять внешний космос, пойми прежде самого себя. Космос опрокинут в каждого из нас, мы зеркало его, его микромодель.

Познай себя. Эти слова возвращали к одной из главных идей всей русской культуры. Саша вышла на ту же мысль, но своим, пока запутанным для меня путем, и это еще сильнее укрепляло меня в убеждении, что за ее причудливым взглядом на мир стоял некий крупный и, может быть, верный смысл.

Но вот она вышла из ванной, и я опять увидел в ней реальную земную женщину. Опять я чувствовал ее физическое притяжение. Как женственны были ее длинные, душистые волосы, запрокинутое лицо с высокими бровями, как волнующ контраст между девичьими, стройными плечами и спелой силой ее бедер и ног. Она была лишь в моей «ковбойке», выпрошенной вместо халата, и так легко было представить ее всю. Я смотрел на нее с восхищением - во мне соединилось, наконец, трезвое уважение перед ее умом, таинственными знаниями, с прозрением ее красоты, а главное - я был свободен от фальши! Я не скрывал своих чувств, зная всю бесполезность актерства, и я догадывался, что не обескуражу ее ничем. Ее свобода была полнее моей.

Мы легли в разных комнатах. Но перед тем как расстаться, я не нарочно, в каком-то неожиданном порыве приобнял ее и поцеловал в уголок рта. Только в это мгновение я сообразил, что это мое первое к ней прикосновение за все время нашего знакомства. В этом льнущем к ней прикосновении, в самом начале его соединяющего движения, когда наши лица еще только плыли друг к другу, поймав зрочки, я уже знал, что близость наша неотвратима.

тима. В долю секунды, не коснувшись ее тела, но уже чувствуя ласковую, упругую теплоту, принимающую меня, как в лоно, я понял, что Сашенька открывается мне до конца, вся, как истинная женщина, со всей доверчивостью ребенка, сделавшего выбор. Ее губы едва заметно ответили моим, поцеловав воздух.

Какое пленительное было в ней сочетание - вневозрастного интеллекта и юной женственности. Лежа с открытыми глазами и гулко бьющимся сердцем, я переживал наше первое прикосновение. Саша целиком владела мною, она поглотила меня, все мои мысли, чувства, я жил ею, только ею с того самого дня, когда увидел ее у Князя. Сейчас я осознал это со всей отчетливостью и обрадовался как человек, у которого перед самой землей вдруг распахнулся за спиной парашют, хотя он был уверен, что там рюкзак. Сердце заныло, проклиная любовь и жалуясь на предстоящие муки. Сердце лицемерило. Оно давно ждало этого. И, конечно, признавало, что Сашка стоила любых мук.

Рано утром, не заходя к Саше, я ускользнул из дома. Я знал, что сегодня произойдет все. Произойдет непременно. И знал, что она это знает лучше меня. Я не хотел расплескать в обыденных разговорах и чепухе вчерашнее озарение. Я запретил себе думать о Саше, желая одного - вернуться домой вечером и увидеть ее, словно бы мы опять, как накануне, и еще не расстались. Я решил вычеркнуть этот наступавший день из своей жизни, стереть его, как ненужную паузу.

Возвращаясь в сумерках, нервно лоя подмигивания загорающихся окон, с розами и шампанским в руках, я мечтал об одном - только бы она была дома и сама открыла мне дверь.

Она была дома! Она открыла мне дверь. Она приняла розы и, молча сжав их, посмотрела на меня сквозь цветы почти черными зрачками, а когда ее ладонь потянулась к моей щеке, я увидел на ней медленно выступающую каплю крови. Я взял эту каплю губами, и вот сейчас, вспоминая тот давний день, я вижу все значение этого жеста - алая, сокровенная частица ее вошла в меня и растворилась во мне, навсегда связав нас не только на земле.

Сладко оттягивая ночь, мы опять сидели на кухне, и она странно сказала:

- Я видела сегодня Хозяина Земли.

- Что? - похолодел я.

- Я видела, как он пролетел по небу, на закате, на черном коне, в черном плаще, без лица, без глаз. Это был он.

В меня вполз ужас. Я понял, о ком она говорит, но все во мне поднялось против мысли, что именно он Хозяин. Почему он? Как? А где же?..

- От него исходила угроза и торжество, так мне показалось, - подавленно сказала Саша.

- Но как ты его могла видеть? - не хотел смириться я с кошмарным известием.

- Не знаю. Не знаю, зачем он явился мне... А еще... я сегодня сидела у зеркала, хотела посмотреть свою ауру, потом мысленно стала стирать свое отражение и... моя голова, лицо исчезли. Представляешь? Я видела только свое туловище, а на месте головы - пустота. Оказывается, это так страшно! Меня так и швырнуло от зеркала! - она уже смеется.

А мне попросту дурно. Вечер веселеньких сюрпризов! Все-таки она ведьма, настоящая ведьма, а может, сумасшедшая? Нет, не то. Но ведь я люблю ее?

Я смотрел на нее, я так соскучился по ней, я думал о предстоящем, о том, что нет сейчас для меня человека роднее и ближе ее, но где-то в самом даль-

нем, потаенном уголке мозга все же скребся и «научный» интерес - а какая она, как женщина? И может ли она быть нормальной женщиной? А вдруг ей нельзя ею быть?

- Шампанского? Я ведь обещал!

- Да, шампанского!

- А можно? Это тебе не капустаная кочерыжка.

- Я хочу, значит можно. Один бокальчик! - нетерпеливо радуется Сашенька.

Мы пьем и я вижу, что она быстро пьянеет, совсем как обычный человек. Да и не удивительно. Сидит на одной травке. Чем живет? Я бы давно протянул ноги. Алкоголь усилил ее румянец и смешливость. Я смотрю на нее, и до меня никак не доходит, что она для кого-то обычная студентка, что чему-то там у кого-то учится, сдает экзамены, пишет какой-то диплом. Для меня она вполне зрелая личность, авторитет, гуру...

Я пришел к ней в темноте, зная, что она не спит, ждет меня.

Сейчас, когда я вспоминаю ту ночь, наверное, я вижу все как-то иначе, другим зрением. Мне кажется, что, войдя к ней, в абсолютной тьме и тишине нас разделявшей, я видел свечение ее обнаженного тела. Она мерцала мне из тьмы молочным облаком, и я, разгребая руками эту тьму, как завоженный шел на ее свет, ничего более не видя, как ходят лунатики.

Она протянула ко мне руки, принимая из тьмы в свой свет.

Помню ее губы и острое, блаженное соприкосновение наших тел, словно бы я был рыбой, а она водой, а может быть она была рыбой и скользила во мне, как в воде. Мы не касались, нет, это слово слишком грубо для того, что я чувствовал тогда, мы обтекали друг друга, совпав всей поверхностью кожи, даже там, где совпасть не могли. И я помню, точно помню, что сам светился во тьме.

И наступил тот миг, когда последняя граница ее тела открылась предо мною, и я проник в нее весь, не веря в то, что это совершилось.

Я обладал ею, этой необычайной женщиной, так приблизившей меня к себе. Но разве я обладал ею? Какая глупость!

В эти мгновения мы стали одним существом, одной душой и телом. Вся полнота жизни вскипела, раздвинув границы. Невидимый дух напитал нас и растворил в себе...

Окно высасывало ночь из нашей комнаты, а я все не мог заснуть. Сашенька спала, сбросив с себя простыню. Ее руки были за головой и раскинуты были ее ноги. Она лежала, как убитый воин на поле брани. Глубочайший сон сразил ее. А я весь горел от переполнявшей меня энергии. Я опять желал ее, и великая нежность к ней, к ее беззащитности и щедрой усталости, к ее открытой глазам красоте еще более усиливали желание, потому что была она недоступна.

Я тихо накрыл своей ладонью темнеющий холм, чувствуя его волнуемую, щекочущую упругость. Она была моей. Но она никогда не будет моей навсегда! Какое отчаяние, какая боль пронзила меня в ту секунду, когда я осознал это, глядя в ее родное, отсутствующее лицо.

Я откинулся на подушку, чувствуя бессилие перед жизнью. И то, что Саша спокойно спала, а я мучился, как бы дополнительно подтверждало мои предчувствия и неизбежность разлуки.

Удивительно, я любовался, восхищался ею, не открывая своих чувств больше по привычке, но при этом я постоянно и чуть отстраненно изучал ее. Я изучал ее, как редкую, драгоценную находку, отдавая себе отчет, что наверняка в моей судьбе не будет больше такого человека. Я был раздвоен.

Но разве не была раздвоена и она? Скользя по той грани, что соединяла в ней нормальную, земную женщину с иным, тайным миром, я искал разрывы и скрепы, пытаюсь понять, как же эти две сущности в ней ладят, на чем и почему сходятся?

Сегодня ночью я выпытал у нее о ее прежних возлюбленных. Их было два. Она говорила о них так, как говорят почти все обыкновенные девицы. Но они были в той ее, прежней жизни, до ее перерождения, а значит, в этой жизни я был первым.

Сегодня я открывал в ней женщину и опять, как и в остальном, все в Саше было сложно перепутано. Она шептала мне глупости о том, что никогда у нее не было такого красивого парня и что она знает, что мне не нравится ее маленькая грудь - жалкий бабский лепет. Рабский лепет, недостойный царицы. Но в то же время, сама того не зная, она отдавалась мне в эту ночь, как тысяча лучших женщин, единственной целью которых было доставить высочайшее наслаждение. Отдаваясь, она думала только обо мне, забыв себя. Но то же было и со мной - я слушал только ее, ловил малейшее движение в ее теле, желая ей острейшей, полной радости и не помня себя.

Сегодня я знаю, что в этом и есть весь секрет любви. Забыть себя. Отдать! Когда это делают оба - любовь возносит их на такую вершину блаженства, с которой все плотские утехи и самый изощренный секс кажутся - кочками...

Провожая ее утром, чутко вглядываясь в нее, я заподозрил, что минувшая ночь не произвела в ней такого же действия, как во мне. Она уходила от меня вперед, вместе с потоком времени. Словно читая мою мысль, Саша сказала как бы между прочим, что не понимает женщин, взхлеб мечтающих о брачной жизни. Ведь это узы. А она любит свободу и не потерпела бы ее ограничения ни от кого, даже от любимого. Я понял ее, и сердце мое сжалось, как ночью. Она подтвердила мою ночную тоску.

Через день она вернулась к родителям, и неделю я не видел ее. Телефонные звонки были торопливые, на бегу - она собралась на дипломе, добывая его с присущей ей цельностью.

А со мной за эти дни произошло два случая, всерьез напугавших и потрясших воображение.

На третий день одиночества, во сне, я вдруг понял, что меня покидает душа.

Если это был сон, то почему я не мог проснуться? Я не мог проснуться, но, как мне казалось тогда, мне и нельзя было просыпаться - надо было справиться там же, во сне, иначе, я чувствовал, случится беда.

Что же было? Как будто в меня, как в бутылку, запустили шприц и стали вытягивать, откачивать этим шприцем - жизнь. Да, жизнь, потому что та страшная пустота, которая возникла в ступнях, вытесняя все ощущения, поползла по ногам вверх, теснила из меня именно жизнь. Мои ноги стали мертвыми. Нет! Там, где отступала жизнь, тело исчезало абсолютно. Абсолютно!

Я ясно осознавал, что душа вытекает из меня через горловину темени, что ее вынимают насильно. Она уходила в пустоту, но слитным сгустком, единой формой.

Когда пустота доползла до груди, началось ускорение. В эти мгновения я отчетливо понял, что если позволю ей выйти до конца - умру. Смерть уже была во мне. Она медленно, демонстративно показала себя, дав время ужаснуться ее бесчувственности. Она была - НИЧТО. Но я не хотел умирать! Я вцепился в свою ускользящую душу, как в парашютные стропы, со всей силой и страстью жить, на которые был способен. Я повис на той, еще не

покинувшей тело, части моей жизни и всей тяжестью набухшей от сопротивления воли - затормозил движение.

Сообразив, что могу, могу противостоять, я предпринял последнюю отчаянную попытку - сжавшись в комок, я рывком втянул в себя себя же. И когда жизнь моя, словно сорвавшись с чужого крючка, плавно возвратилась, заполнив привычной, упругой теплотой все пространство тела, до упора, до пяток - отключился, как в обмороке.

Утром я припомнил все подробности ночного происшествия и пришел к выводу, что кто-то попытался взять мою жизнь. Но кто? Зачем?

За день до появления Александры, опять ночью, произошло еще одно жуткое событие. В «час волка», самый глухой час ночи, когда тьма наливается последней силой, меня выдернуло из сна. Это произошло так внезапно, что я, кажется, впервые за всю жизнь, не смог понять, где я. Это состояние ошеломления длилось несколько секунд, и оно было с привкусом насилия - просыпаясь сам, всегда знаешь, где ты. Но даже не гробовая чернота вокруг поразила меня, а острейшее, животное ощущение страшной опасности, материально сгустившейся в этой черноте. Тьма имела тяжесть, она давила со всех сторон, стискивая душу не просто ужасом, а свержасом, как будто предо мною раскрылось инобытие и оттуда высунулась невидимая пасть, алчущая поглотить все.

Я судорожно метнулся взглядом по этой наваливающейся тьме и - увидел ее! В тот момент, когда я увидел ее, я, наконец, осознал, что нахожусь в своей комнате и не сплю.

В метре от моих ног дрожал отчетливый, светящийся голубым светом силуэт женщины. И я не сплю! Я вижу ее, вижу это! Превозмогая паралич ужаса, сковавший тело, я смотрел, смотрел, смотрел на нее, ожидая, что же последует далее. Она была безмолвна. У нее не было лица, но я запомнил контур ее платья и нетвердое парение - не приближаясь, не отдаляясь, таинственный женский силуэт чуть колебался, светясь изнутри голубизной.

Может быть, минуту, две продолжалась моя дуэль с непрошеной ночной гостьей и ее черной невидимой свитой, тяжело и мрачно разлившейся в пространстве комнаты. Смертельно измотавшись и как-то враз став безразличным к происходящему, я отвернулся к стене и мгновенно уснул.

Но утром, утром я вспомнил все.

Не было сомнений, два этих случая как-то связаны с появлением в моей жизни Александры. Вместе с нею я приблизился к заповедной черте, переступать которую обычному человеку нельзя.

Куда я сунулся, жалкая букашка?!

Саша пришла на следующий день. И прежде чем я поделился с нею своими происшествиями, спокойно посмеиваясь, рассказала мне о том, что случилось с ней.

Пару дней назад, тоже во сне, она почувствовала, что рядом кто-то лежит. Саша открыла глаза, но никого не увидела, однако тело рядом дышало, возилось, прижималось, и она, проведя рукою, ощутила его. Это был мужчина, невидимка во плоти.

- И что же ты сделала? - обмирая спросил я.

- Что? Да ничего, - она легкомысленно хихикает, - двинула его локтем, так что он откатился, отвернулась и заснула.

Ее ответ меня сразил. Я бы на ее месте, наверное, поседел. Она же своейски двинула его и теперь вот сидит, смеется, будто все это сущие пустяки.

Я представил себе, что этот мужик-невидимка может оказаться в нашей постели, между нами, и стало мне нехорошо. Да ведь я же действительно полюбил ведьму! Меня обступало инобытие.

Пришла очередь рассказать о своих несчастьях. Я рассказал. На первое Саша отреагировала неожиданно. Она сказала, что я мог побывать в астрале.

- Надо было полетать! - заявила она.

- А если бы я не вернулся? И кто-то же насильно меня тащил!

- Да. Вообще-то, ты прав. Мог бы и не вернуться, - Саша произнесла это обыденным голосом, как будто речь шла о мелкой неприятности, и я подумал, что она не любит меня. А может быть, и не способна любить. Ее мир интересовал ее как бы помимо людей.

Да и что за ценность - человеческая, данная, конкретная жизнь, если это всего лишь миг вечной жизни, одна миллионная бесконечных воплощений. Ну была, ну не стало - подумаешь, важность!

Я смотрел на нее и чувствовал, как в душе моей поднимается бунт против ее космического безразличия, я ощутил толчки неприязни. Она жила над людьми, надо мной.

О женщине-призраке Сашка сказала, что это хороший знак. Может быть, это был мой ангел-хранитель. Но я не поверил ей - хорош ангел, если в его присутствии нельзя пошевелиться от ужаса!

- Кстати, знаешь какого цвета твое астральное тело? - радостно вспомнила Саша, - ярко-оранжевого цвета, ярче апельсина. Очень веселенькое и симпатичное!

- А ты откуда знаешь? - с опаской спросил я.

- Да у меня тоже был случай, когда из меня потянули, а я схватилась за твое. Ты меня удержал!

Я ахнул. С одной стороны, мне польстило то, что она кроме меня не искала помощников, но с другой стороны - она же распоряжалась уже и моим астральным телом! А если бы и я не удержал? Выходило, что я мог бы вместе с ней улететь туда, не зная куда, да и остаться там навеки, наблюдая сверху, как волокут мое тело к яме в земле. Бог ты мой! Это что же происходит? Она не сомневаясь играет моей жизнью!

- Когда это было?

- Неделю назад. Я тебе тогда не сказала.

- Но я ничего не почувствовал.

- А ничего и не произошло.

Да, для нее ничего не произошло.

Готовясь ко сну, между прочим Саша сообщила мне, что, видимо, скоро уедет в Красноярск. Ее вызывают друзья, такие же ведьмяки, как и она. Накануне ей был сон, и в этом сне она получила настоятельное приглашение приехать, а также сведения о том, что через день ей надо будет встретиться на вокзале прибывающего из Красноярска курьера с письмом и посылкой.

- Как ты узнаешь курьера?

- А мне показали его лицо.

- Во сне?

- Да.

Так. Вот и телепатический сеанс. Они общаются между собой напрямую. Какая экономия на телефоне!

- А что, и ты можешь им что-то передавать вот так, во сне?

- Конечно. Мы так и контактируем.

Она «кончатит»! Становилось очевидным, что Сашка не одна, что вокруг нее другие, тайные, всемогущие люди. Моя иллюзия владения ею рассыпалась в прах.

Саша действительно привезла через день посылку. Это был небольшой мешочек с кедровыми орешками. Но сюрприз был в письме.

Она зачитала мне абзац, в котором говорилось обо мне, о нас с Сашей. Таинственный, неведомый мне корреспондент тончайшим образом описал наше застолье с шампанским и даже некоторые наши фразы.

Они следили за нами! Они видят нас! Они знают все! И они неуязвимы.

Ах, сволочи! Какая же великая власть в ваших руках! Разве не унижали они меня моим бессилием перед ними?

Я был взбешен.

А Сашка опять смеялась.

Ее смех впервые раздражал и злил меня. Она что, не понимает?

Саша уезжала через неделю. Я уже догадался, что теряю ее навсегда.

Но, конечно, и она это знала. И так нежна, так тиха она была эту последнюю неделю. Как перед смертью, я жадно дышал ею, я не отпускал ее от себя, а ночами любил, любил, любил ее словно впрок, на всю оставшуюся жизнь. Уже под утро, сдерживая мою ненасытность, она убеждала, что хватит, что я устал, что мне уже во вред, но я не слушался ее. Я хотел, хотел измочалиться до конца. До тошноты. Чтобы дольше не желать ее, когда будет она далеко. Хотел возненавидеть ее тело и - не мог.

В эти дни, как и прежде, мы вместе взмывали на вершины. Ни разу она не отстала и не опередила меня. И она рассказала, что в те мгновения, когда наша любовь достигала наивысшего слияния - наше общее поле уходило к небу красным, пылающим лучом и сжигало на своем пути все черные облака, порожденные чужой ненавистью и злобой. Наша любовь очищала поле Земли, она подтверждала бессмертный космический закон - жизнь сохраняется любовью.

Только в последний день Саша сообщила о цели своей поездки. На ведьмачьем слете ее хотели познакомить с одним сенсом лет сорока пяти, важным для «братства» человеком, для того, чтобы она взяла его с собой в Москву, оформила фиктивный брак и таким образом сделала ему московскую прописку. Мне это задание очень не понравилось. Сашку нагло использовали в каких-то темных корыстных целях. Но она и к этому относилась легко. На мой осторожный вопрос, не перерастет ли фиктивный брак в настоящий, она бурно возмутилась, и я ей поверил - брак не входил в ее понимание свободы. Этот аргумент был несокрушим.

Провожая Сашеньку в аэропорт, я последний раз вдохнул запах ее волос, поцеловал ее распухшие нежные губы, последний раз ощутил тепло и желанность ее родного тела, посмотрел ей вслед, запоминая ее, пока мою женщину, упавшую ко мне с неба, как звезда. Прощай!..

Долго ещё меня преследовал запах ее духов. Перед отъездом Саша купила большой флакон «Мажи нуар», отдав за него все свои сбережения. И только сейчас, обнюхивая душистую подушку, натываясь на будоражащие воздушные облака в ванной, в кресле, лежа на ковре, я сообразил, что «Мажи нуар» в переводе с французского означает - черная магия. Мой белый маг душился «черной магией».

После ее отъезда я много думал о новых знаниях.

Астрал, чакры, змея Кундалини, прана, биополе, Шамбала, карма, агния-йога, аура - эти понятия выстраивались в логическую цепочку, возникала,

уточнялась общая картина, которую я различал, будто Саша наделила меня сверхоптикой, наподобие прибора ночного видения.

Может быть, это и есть космическое сознание? Зачатки его? Ведь теперь я знал, что Землю окутывает не только атмосфера, но и духовное, ментальное, невидимое поле, в котором отражена вся духовно-эмоциональная история и жизнь человечества. Утверждение - ничто не исчезает бесследно - обретало конкретный смысл. Выходило, что даже мысли наши, имея определенную окраску, влияют на состояние общечеловеческого психического поля, окутывающего, как облака, планету.

Наверное, из космоса, наблюдая эту духовную окраску любой планеты, легко судить о том, что за люди населяют ее, какие чувства и мысли главенствуют здесь. Саша говорила - у человека и планеты - одинаковые цвета ауры. И она же сказала о том, что Землю упорно заволакивают черные, серые, желтые облака.

Стало быть, каждый человек, совершенствуя себя, очищая свою личную ауру - очищает и ауру Земли, вносит вклад в космическое творчество.

Чем лучше я, тем легче космосу. Легче Богу и труднее сатане. Этот вывод целиком укладывался в русло классической культуры, подтверждая ее пафос с новой для меня точки зрения.

Я вспомнил о тысячах разрушенных по Руси храмах. Но ведь храм, собирая в себе множество людей, объединенных высоким эмоциональным состоянием, всякий божий день прочищал ауру Земли. Каждый такой храм посылал световой, чистый луч с Земли на небо. Вся Русь лучилась этими светлыми прожекторами, неустанно трудясь на все человечество.

А что теперь? Вместо святых боговых храмов-витязей с золотыми шеломами на плечах - гигантские плотки спортивных арен, вопящие в небо о примитивности и убожестве. Какой эмоциональный выброс дают они?

Церковь собирала в себе, накапливала тонкую духовную энергетику.

С этой точки зрения я подхожу теперь к любому скоплению людей - я пытаюсь оценить, какую ауру создает это собрание, на кого оно работает, кому приносит пользу там, выше нас?

Сашенька сказала больше: если бы все человечество хотя бы раз в день объединялось в помыслах о доброте, любви, милосердии, можно было бы радикально изменить космический, духовный фон Земли, промыть до голубизны всю ее ауру.

Международные минуты любви! Так просто.

Вот почему люди больше других ценят и помнят писателей, музыкантов, живописцев, строителей... Они все, коли служили добру, через великое множество своих поклонников очищали небеса. Это люди - соборяне, избранники космической энергии.

Благодаря Сашиным урокам я глубже понял, что человек в невидимом воплощен больше, чем в видимом.

Я пересмотрел отношение к искусству и книгам. Теперь я искал в авторах космический взгляд на мир, соотнося впечатления с моими новыми знаниями, и если видел, что писатель или художник не способен поднять свой взор к небу, терял к нему интерес.

Человек, земля, космос, мироздание представляли в духовном и энергетическом единстве. Пока еще умом, но я уловил свою причастность ко всему: миллиарды нервных окончаний сходились во мне, и то, как я думал, чувствовал, поступал - все это где-то отзывалось, было для кого-то важным, на что-то влияло. Одиночества нет!

Я по-новому посмотрел на обилие православных праздников - это же духовные уборки в святом храме! По всей Руси, в одночасье!

Почему уныние столь тяжкий грех у христиан? Не потому ли, что заволакивает серым цветом духовные небеса? Гасит живую силу?

Я стал различать вокруг зомби, биороботов, вампиров. Всматриваясь в того или иного человека, я пытался теперь ощутить его ауру, направленность его энергетики. Пытался понять, на какой ступени духовной эволюции он стоит, и это внимательное вчувствование в другого часто избавляло от ненужных связей.

Я стал по-новому смотреть на женщин. Если после близости с ними наступал физический упадок, как бы они ни клялись в любви, я не верил. Те, кто забирает энергию, не отдавая взамен своей - не любят. Как правило, они пустяковые женщины и в постели...

...Да, десятилетия прошли со времен Сашеньки. Много утратил я за эти годы из открытого ею! Мало, мало доволоч я до этого дня.

Разве не морочил я себя надеждой, что суетливо любя женщин, хотя бы не причиняю небесам вреда?

И как ни долог был мой самообман, а признать пришлось: не достигает света телесная страсть. Прорывается любовь!..

Сашка! Но тогда и сейчас, думая о тебе, свербит во мне старое жало вопроса. Как же соединить твою звездную мудрость с нелюбовью к родным отцу и матери? Ты не любила и меня. Ну, может, космическую малость.

И сортировала людей - на продвинутых и темных, на могучих и слабых, на здоровых и калек, на талантливых и бездарных.

Моя ведьмочка презирала низшие ступени эволюции. В ней был ум, но была ли доброта и милосердие? Она ведь тоже не знала пределов, как и ее красноярские астральные костоломы. Она входила во все двери - не спрашивая, наслаждаясь самим процессом вхождения, не думая о том, хотят ли за этой дверью ее прихода.

Ее космос был прохладен, как коготок совы...

Через месяц она вернулась в Москву. Я почувствовал это раньше, чем Саша позвонила мне, две недели не находя времени для звонка. Ее рассказ был тороплив, сбивчив и формален. Она подтвердила предчувствия - я потерял ее.

Вернулась она из Красноярска с «мужем». Он быстро прописался у нее, снял где-то комнату, и Саша переехала к нему. Брак перестал быть фиктивным.

Я сгорал от желания увидеть их вместе, и вот, наконец, Сашка привезла своего колдуна ко мне.

То, что я увидел, превзошло ожидания. «Муж» Александры вошел в дверь первым, за ним, выглядывая через плечо и смущенно хихикая, протиснулась Саша. Он по-хозяйски, слишком бодро сжал мою ладонь и огляделся так, словно хотел спросить: «Ну, где белить будем?»

Сашка его явно стеснялась, но все же с робкой надеждой взглядывала на меня, ожидая какой-то поддержки. Я это понял и спрятал все свои чувства.

По иронии судьбы мужа Александры звали тоже Иваном Алексеевичем. Имя ему не шло. Он был черноволос, одного с Сашей роста, кряжист и агрессивен. Толстые, конские волосы подстрижены по-мужицки в кружок, как у Емельяна Пугачева. Они закрывали лоб до глаз, и это почему-то было неприятно.

Заметя мой пристальный взгляд, устремленный на эту бандитскую челку мужа, Саша с какой-то даже гордостью сообщила, что Иван Алексеевич не так давно был почти лыс, но вот сумел восстановить покров головы.

- Как же? - вежливо поинтересовался я.

Они довольно и, увы, по-семейному переглянулись.

- Я о них думал, - сказал колдун. - Они живые, все понимают. Вот, послушались моих приказов и полезли из луковиц.

Его голова предстала в виде поля. Из луковиц покорно лезли волосы, поле колосилось. Его мысль плодоносила. Передо мной стоял очевидный гигант мозга.

- Волосы надо мыть холодной водой, - важно продолжил колдун, - без мыла. Горячая вода расширяет луковицу, волосу легче выпадать.

Логично, ничего не скажешь.

Я пропустил его в комнату первым. Мы посмотрели с Сашей друг другу в глаза. Да, она стеснялась его. И была еще в ее глазах ныряющая, как поплавок, вина.

Через пятнадцать минут «мужнина» монолога я понял, с кем имею дело. Передо мной сидел сумасшедший. Темный, дремучий идиот, вытолкнутый иррациональной страной на столичную ладонь. Колдун разглагольствовал о своей великой миссии: он собирался сойтись со всеми знаменитыми деятелями культуры, литературы, искусства и «очистить, оздоровить» их духовную жизнь. Таким образом, супругник Саши собирался преобразить мир. То есть, через людей, которые своим талантом влияют на миллионы, воздействовать на мировую духовную жизнь.

Это была его главная, сокровенная идея.

Я осторожно поинтересовался, а как он собирается с ними «сойтись»?

Дядька с челкой Пугачева ответил, что пока не знает, не думал. Будет, мол, искать встреч. В театрах, на выставках, у киностудий. Случайно, короче. Но особенно меня поразило его намерение внушать им мысль, что они прежде всего не должны разрушать свои и чужие семьи, бросать жен, детей, пьянствовать, курить, лгать и лицемерить.

Я с легкостью представил себе эти встречи и финал его непрошеной филантропической деятельности. Он бурно отреагировал на мою невольную усмешку. Вскочив, гневно размахивая в воздухе руками, прожигая зрачками, он почти закричал: «Вы все тут живете в гнойнике! Я проткну ваш нарыв, я выдавлю весь ваш гной вместе с кровью! Вы забыли, предали свой народ! Ваша пища - грех! Можете смеяться, смейтесь, но кое-кто и заплачет! Я, мы - он указал на притихшую Александру - спасем их не ради них! Мы спасем их ради тех, кто еще не захлебнулся в гное!»

Он стоял лицом к окну, и я разглядел его безумные глаза - они были антрацитово темны. Как же Сашка сошлась с ним, ведь если он маг, то по ее же теории выходило, что - черный.

Она слушала мужа с тревожным напряжением, и я догадался, что Саша не видит его невменяемости. Наоборот, в ее внимательности сквозило внутреннее с ним согласие.

Мне показалось, что она под гипнозом.

Они ушли, оставив в моей душе тяжкий осадок. Этот темный человек с агрессивным пламенем в душе считал, что имеет право вламываться в чужую жизнь. Его жесткая, в конечном итоге хамская требовательность к другому человеку походила на чесотку. Но дело было в том, что скрести своими ногтями он собирался не себя. Чесалось у него, а унять этот зуд он мог только за счет других. Большой, опасный тип. И он - муж моей Сашеньки! Как это возможно?

Полгода я не знал о ней ничего. Потерял ее и Князь. И вот она позвонила. Уже по голосу я почувствовал, что с ней произошла важная перемена. Саша

приехала одна. Я едва узнал ее. Как тихо, как бледно она вошла в нашу когда-то общую квартиру! Солнце погасло. Свет ушел из нее, унеся с собой и смех, и улыбочивость. Она подурнела и поблекла.

Я жадно расспрашивал Сашу, чем она живет, что делает, но вскоре понял - нет прежней Саши. Колдун отгородил ее от мира. Нигде она не бывает, почти перестала читать. Все живое ее любопытство к новому умерло. Да еще оказалось, что стриженный под горшок муженек, почти на тридцать лет старше Сашки - отчаянный, бешеный ревнивец.

Она сидела, устало склонив голову, и тысяча чувств одновременно глодали меня.

Конечно, она не любила его, но что же произошло? Как я жалел тот солнечный свет и ветер, что покинули ее!

Еще через полгода она опять заехала ко мне. Рассказывая о том, как бродили они по Алтаю в поисках целебных трав, Саша вдруг призналась, что боится его.

Однажды на глухой тропе оглянулась и увидела его глаза. Он смотрел на нее с такой неожиданно яркой ненавистью, что она вскрикнула. А колдун, распая в себе лишь ему ведомый огонь, процедил ей в лицо, сжимая рукоять ножа: «Если попробуешь уйти от меня - убью».

Года через два она все-таки ушла от него. И еще долго следил он за ней, порой крадясь по следу, прячась в подворотнях и за углами, как тать.

И вдруг - исчез, словно ухнувшее в колодезь ведро.

Саша второй раз вышла замуж. Но страх застрял в ней.

Вспоминая ее, я тоскую. Черный колдун победил. В нем не было таланта и даже дара ведуна в нем не было, но он, как черная дыра, поглотил «солнце». Может быть, в том и была его миссия? Сашку нашли, ее свет видели, он мешал, его погасили. Короткая схватка завершилась.

Я знаю, что ничем не смог бы ей помочь. В их жизни я дырка в носке. Меня высокомерно не заметили, а если бы и удалось встать на их пути, то отшвырнули бы, как щенка. Почему же я до сих пор виню себя?

Саша потерялась окончательно. Я сменил адрес, а моего нового она не знала. И теперь, наверное, не смогла бы меня найти - как прежде! Она навсегда ушла из моей жизни. Да где она? Может, еще вернется на свою Вега? Может быть, Вега поможет ей вновь обрести космическую силу? Может быть, опять вспыхнет в ней солнце?

Я сказал, что она навсегда ушла из моей жизни. Это, конечно, неправда. Никто не уходит навсегда. Никто.

Александр КРАМЕР

Александр Крамер родился в Харькове. Окончил политехнический институт, работал на заводе. В Харькове появились и несколько первых публикаций. В 1998 году переехал в Германию и почти сразу стал публиковаться в русскоязычных журналах разных стран, в том числе в России, Украине, Канаде, Германии, США.

Постоянный автор журнала «Алтай».

РАССКАЗЫ ТАРАКАН

За окном стояла крошечная зимняя тьма и куражилась вьюга. А в маленькой, жарко натопленной комнатке, где за столом, при двух неярких свечах, сидели тесным кружком старые одинокие люди, царили уют и покой. Сидели молча, только изредка переглядывались, посматривая на новичка - худого лысеющего мужчину. А тот отрешенно смотрел в черный проем окна, и, если изредка и взглядывал на окружающих, то как-то так, вскользь, никого на самом деле не видя, не замечая. Только тогда, когда уже громко и многозначительно покашливать стали, мужчина перестал, наконец, глядеть в темноту и какое-то время, пытаясь сосредоточиться, внимательно всматривался в лица сидящих, тех, с кем ему, вероятно, предстояло прожить в этом доме множество дней. Он ведь никогда не думал, что может здесь оказаться, что когда-нибудь станет вдруг одним из этих брошенных всеми, забытых всеми людей...

Наконец, будто вынырнув из какой-то невероятной бездны, старик слегка покачал головой, крепко потер лицо большими ладонями и только тогда заговорил: негромко, спокойно, так, будто и не было в комнате никого, будто это он сам с собой решил объясниться:

- Мне сказали, что здесь как бы обычай есть: каждый новоприбывший должен немного о себе рассказать, о том, что его сюда привело, чтобы лишних вопросов потом не задавали. Ну что ж, обычай - значит обычай, не мне нарушать.

Меня Александром Павловичем зовут. Раньше я жил далеко отсюда, в огромном городе. Родственников у меня давно уже нет никаких, поэтому, когда на пенсию вышел, и жизнь мегаполиса - шумная, суетливая - раздражать, угнетать стала, решил перебраться в провинцию поменьше и по-

спокойнее: купил несколько лет назад на окраине вашего тихого городка крошечный домик с садом и переселился. А последнее время сдавать начал быстро, прибаливать часто, да и одиночество отчего-то крепко стало давить... Вот и попросился сюда.

Но только это все внешняя, несущественная сторона, потому что на самом-то деле дорога в приют началась пятьдесят два года назад, вот в такой же снежный и ветреный день.

Ну да, не улыбайтесь. Вроде как до седых волос и болезней еще было далековато, но только кто ж знает, из какого события-встречи что вытечет.

Совершенно точно этот день и час помню, потому что я здесь оказался... из-за таракана. Да-да, из-за обыкновенного черного, мерзопакостного таракана. Полвека прошло, а мне и до сих пор непонятно и странно, как один какой-то пустяк, ерунда дикая может полностью изменить, сломать, растоптать твою жизнь. И бесповоротно...

1

Я за три зимы до события этого влюбился ужасно. Первый и последний раз в жизни просто голову потерял; даже и не объяснить толком, что со мной происходило. С ума, наверно, сошел.

Мы познакомились перед самыми новогодними праздниками, после студенческой вечеринки. Я ее почти сразу заметил, и не потому, что она была какой-то необычайно красивой и броской. Да, ослепительной красавицей назвать ее было нельзя, но хоровод мужской она ловко крутить умела, подавала всегда себя так - устоять невозможно. Вот и в тот вечер похожее происходило. Только на самом этом вечере я к ней подойти не решился. Даже потанцевать ни разу не пригласил, постеснялся, хоть до этого никакой такой особенной робости по отношению к девушкам за собою не замечал.

Ну, так вроде бы и не должно было случиться это знакомство, потому что она на совершенно другом факультете училась. Вроде бы не должно... Но только мы после вечера странным образом рядом в автобусе оказались, локоть к локтю (я еще тогда удивился сильно, что она без провожатого домой едет), ну и разговорились, вернее, она меня тогда в разговор втянула.

- Я видела, вы на меня весь вечер смотрели... Меня Милой зовут или Милочкой, если хотите...

Говорила она тихо, почти шепотом, но дерзкая колкость и сквозь шепот явственно пробивалась, а насмешливый взгляд очень красивых золотистых глаз интонацию эту только усиливал. Я от такой открытой бесцеремонности растерялся даже - не то чтобы слишком, но вполне достаточно, чтобы Милочка смущение мое разглядеть смогла. А она увидав, что стрела точно в цель угодила, стала дальше насмешничать:

- Я в Песчаном переулке живу, в общежитии. Если у вас есть немного времени, вы могли бы меня проводить, а то там темно и страшно. Вы же темноты не боитесь? Я ведь на вас рассчитывала: видите, одна еду. Ваши сказали, что нам по дороге. Правда?

Когда из автобуса вышли, стала заботливо узнавать тепло ли одет, не замерзну ли по дороге, потому что идти далеко. Перед самым подъездом заинтересовалась - хорошо ли запомнил дорогу, а то вдруг заблужусь в незнакомом месте... И уже возле самой двери всего на секунду остановилась, подставила было щеку для поцелуя, но тут же отпрянула, приснула:

- Загляни как-нибудь, - и хлопнула дверью.

Так у меня с Милочкой Глазенапой знакомство и завязалось. Только имя ей совершенно не подходило: никакая «милочка» в ней даже и не ночевала. Во всем проглядывали эгоизм, гордыня, жестокость, холодная трезвость... Женщины, как мне кажется, вообще прагматичней мужчин, а уж Милочка - любой могла бы дать фору. Впрочем, гибкий ум, изящество, женственность, страстность все худшие качества сглаживали, усыпляли, притупляли мужскую бдительность: скорпион в меду. Нет, правильнее - мед в скорпионе. И меда этого ой как не просто было отведать.

А вот фамилия Глазенапа шла ей необычайно, потому что глаза у нее были восхитительные: огромные, золотые, а ресницы - темные, длинные, будто две ночных бабочки. Изумительные были глаза! Из-за них для меня чудесная эта фамилия навсегда превратилась в имя, и я иначе, как Глазенапой ее и не называл. Даже когда мы ссорились. И потом, когда уже насовсем расстались, мысленно называл ее только так. Она и сегодня, через полвека, остается для меня Глазенапой. Жива ли - не знаю.

2

Я домосед и книжник, мало где был, мало что видел, да и «охоты к перемене мест» никогда особенно не чувствовал, оттого, наверно, и в людях всегда разбирался неважно, особенно в женщинах. А она мне в тот вечер так в душу запала, что и разбираться ни в чем не стал бы, даже если б умел...

Я, конечно, на следующий же день не пришел - прилетел, примчался, принесся... Еле дожил до вечера. Мы долго гуляли, говорили про все на свете - знакомились. Глазенапа - невозможно представить - вела себя тихо, серьезно, даже ласково, ни единой насмешки или колкости. К сожалению, немного таких часов после мне выпало - мирных, добрых... А я привязывался, прикипал к ней все больше и больше. Если вдруг что-то мешало прийти, места себе не находил. И все время мне почему-то казались отношения наши слегка нереальными: вроде, как и на самом деле, а вроде - как сон. И - не очнуться.

3

Так тихо и мирно, как я уже сказал, наши встречи продолжались недолго. Стоило Глазенапе в один прекрасный момент посчитать, что рыбка с крючка не сорвется, как она стала аккуратно менять отношения. Потихоньку образовала между нами небольшой коридорчик-дистанцию; и то пёкло невыносимое в коридорчике этом стояло, то гулял ледяной ветер. И держала она дистанцию эту необычайно умело, так, чтобы надежда на доброе будущее всегда оставалась, но и в уверенность никогда не перерастала.

Но, видимо, она что-то не так просчитала, где-то переборщила и месяца через три-четыре после знакомства отношения наши дали чуть заметную трещинку. А я тогда не успел еще окончательно на крючок насадиться.

Впрочем, она эту трещинку первой заметила и объявила, что хочет от меня отдохнуть. Нет, никаких особых причин: просто - экзамены скоро, дел масса... И все в том же духе. Я пару раз после попытался с ней встретиться, но такой отпор получил... Расстались. Может из-за того, что она внезапно и резко так все оборвала, мне муторно было - очень увидеть хотелось. Как вдруг, в середине лета, получаю письмо: «Приезжай, если можешь», - и адрес.

Я на перекладных чуть не сутки к ней добирался - их фольклорную экспедицию в такую Тьмутаракань заслали - едва отыскал.

Глазенапа на шее моей повисла, все всхлипывала, всхлипывала, просила прощения, целовала, ласкала, не могла оторваться. И такой тогда на меня водопад счастья обрушился, такой ливень чудесной, удивительной нежности!.. Мы два дня выходных ни на миг не расставались. Ушли из поселка. Бродили по лесу, купались в лесных озерах, даже ночевали в чашобе лесной у костра, чтобы никому-никому на глаза не показываться - не хотел я, не мог никаких людей видеть, чтобы они даже взглядом к нам не прикоснулись, даже малую капельку счастья отнять, украсть не смогли.

А через месяц всего Глазенапа вернулась в город - равнодушнее камня. Будто и не было ничего совершенно, будто я в какой черной измене повинен, будто... Да бог с ним. Все давно уже без остатка растворилось во времени и пространстве, развеялось по ветру.

Потом (мне девчонки нашептывали время от времени всякие глупости) Кочубей какой-то у нее появился - пропал. Еще что-то... Так мы с нею сходились и расходились все время. Сходились и расходились. Стоило только ей позвать меня понастойчивей, как я готов был забыть, простить все на свете. А потом вдруг сель ледяной с горы падал - и все и вся погребал под собой, все и вся...

Как-то осенью, когда отношения были почти что нормальными, купили мы с Глазенапой на неделю путевки в пригородный дом отдыха. Приехали рано утром. Не успели домик занять и распаковаться, как Глазенапа исчезла и появилась только в столовой, за ужином. Она вся была возбужденная необычайно, раскрасневшаяся: «Так здорово, так интересно!.. Я потом, потом тебе все расскажу», - и снова исчезла, до ночи. Так и продолжалось: она с утра раннего убегала куда-то, и встречались мы только в столовой и в домике поздно ночью: «Ой, спать хочу страшно, завтра все, завтра, не обижайся...». А я все это время слонялся один по окрестностям как дурак неприкаянный, понимал, что что-то еще при покупке путевок было задумано, но даже представить не мог, с кем, почему и зачем. На третий день вечером я вещи собрал и уехал. После этой выходки дикой я довольно долго Глазенапу не видел, и вроде бы даже остывать стал, на других девчонок засматриваться... Только мы совершенно случайно встретились в букинистическом, разумеется, разговорились и карусель эта чертова закружилась по новой.

4

Три года длилось такое невыносимое счастье и конец отношениям даже представить было нельзя. Будто цепко трясина держала, будто и вправду существует приворотное зелье и меня опоили. Никакие, ничьи доводы не помогали, не действовали... Да и не хотел я ничьих доводов слышать. За одно доброе слово, прикосновение ласковое - душу готов был продать.

Однажды я сделал Глазенапе предложение. Она долго молчала, как-то нахохлилась, съежилась вся, а затем вдруг расплакалась навзрыд и убежала. Несколько дней отыскать ее нигде не удавалось. Потом внезапно сама позвонила и была какое-то время, что называется, тише воды и ниже травы, но

вернуться к разговору о свадьбе больше не позволяла. Видно, не тот выбрал момент или не так сказал... И повисло мое предложение руки и сердца в воздухе. А после и вовсе ею забылось.

5

Так вот мы к концу почти и добрались. Как я уже сказал, закончилась эта история, как и началась, почти перед Новым годом. Глазенапа в тот день позвонила мне рано утром и попросила заехать:

- Ну, на часик всего, ну, может, на полтора - подарки купить, ну, самое большее - на два. А потом - соседка уехала - у меня посидим... Ну и чудесно, и ладушки.

Мы весь день по универсамам, магазинам, лавочкам, базарам бродили, бродили... Искали подарки, наряды, бижутерию, косметику - всякие и разнообразнейшие глупости. К вечеру от усталости, холода, голода, мокрых ног я осатанел просто. Если б не груды пакетов, коробок, свертков, которыми я был нагружен, бросил бы все давно к чертовой матери. Настроение у меня при этом менялось: я то приходил в щенячий восторг от изящества и чудесной женственности Глазенапы, то впадал в угрюмое ожесточение от бесконечности и занудности происходящего.

К тому времени, когда все, наконец, подошло к концу, мы, будто сильно друг другу поднадоевшая супружеская чета, ругались не переставая, в голос, пугая и возмущая прохожих, но больше ни на кого не обращая внимания. Когда, наконец, уже в сумерках, сели в трамвай, чтобы ехать домой, я был просто на грани бешенства... А тут еще трамвай набитый битком! Меня с моей дикой гирляндой (держаться было, разумеется, нечем) пинали, крутили, дергали... Наконец, на мое несказанное счастье, прямо перед Глазенапой какая-то бабка вдруг поднялась и стала к выходу пробираться. Глазенапа тут же заняла свободное место, я немедленно ей на колени свалил все покупки и встал позади за ее креслом, чтоб она не могла меня видеть, а она в темноту за окном уставилась и мы оба демонстративно замолчали.

На ней в тот день было светло-серое кашемировое пальто с большим песцовым воротником и песцовая шапка-башня - все очень красивое, светлое, серебристое.

А момент, когда все началось, я пропустил. И откуда он взялся - зимой, в трамвае, в лютый мороз - просто непредставимо. Может, из сумки чьей-нибудь выполз. Скорее всего. Только я таракана увидел, когда он уже выше локтя Глазенапиного забрался. Таракан был огромный, откормленный, отвратительно-черный, и взбирался он не спеша, останавливаясь, оглядываясь, наслаждаясь, видимо, замечательным приключением, пока не добрался до воротника и не уселся на серебре песцовом, над левым плечом, преспокойно и важно шевеля отвратительными усами и лапами перебирая. Мне б стряхнуть его, сбить, а на меня будто ступор нашел, будто парализовало и такое вдруг отвращение, омерзение внутри поднялось, почему-то на Глазенапу перенесенное - и передать не могу... Так аж до тех пор продолжалось, пока майор-артиллерист молча не сбросил его щелчком на пол. А я в ту же минуту протиснулся к задней двери, вышел... И все.

6

Больше я никогда Глазенапу не видел.

Поначалу так и не смог себя перебороть. Во мне, точно шип, таракан проклятый торчал. Будто он откуда-то у нее изнутри вылез. Она даже звонила как-то, да я трубку бросил. Отвращение - непереносимое, непреодолимое просто - тогда во мне поселилось.

Потом я из города, где жил и учился, уехал надолго. А когда назад через много лет возвратился, мне снова увидеть ее захотелось!.. Даже таракан этот мерзкий как-то забылся. Да она к тому времени тоже уехала, и найти хоть кого-нибудь, кто бы знал о ней что-то, сколько я по старым знакомым своим не метался, - так и не удалось.

Со временем скверное выцвело, притупилось, только искры счастья в душе остались, и чем дальше, тем ярче они становились, пока память не превратила все в ослепительный, незабываемый фейерверк...

Нет, были после, через время, какие-то встречи, какие-то женщины... Иногда даже далеко довольно отношения заходили. А потом я вдруг, посреди отношений этих, вспоминал Глазенапу... На этом все и заканчивалось, потому что все пресными по сравнению с нею казались, абсолютно безвкусными, как трава.

Вся остальная жизнь тоже не очень удачно сложилась. В ней будто во всем провал без Глазенапы образовался: ледяной, бездонный, ничем и никем не заполнимый провал. Все в судьбе поперек пошло. И вот, наконец, здесь, среди совершенно чужих мне людей, завершится.

Дался же мне тогда... этот трижды проклятый таракан!

УТТАРАСАНГА

1

Барышев был человеком среднего возраста, обыкновенной внешности, Бодиноким ужасно, и оттого несколько эксцентричным. Он постоянно находился в каком-то странном внутреннем напряжении, будто вот-вот должно было что-то такое с ним произойти, что высветит, выделит его из окружающих, сделает недостижимым для тусклого, приевшегося своим однообразием мира.

То, что никто извне ничего такого в нем не замечает и сам он только предполагает наличие в себе каких-то особенных качеств, но ничем подкрепить свои ощущения не в состоянии, - нисколько его не смущало, но вызывало всегда чувство тревожной и грустной досады. Впрочем, на окружающих он свое раздражение не переносил никогда, а наоборот даже, слыл человеком мягким, застенчивым, с ровным и приятным характером. То есть странности эти никому, кроме него самого, не мешали, потому что одиночество его и неприкаянность из этих же странностей и проистекали.

2

Старый провинциальный театр распродал свое бесценное сценическое имущество. Дела давно уже шли из рук вон: зарплату платили мизерную, да и ту редко, за кулисами было пыльно, в зале холодно, трубы сплошь в хомутах... Директор, чьи энергия, воля и связи хоть как-то поддерживали шаткое существование труппы, после микроинсульта сдал сильно, двигал-

ся еле-еле, и даже взгляд у него сделался тусклым и обреченным. Все понимали, что труппе конец, больше бороться не за что, и потому на общем собрании решили весь скарб - без остатка - распродать, то, что удастся за него выручить, разделить на всех и раздать, чтобы каждый мог перебиться хоть какое-то время, пока не отыщется, может быть, что-нибудь, дающее средства к существованию.

Назначили день. За неделю до этого нарисовали и расклеили сами по городу красочные афиши, и стали ждать и готовиться.

3

День стоял просто отличный: синее небо, яркое солнце, теплый несильный ветер... Апрель то ли насмеялся над несчастьем комедиантов, то ли пытался хоть как-то сгладить их тревогу и боль...

Но это было снаружи. А внутри, где поставили на сцене стойки с театральной одеждой, реквизит разложили, сдвинули кресла партера и расставили декорации, - было несколько сумрачно, потому что свет экономили и центральную люстру зажгли только вполнакала, да и софиты с рампой капельку приглушили. Но находиться в такой обстановке было даже приятно, потому как бы флер был наброшен на все, и это придавало происходящему некоторую интимность, таинственность, так подходящую ко всему, что связано в представлении нашем с театром.

Посетителей оказалось так себе, никакой толпы - и в помине, но те, кто пришли, были приятно возбуждены и взволнованы: ведь не каждый день можно, вырвавшись из монотонности будней, подышать таинственными запахами кулис, превратиться запросто в Тартюфа или Пьеро, стать хоть на мгновение Норой или Офелией... Поэтому в зале стоял легкий радостный шум и мало кто обращал внимание на актеров, неприкаянно и понуро бродивших среди гостей, и пытавшихся неуклюже и грустно помочь примеряющим платья и вскидывавшим дуэльные пистолеты. Тут же, с огромными красными пятнами на щеках и нелепой, вымученной улыбкой, ковляла от группы к группе Зинаида Никитична - пожилая, тучная костюмерша, которая непрестанно ахала, охала, вздыхала и восхищалась (слегка, впрочем, фальшиво) тем, как замечательно сарафан подчеркивает фигуру надменной дамы, как решительно выглядит тощий молодой человек в костюме Лаэрта, какой прелестный мальш...

Барышев тоже бродил вместе с публикой. Вид у него был, по обыкновению, несколько минорный и одновременно растерянный, но сквозь эту растерянность и минорность пробивалась, помимо воли, легкая улыбка удивления и удовольствия оттого, что все это можно потрогать, примерить, прицениться, пусть и без всякого намерения купить, но хотя бы предполагая такую возможность.

Неожиданно он увидел довольно большое шафрановое полотнище, сшитое из нескольких длинных полос. Оно лежало под темно-вишневым богатым боярским платьем и его почти не было видно; а тут, только он подошел, огромный толстяк потянул наряд на себя...

Барышев замер, до глубины души пораженный великолепным цветом: так сеттер делает стойку при виде притаившейся дичи, так кобра застывает перед атакой, так... Бог ты мой, не описать, что внезапно произошло в душе. Предчувствие, может быть? Но только миг все в нем преобразилось: растерянность и минорность сползли как змеиная кожа, легкий чистый румянец

заиграл на щеках, улыбка вспыхнула яркая и открытая... Ни с того ни с сего стал он двумя руками причесывать наверх свои пегие волосы, тереть глаза, щеки... и все смотрел, смотрел и смотрел...

Время остановилось, поэтому Барышев совершенно не представлял, сколько же простоял, пока, наконец, не решился взять в руки странную вещь. Тут же и Зинаида Никитична подковыляла:

- Понравилось? Знаете, что такое? Не знаете!?! Так я покажу. Да нет же, ну нет! Ну какая римская тога! Это уттарасанга. Такую монахи носят. Буддийские, слышали... Идемте, идемте! - и Зинаида Никитична стала аккуратно подталкивать Барышева к заднику, где стояло огромное зеркало в бутафорской ротанговой раме.

Барышев костюмершу и не слушал почти. Все глядел и никак не мог оторваться. При этом какие-то странные, нелепые мысли бродили у него в голове, но он к ним не очень прислушивался, вроде как во сне все это происходило. Только тогда, когда костюмерша предложила ему странную эту одежду примерить, он слегка оклемался, позволил поближе подвести себя к зеркалу, снял куртку и первый раз в жизни накинул уттарасангу на плечи...

4

Сначала Барышев странному своему приобретению никакого применения практического не находил и даже перспективы такой не видел. Считал, что это блажь на него такая нашла. Может же человек вдруг однажды выкинуть что-либо этакое, логике не поддающееся. Ну может же!?! Ну, вот он и выкинул!

Впрочем, покупка, на какое-то время, привнесла в его жизнь ежедневную тихую радость. Придя после работы, он становился перед трельяжем, набрасывал на себя уттарасангу так, как его научила Зинаида Никитична - то закрывая оба плеча, то только левое - и потом долго ходил по квартире, испытывая необъяснимое, замечательное волнение. Чувство всегдашней досады сменялось тогда в нем чувством ожидания близкого, ну просто вплотную подступившего праздника; и ожидание это было таким приятным, таким волнующим, будто то исключительное событие, которое ожидал он все время, вдруг обрело реальные вполне очертания... Но должно ж было это когда-нибудь произойти! Ну, кажется, и происходит!

5

Потом вдруг радость ушла. Верчения перед зеркалом и хождения по квартире потеряли свое колдовство, перестали доставлять то острое, неизъяснимое удовольствие, так встряхнувшее, окрылившее душу Барышева в самом начале. Он даже представить не мог, что же такое случилось, потому что все так же неся с работы домой, предвкушая, как накинёт на плечи уттарасангу... И ничего потом больше не происходило... Ничего совершенно. Только горечь от одиночества стала глубже, только однообразие будней тяготило сильнее...

Надо было немедленно, срочно понять, в чем причина такого неудовлетворения, пресыщения радостью, что ли...

Он понял. Быстро. Это было не сложно, ведь он все так же оставался запертым в своей скорлупе, все так же не видим, не замечаем никем, и причина внезапного охлаждения крылась именно в этом. И это нужно и можно было сломать! И немедленно!

6

Субботнее утро выдалось тихим, желтым, приятным и для души, и для глаза; да и каким еще может быть весеннее утро, когда у него целых два выходных впереди, и можно столько разнообразнейших дел переделать, столько полезного наворотить... А можно и не воротить, можно просто лежать и глядеть в потолок, думать о том, что было бы, если бы... И представлять себе всякие необыкновенные вещи...

Нет, в эту субботу Барышев предаваться пустопорожнему созерцанию не собирался. Сегодняшний день предназначался им для конкретной практической деятельности, для воплощения в жизнь принятого решения. И оттого, что поиски и теории кончились, чувствовал он себя приподнято, даже восторженно несколько.

7

Самым трудным оказалось выйти за дверь. Хоть Барышев и напялил на себя паричок дурацкий, и бородку тощенькую - аля Хо Ши Мин - прицепил, а все равно страшно было; ну, не так, чтоб совсем уж страшно, а беспокойство беспричинное (ведь не преступление же он задумал) сквозь приподнятость и предвкушение праздника пробивалось все время, будто фальшивая нота вдруг закрадывалась в симфонию, исполняемую огромным оркестром, будто ледышкой прикоснулся кто неожиданно к теплому телу...

Постороннее переживание это отвлекало, мешало, не давало сосредоточиться. Он знобко вздрагивал, но тут же все и проходило, тут же он и забывал об этой фальшивости, и улыбался опять, и радовался, как ни в чем не бывало: желтому утру, субботе, близкому празднику...

8

Как во всякий воскресный день центр большого города кишел праздным народом, сновавшим по магазинам, кафе, галереям и просто слонявшимся безо всякого дела и повода. Каждый радовался или кручинился вразнобой с остальными; здесь ведь все и всегда были только поврозь, и не было никому ни до кого ни малейшего дела. Так было правильно, такова была норма, позволявшая охранять свою душу от лишних эмоций, потрясений и переживаний. Психика каждой отдельной особи таким образом защищалась от энергетики окружающих, чья экспансия не ведает, чаще всего, ни жалости, ни пощады.

Мало того, кислоте подобно, толпа растворяла в себе любого и всякого, точно малую мошку, превращая индивидуума, независимо от габаритов внешних и внутренних, в микроскопический элемент, почти не различимый для глаза.

И монаха в шафранных одеждах она тоже немедленно поглотила, растворила в своем вареве вместе со всеми. Не оставила ни малейшего шанса сохранить экзотическую индивидуальность. Правда, нет-нет да и ловил на себе Барышев взгляд особенный, улыбку, к нему обращенную, но было это так мимолетно, так незначительно... Иногда, впрочем, редко, ощущал он и враждебность внезапную чью-нибудь, презрение жесткое, откровенное, но и это было тоже незначительно и мимолетно, и никакого следа в нем оставить не успевало.

Совершенно иначе представлял он себе как это будет. Он был готов и к тому, что его ожидания осуществляются не до конца, но чтобы совсем ничего...

9

Не снимая уттарасанги, грустный, опустошенный сидел Барышев, сгорбившись в продавленном, стареньком кресле. Мысленно он был все еще там, на улице. Каждой клеточкой, каждым нервом переживал он снова и снова все подробности странного дня, не оправдавшего совершенно его ожиданий. Внутренне он готов был уже смириться с таким исходом, но смирение настоящее, дающее успокоение, вопреки этой его готовности, все не приходило и не приходило.

А через какое-то время, вместо смирения, накрыл его тихий полог воспоминаний о тех необычайных, разнообразных, таинственных, неопишуемых ощущениях, что он испытал, полный странных надежд и сомнений, в течение дня. И от этих именно воспоминаний вдруг успокоился Барышев совершенно и бесповоротно, разочарование уравновесилось в нем тем, что чувства и мысли пришли, наконец, в состояние привычного ожидания, грусти и досады на происходящее.

Тогда поднялся он из уютного кресла, достал с книжного шкафа пыльную карту, разложил ее на столе и стал тщательно, не торопясь прокладывать путь к далеким горам, - туда, где он будет такой, как другие, но не будет такой, как все.

Галина ПЛУЖНИКОВА

Галина Плужникова родилась в 1962 году в г. Рубцовске. Закончила Алтайский государственный университет. Работала преподавателем в школе, корреспондентом многотиражной газеты, тележурналистом. В настоящее время - заместитель редактора газеты РТВ-3.

Живет в Рубцовске.

НАТАЛКА

Р а с с к а з

Крик новорожденной удивил врачей. Прележав несколько минут без дыхания, девочка вдруг закричала, как будто вспомнив, что пришла в этот мир.

- Как она ожила? - спрашивала недоуменно одна из медсестер. - Матери уже сказали, что ребенок - не жилец.

- Значит, будет жить долго и счастливо, - ответила другая.

Когда девочку принесли в деревенскую хату, надежды на то, что она выкарабкается, у родных не было. Крохотный комочек даже не брал грудь матери. Поэтому ей давали сосать марлю, смоченную в молоке. Соски тогда были в большом дефиците. На маленькое чудо приходили смотреть всей деревней.

- И что из нее выйде? - сетовал сосед дед Яков. - Вона ж на человека не похожа. Кукла и кукла.

А девочка росла и развивалась наперекор всем обстоятельствам. Первое, кого она запомнила, были не мама с папой, а бабушка, которая возилась с ней день и ночь. Кормила, меняла пеленки, укачивала на своих натруженных, больших и всегда теплых руках. От бабушки вкусно пахло кухней и Наталка, так назвали девочку, едва завидев ее, улыбалась.

Отца она не запомнила, он вскоре ушел, забыв о ее существовании. Мать тоже, не долго думая, оставила ребенка на попечение бабушки и уехала на поиски счастья в дальние края.

Время летит так быстро, что его не успеваешь замечать. Наталка начала бегать, лепетать по-украински. Любила смотреть, как всходит солнце, слушать украинские песни деда Якова. За ней никто не следил, она росла сама по себе, как придорожная трава. Бывало, убежит далеко на луг, нарвет цветов и водит хоровод. По соседству жил мальчишка по прозвищу «Галапуз». Он был года на три старше ее, всегда бегал без рубашки и отличался тем, что имел большой живот. Однажды он заманил Наталку в крапиву.

- Хочешь, я покажу тебе красивый цветок? - спросил Галапуз, глядя на девчонку хитрыми глазами.

Девочка радостно воскликнула.

Галапуз подвел Наталку к большому кусту и сказал:

- Посмотри, там цветок растет, - и толкнул ее прямо в крапиву.

Ожидая увидеть чудо природы, она смело шагнула в середину куста и тут же вскрикнула от обжигающей боли. Горело лицо, руки, живот, ноги. Со слезами она стала выбираться из крапивы, хватаясь руками за обжигающие стебли. Руки покрылись волдырями. А Галапуз стоял рядом и смеялся. Это было первым уроком детской жестокости.

Было больно от крапивы, но больше всего, от обмана. На протяжении жизни она часто вспоминала этот случай. Когда ее обманывали, ей казалось, что она в очередной раз обожглась крапивой. И каждый ожог был более предыдущего.

Она стала водить хороводы с девчонками, плести венки из цветов, любила бегать босиком по зеленой траве. Все ей казалось красивым и чудным: вечером, когда сумерки только начинают опускать светлую тень на уставшее село, сядет на ступеньки крыльца бабушкина дома и наслаждается трелями соловья. А он заливается на черемухе у самого дома, будто понимает, что его слушают. Ей все было интересно.

Проснувшись рано утром, она подолгу смотрела на цветастую занавеску.

- Да что ты смотришь в одну точку? Что ты там нашла? - недоумевала бабушка.

Вместо занавески Наталка представляла сад, ощущала дуновение ветра и запах цветов. Ее фантазии позволяли ей видеть то, что не замечали другие. А еще она любила сидеть на крыльце у соседа - деда Якова и смотреть как заходит красное солнце. Закат лучше был виден с крыльца деда Якова - их соседа.

Большим огненным шаром оно опускалось до плетней огородов и скрывалось за дальними выпасами. Дед часто садился рядом и пел песню на украинском языке - «солнце восходе и заходе...» Затем шел в избу, намазывал кусок черного хлеба маслом и протягивал Наталке. Очевидно, жалел, считая ее сиротой. Ах, каким вкусным казался этот бутерброд.

Наталка все время хотела увидеть что-то особенное и однажды в поиске «аленького цветочка» чуть не лишилась глаза. Было это по осени. Уже собрали урожай. На поляне среди срезанных шляпок подсолнухов вырос красивый цветок. Он так манил ее, что она решила пробраться к нему сквозь колючки и чертополох. Пробраться пришлось ползком, сдирая кожу на локтях. Но больше всего донимали сухие стебли сорняка. Они кололись, царапали лицо и шею, а когда она неловко повернулась, колючка попала прямо в глаз. Наталке показалось, что она ослепла. Она зажмурилась, выдавливая из-под век слезы, размазала их кулачком по лицу, открыла глаза и увидела цветок прямо перед собой. Боль сразу прошла, Наталка сорвала цветок и вылезла из чертополоха. Она в ладонях принесла этот цветок домой и подарила бабушке. Та обняла ее за плечо и поцеловала в голову. Наталке показалось, что это и есть самое большое счастье.

А скоро все это враз исчезло. Бабушка вдруг засобиралась в Сибирь и Наталка вместе с ней несколько дней добиралась на поезде до далекого города. Встретила их молодая незнакомая женщина.

- Здравствуй! - улыбаясь сказала она, но Наталка отвернулась. Ей не хотелось смотреть на чужую женщину.

- Это твоя мать, - сказала бабушка.

Если бы это было в деревне, Наталка убежала бы на зеленый холм и просидела там одна до самой темноты. Но спасительного холма, на котором можно было сидеть и думать о себе и своей жизни, здесь не было. Женщина привела их в какую-то комнату. В ней стояла кровать, на которой сидел мужчина. Растерянная Наталка не произвела на него впечатления. Он холодно посмотрел на нее и сухо, словно выронил изо рта папиросу, сказал:

- Здравствуй.

- Это твой папа! - показала на него пальцем женщина.

Бабушка начала распаковывать вещи, а Наталка, схватив куклу, забралась под стол.

Папа и мама по утрам уходили на работу, и это было самым лучшим временем. Наталка могла разговаривать сама с собой и своей куклой, петь песни и вертеться около бабушки, которая хлопотала у плитки. Она варила ей каши и супы. Все это нарушалось с приходом мамы и папы.

Этот высокий «каланча» молча брал в руки неприятно шелестящую газету и садился с ней на кровать. Иногда он засыпал, положив газету на лицо, и громко храпел. Девочке не нравился ее папа. Она даже боялась его. Но однажды, набравшись смелости, спросила, почему он не играет с ней, если он ее отец.

Он опустил руки, долго и молчаливо смотрел на нее, потом снова поднес газету к лицу и, так и не ответив ей, начал читать. Тогда она решила отомстить ему.

Когда однажды папа спал, положив раскрытую газету на грудь, Наталка увидела бежавшего по стене таракана. Бабушка говорила, что они набегали от соседей. Она поймала его и уже хотела посадить на лицо папе, но бабушка успела схватить Наталку за руку и дать ей шлепок, выпроводив на улицу.

Наталка пошла к песочнице, где играли дети. Разговаривать с ними она не могла, они не понимали ее украинского языка. Поэтому она молча строила свой замок из песка и очень хотела, чтобы он получился необыкновенно красивым. Таким, в каких живут сказочные принцессы. Наталке хотелось, чтобы девочки, увидев замок, позавидовали ей. Может быть тогда они согласились бы играть с ней. Но девочек вскоре позвали домой, и она осталась в песочнице одна с недостроенным замком.

А вскоре она заметила что-то неладное: мама стала куда-то уходить по вечерам, папа ругался с ней, а бабушка все время повторяла, но так, чтобы не слышал папа:

- Ты подумала, что будет с ребенком? Кому он нужен?

Однажды мама поругалась с бабушкой и та уехала. Наталка стала подолгу оставаться в квартире одна. Ей никто не варил суп и не кормил кашей.

Как-то, проснувшись рано утром, она увидела на столе много красных яблок. Откуда они взялись - она не знала. Наверно, их принесла мама, пока она спала. Наталка встала, взяла со стола одно яблоко. Оно было холодным и очень вкусным. Совсем, как из сада, что остался на Украине.

Весь этот день она, взбравшись на подоконник, ела яблоки и смотрела в окно. Из окна пятого этажа люди казались ей маленькими и все куда-то спешили. Изредка по дороге проезжали машины или автобусы.

Вечером в квартире первым появлялся папа. Чуть позже нахмуренная, опустив голову, приходила мама. Некоторое время каждый из них молча занимался своими делами. Потом они начинали ругаться. Наталка уходила к

окну и, спрятавшись за штору, снова смотрела на улицу. Она бы ушла куда-нибудь на это время, но уйти было некуда.

Однажды мама не пошла на работу. В квартиру зашел какой-то незнакомый мужчина, и она начала быстро собирать вещи. Вместе они стали выносить их на улицу, где стояла машина. Вынесли даже кровать и стол. Пришлось собрать свои игрушки и Наталке. Машина привезла их в маленький дом с большим огородом. Новый мужчина не любил Наталку. Но недалеко от них жил брат матери - дядя Андрей. У них с женой не было детей, и они иногда оставляли Наталку ночевать в своей квартире. Нередко покупали мороженое и водили в кино на вечерние сеансы.

Осенью Наталке пришло время идти в школу. К ним вернулась бабушка. Она привезла варенье и обновки. Красивые платья, шубку и туфельки. Наталка светилась от радости потому, что у нее никогда не было таких вещей. В доме стало спокойнее и уютнее. В новом платье и белом фартуке, в туго заплетенных косичках, с портфелем в руках Наталка пошла в школу. Бабушка проводила ее до дверей класса и еще долго стояла на пороге, пока не увидела, за какую парту села Наталка.

Но таких радостей в ее детстве было мало. Кроме тех первых она не помнит никаких других обновок. Ей все время приходилось носить одежду на вырост, которую перед этим носили другие. А однажды весной ее отправили в школу в большой женской шали, мальчишеских туфлях, которые отдала бабушке соседка, и старом детском пальто. Мальчишки смеялись над ней. Ведь ее одноклассницы порхали в ярких беретах и красивых туфельках. Но она делала вид, что не замечает этих насмешек.

А однажды мать заставила Наталку сдать бутылки из-под лимонада. Самой ей сделать это было стыдно. Когда Наталка шла по улице, бутылки звякали, задевая за ногу, и люди все время оглядывались на этот звук. Приемный пункт был за магазином, к нему выстроилась длинная очередь. Наталка выстояла ее и женщина, принимавшая бутылки, сунула ей в руку денежку. Наталка купила на нее булку вкусного, мягкого, невероятно ароматного хлеба.

...Как давно это было... Но она часто возвращается в свое детство. Без прошлого, очевидно, нельзя жить. Оно переплетено тысячами невидимых нитей с настоящим. Возникают какие-то ассоциации, многое кажется не-реальным. Но странно... Даже самые тяжелые минуты видятся светлыми. Для чего это?

Борис ПУТИЛОВ

Борис Путилов родился в 1943 г. в городе Златоусте Челябинской области в семье служащего. В восьмидесятих годах приехал в Сибирь, в Колпашево. Там стал писать. В девяностых переехал в Северск Томской области, после - на Алтай, где и решил обосноваться окончательно.

Публиковался в литературных журналах Северска и Колпашево, в журнале «Огни над Бией», «Бийском вестнике».

ПЕСТ* ЛОХМАТЫЙ

Р а с с к а з

В нынешнем году урожай шишки богатый выдался. Вся Клюквенка, от мала до велика, высыпала на заготовку ореха. По кедрочкам гомонили людские голоса. Старый таежник-промысловик Спиридон радовался: на хорошем корме и зверушки в тайге держаться будут. Ноне обещается сезон удачный, фатовый. Опытный охотник с весны мог определить, какая ожидается осень. Если на кедрочке завязь обильная, а весна и лето не шибко знойные - быть ладному промыслу.

Спиридон Астафьев перемалывал седьмой десяток лет, но не желал расставаться с тайгой. Пенсию заработал давно, не сказать, чтобы богатая была, однако на жизнь вполне хватало, а промысловый участок сдавать намерения не имел, держался за него ради сына.

Леонид Спиридонович Астафьев на каждый охотничий сезон приезжал попромышлять с отцом. В удовольствие было забраться в тайгу, подышать вольным хвойным воздухом, отдохнуть от мирской суеты. Он считал, что пожить в тайге - для здоровья лучше всякого санатория, куда ему каждый год выделяли путевки. Работа у него была сезонная. С начала ледохода до самого ледостава ходил он капитаном на теплоходе, бороздил обские волны от Новосибирска до Нижневартовска. Глубокой осенью заканчивалась навигация, команда консервировала на зиму посудину и уходила в длительный отпуск, почти на всю зиму. Астафьев уезжал в родную деревню. Отец уже поджидал его, подготовив снаряжение к охоте.

Этой осенью, как и во все годы, сразу после октябрьских праздников, Леонид приехал к родителям. Мать, Лукерья Куприяновна, засуетилась. Радость ей, что дитяtko приехал. Стол готовит с разными вкусностями ради единственного сыночка. Снует по избе и выспрашивает его, не появилась

* Пест - старый медведь.

ли зазнобушка. Годков-то много минуло парню, а гнездышко свое никак не вьется, семья никак не завязывается. У Спиридона о сыне свои думки: не позволяет ему разнежиться возле матери, слушать ее охи-вздохи. Известил, что пора в путь-дорожку в таежное зимовье. Торопился отец, ворчал по-стариковски:

- Ишь как нынче подзапозднилась зима-т эт без раскачки, яззи ее, наступила, снегу-т навалило ужо по колено.

Спиридон побаивался, как бы собаки не запурхались в глубоком снегу, иначе полсезона впустую проваландаются, и проку никакого не будет.

Среди таежников поверье бытует: охотники уходят на промысел скрытно, чтобы никто не приметил, сглаз не положил. Спиридон с Леонидом из дома вышли задворками, затемно были за околицей. Звезды по небу матово поблескивали, угасали. Деревня в предутренней темноте додремывала, только собаки кое-где взбрехивали - на Буя и Чулу - охотничьих лаек. Вышли заранее с расчетом, чтобы рассвет встретить в тайге. Утренний морозец пощипывал нос и щеки, знакомая стезя манила, уводила вглубь. Старый охотник и ночами хаживал по ней, каждый кустик, каждое деревце знакомыми были. Не единожды приходилось под ними приют устраивать, когда гонял соболя или преследовал лося.

По участку стелились тропки-путики, означенные затесями, потому и приметные только его глазу. Когда укладывал путики, то стремился метить по звериному лазу, местами и дром-бурелом* не обойти было, прорубал стежку в гуще. Как-то в одну зиму медведица отыскала место для берлоги в самой чаще да угодила прямо на затески охотника. Обошел тогда промысловую берлогу, изогнул путик, чтобы не мешать матке выводить потомство.

Не единожды приходилось охотнику сталкиваться с медведями-шатунами. На них Спиридон крепкое сердце держал. С космачами у него были свои счеты. А все оттого, что досаждали они охотнику шибко, озоровали. То лабаз у зимовья разорят, то добычу из капканов вытащат, то ловушки исковеркают, поломают. Всякий раз таежник выслеживал разбойника, и в схватке выходил победителем. Но бывали случаи, когда косолапый забивался в непролазные буревалы, уходил от наказания.

Продвигаются путники тайгою. По неторопкой стезе тяжел груз за плечами: не до разговоров. Только мысли ворошатся, думает Спиридон о делах таежных. Больше что-то все про медведей, где, с каким схватывался и много ль добыл косолапых. Ступал след в след за сыном старый охотник и себе под нос бормотал:

- Ежели б припомнить, то, поди, где-то более сорока и наскребется. Дай бог памяти, кажись-таки в позапрошлом годе, сорок четвертого, никак, завалили... али нет, - будил память таежник.

Бурчать сам с собой Спиридон стал, когда и не припомнит. Видать, привычка появилась к старости, может, от таежного одиночества. Идет стезей, думки в голове перебирает, да вслух их перетолковывает. Сын приостановился, заслышав бормотанье отца, достал табачок, спросил:

- Батя, что говорил-то, не расслышал.

- Да, так, про себя лепечу, - остановился Спиридон, - ты не припомнишь, - спросил он, - позапрошлый сезон медведя завалили. Который был-то, а?

- Что это ты, батя, про медведя вспомнил? - выпустил клубы дыма Леонид.

- Ай, да так, пустое. Запомятовал, скока за свою жизнь добыл.

- Так, никак сорок четвертого в Горелой гриве тогда добыли.

* Дром - непролазная чаща.

- Да, я так и думал. Поди уж, сорок пятого-то мне не одолеть, - завздыхал старый охотник, - года берут свое, силов тех уже нет.

- Что за хандра у тебя, отец? Мы ж не на берлогу идем. Да хоть бы и на берлогу, впервой, что ли?

Спиридон поправил лямки котомки, поддернул на плече ружье:

- Какая еще хандра... Ну да будет передыхать. Надо засветло поспеть добраться, - заспешил он.

На полуденное солнце вышли к первому, самому короткому путику, который вел к зимовью. Малость приостановились, роздых ногам дали и двинулись дальше. По пути настораживали ловушки, раскладывали приваду.

Во второй половине дня погода обмякла, при солнце чуть теплило. Охотники деловито, по-хозяйски, подчищали путик, стлали свежую стезю. За делом время шло скоро. Уж недалеко и зимовье. Леонид копался у ловушки, настораживая ее, и обратил внимание, что собаки куда-то исчезли. Он обернул взор на их следы, и тут заметил медвежьи переступы. Отпечатки оставил крупный зверь. След был стылый, неспешный, развалистый. Косолапины цепочкой уходили в сторону от избушки. Леонид повернулся кликнуть отца, показать, но старый охотник уже сам читал след зверя.

- Однако вчерашний, неторопкий. Недалече должен убрести, - пояснил Спиридон сыну.

Охотничий азарт омолодил его, таежник преобразился, как бывало всегда, когда предстояла схватка со зверем. Машинально потянулся за следом. Однако коротко потропив, решили: не резон под вечер следить медведя. Вернулись на путик. Вскоре сквозь кусты и деревья замелькала прогалина, где приютилась заимка. Вокруг зимовья, по становищу, снег был утоптан зверем.

- Шатун, шельмец, яззи его, - с негодованием выругался Спиридон. - Не уйдет, много беспокойства хватим с ним, а то и весь промысел ломает.

Охотник осматривал стан. Зверь много набродил возле зимовья, однако шибко не напакостил: так, малость лесенку на лабаз порушил. К продуктам все же не добрался. Обойдя окрест стана, охотники свежих следов не обнаружили. А старый от избушки потянул через согру в бор, засоренный мелким ельником. Решили, что медведь убрел и занялись хозяйственными делами.

- Батя, собак что-то не слышать. Неужели далеко увязались за ним, - спросил Леонид.

- Ничего. Далеко в темь не уйдут, не будут держать, бросят его. Ночью вертаются.

На тайгу опускались сумерки. Небо покрылось пеленой. Пошел легкий редкий снежок. Охотники развели огонь в очаге, готовились вечерять. Леонид отошел к ручью набрать воды и для заварки чая наломать смородины. Раздолбил прорубь. Зачерпнул котелком, выпрямился, прислушался: не слышно ли собак. Тайга молчала, стояла тишина, лишь только чуть шелестели падающие снежинки. Собрался повернуть от ручья, как откуда-то очень глухо и еле слышно долетел придавленный пасмурной снежной погодой далекий собачий лай. Он вышел на еланку, затаил дыхание вслушиваясь. Чуть ясней обозначился яростный бас Буй, и тут же подпела ему звонкая Чула. Лай временами то пропадал, то накатывался со стороны бора, порой накрывался коротким звериным рявканьем. Собаки работали, держали зверя.

Возбужденный Леонид ввалился в избушку. Отец копошился возле очага, готовил ужин:

- Батя, Буй и Чула держат зверя в бору. Слышно их, но глухо.

Эта весть не возбудила старого охотника, но он все же вышел прикинуть, далеко ль налетает лай. Сколько-то времени слушали. Борьба между зверем и собаками перемещалась: то близилась, то удалялась. Лайки не могли удержать зверя на месте, посадить его. Вязкие зверовые собаки кружили лохматого, не позволяли ему удрать от них в крепи.

Спиридон взглянул на небо, опустил взор к земле:

- Не совсем тускло, виднеется в тайге, - определил он. - Собаки, однако, не отвяжутся, близко от стана. Надо им помочь, сынок. Давай, неси скорее ружья. До потемок, бог даст, успеем одолеть косолапого. Слышно, они его в Слепой гривке кружат. Там редколесье, хорошо виднеется.

Слепой гривкой прозывалась полоса могучего косматого кедрача, чистого, без подроста и валежника. Тянулась от зимовья до дальнего болота. Место было знакомое, там Спиридон постоянно заготавливал шишку.

Поспешили на лай таежники. По мере приближения охотников все яростней разгоралась борьба. Отчетливее слышалось рычание, грызня, звериный рев. С предосторожностями вошли в кедрач. Под кронами сумрачно, тем не менее, на чистом снегу отчетливо все проглядывалось.

Собаки умаяли-таки, закружили медведя, и где-то посадили его. Охотники крадучись, не обозначиться бы раньше времени, не спугнуть допрежь, подбирались все ближе. Меж деревьев замаячили собаки. Возле толстенного кедра, прижимаясь к стволу задом, отмахивался от них огромный медведище, пест лохматый.

Отец молча, знаком указал сыну, чтобы он обходил справа. Сам же, скрываясь за деревьями, пошел слева. Намереваясь, таким образом, взять косматого с двух сторон, обрезать ему пути к бегству. Спиридон норовил подойти ближе, выстрелить наверняка. Медведь, меж тем, отбиваясь от собак, крутил башкой, и в какой-то момент углянул неуклюже перебежавшего старого охотника. Зверь рывкнул, увидев человека, сорвался с места. Охотник поспешил, опасаясь, что косолапый кинется утекать, спастись в чашобе, в крепи, но произошло неожиданное. Мгновенно расвирепев, медведь люто воззрился на приближающегося старика. Не успел Спиридон что-либо скумекать, как хищник отбросил собак и огласил окрестность диким ревом. Юрко, в два огромных прыжка, подскочил к старику и вскинулся на задние лапы.

Леонид живо смекнул, в чем дело, не мешкая послал одну за другой две пули из обоих стволов. Медведь остановился, шкура дрожью встряхнулась от поразивших пуль. Повернул башку, узрел второго охотника, резво развернулся и ринулся в его сторону. Спиридон в это время раз за разом нажал на курки. «Жаканы» остановили зверя.

Собаки, ободренные подмогой, свирепели, повисали на голяшках, заставляя шатуна сесть, остаться на месте. Мохнач не обращал внимания на наседавших лаек. Для него была большая опасность - человек. Зверь в ярости бросился на грохотавшие выстрелы. Из раскрытой пасти выплескивался рев, летели брызги кровавой пены. В своей ненависти к людям и смерть не могла с ним совладать. «Крепок однако шатун», - удивлялся старый охотник.

Спиридон перезарядил ружье, поспешил приблизиться к медведю для убойного выстрела. Собаки трепали ляжки, добавляли злобы. Зверь обалдел и ярился. Охотник прицельно послал пулю. Лохмач покачнулся. Заплетающиеся лапы затоптались на месте, вот-вот завалится и уткнется. Но через секунду он выправился, и в этот миг стервятнику на zenки угодил старый охотник. Медвежище вмах подлетел к нему, вздыбился. Старик наспех дослал патрон, вскинул ружье в намерении последним выстрелом уложить шатуна. В упор грохнул выстрел.

Однако пуля не остановила медведя. Он словно и не почувствовал удара в своем стремлении подмять охотника. Второй выстрел стал порожним, ушел в небо. Лапища вышибла ружье, и шатун всей массой навалился на старика, облапив его за спину. Спиридон уперся, не позволяя себя завалить. Он успел выдернуть нож. Завязалась борьба. Медведь, уже околевая, одной лапой загребал одежду на спине старика, другой в агонии бороздил когтищами старческую кожу. Спиридон не сдавался, преодолевая острую боль, изловчился и ударил ножом в звериное сердце.

Боль разодранной спины лишала сил, не сдержал старик навалившейся огромной туши, ноги его подкосились и он повалился наземь. Под тяжестью космача захрустели косточки в груди. Медведь никак не издыхал, вздрагивал всем телом, чем причинял еще большее страдание старику. Спиридон собрался крикнуть сыну, а грудь не набирала воздуха, была сдавлена.

Леонид не мешкая, во всю прыть подлетел к месту схватки. Он подставил ствол к башке еще вздрагивающего в предсмертном издыхании медведя и выпустил заряд. От выстрела туша перевернулась, освобождая старого охотника. Леня осторожно отодвинул отца от околевшего зверя. Кровь струйкой истекала по старому телу. Спиридон от боли скрипел зубами и тихо постанывал. Леонид очистил раны разодранной рубахой, перевязал спину. Кровь приостановилась. Отец поднял очи на сына и промолвил:

- Больно шибко, сынок...

Старик примолк, повернул голову в сторону медведя, которого без острастки рвали собаки.

- Сорок пятый-то заломал... Кажись, отохотничал нынче, - слабым голосом закончил он.

Леонид стоял на коленях возле отца, до конца не осознав что случилось. Он тоже смотрел на огромного космача, который вытянулся метра на два с лишним. Невольно подумал: «Пудов на тридцать будет, а может и более». Перевел взгляд на батю:

- Папа, - с состраданием молвил он, - я перевязал, кровь остановилась. Как ты, привстань, сможешь до избушки добраться? Может, на руках отнести?

- Погодь, маленько, отлежусь. Грудь вот... Дышать - мочи нет. Раздавил, сатана этакий.

- Ниче, папа, крепись. Помял, конечно, малость, - успокаивал Леонид отца, - бывало и не такое... срастется.

Спиридон смотрел потухающими глазами на кроны кедров, ловил удаляющийся голос сына, но ничего не мог распознать. Сознание медленно покидало его и совсем померкло. Старый охотник примолк, не слышались его постанывания. Сын наклонился к нему, спросил:

- Батя, как ты...? Пошли в сторожку, я помогу подняться тебе...

Ответа не последовало, нависла мертвая тишина. Собаки, уморившись, свернулись возле добычи. Леонид склонился к отцу, тронул его:

- Батя, слышишь, что говорю...

Взял руку отца, она висела как плеть, не живая. Приложил ухо к груди: ничего не прослушивалось, старое сердце молчало. С минуту стоял на коленях над отцом, и внезапно мертвая тишина разорвалась:

- Б-а-а-т-я-я-н-н-я-я!

Буй и Чула повскакали напуганные и запоскуливали, вторя голосу.

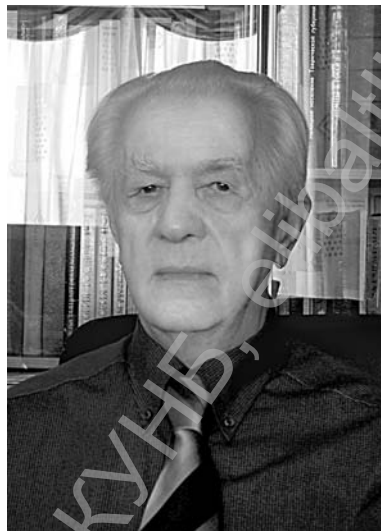

Лев МАЛИНОВСКИЙ

Лев Малиновский родился в Москве в 1925 году. Участник ВОВ, журналист и преподаватель, доктор исторических наук, профессор Государственной педагогической академии.

Автор нескольких книг по истории российских немцев.

Живет в Барнауле.

ГОЛОЛЕД

Р а с с к а з

У Петера Кранца - почти пятидесятилетнего коренастого производственника - была своя тайна. Звали ее Катей. Высокорослая блондинка в туго натянутых светло-синих джинсах и в экономной блузке яркого сигнального цвета без рукавов появилась в нашей конторе в самый разгар весны. Она только что выпорхнула из своего техникума и, как свежий молодой специалист, изо всех сил старалась показать себя с лучшей стороны, даже если эта сторона состояла всего-навсего в оживлении и оздоровлении наших облупленных и надломленных по всем краям телефонных аппаратов. В ее руках такой скрипучий коробок превращался в симпатичный прибор, который мог даже издавать звуки, похожие на человеческую речь.

С самыми благими намерениями появилась она вскоре и в неприглядной застекленной будке нашего мастера, похожей на покосившуюся птичью клетку, от которой рабочие сторонились как от медвежьей берлоги. Ворчливый и вечно недовольный мастер тут же преобразился, постарался даже изобразить на своей небритой физиономии нечто вроде улыбки.

С этого времени телефон у Кранца портился каждый второй день, а для устранения неисправности немедленно и неотложно требовалась личная Катина помощь. И она тут же появлялась, доставала из сумочки тоненькую отверточку и изящные синие плоскогубцы и углублялась в проволочные сплетения, одновременно позволяя хозяину птичьей клетки подбрасывать ей не только технические советы, но и неожиданно остроумные комплименты.

Само собой разумеется, что теперь он являлся на работу в лучшем виде, всегда гладко выбрит и облачен в специально приобретенный для случая шикарный комбинезон. Промасленную серую куртку, которую он носил раньше, сменила светлая рубашка с красным галстуком в крапинку, что придавало мастеру облик образцового западного мастера с рекламной картинки фирмы, поставившей ему машинное масло.

Однако дома Петер не показывал никакого вида. Как всегда, точно в половине первого, раздавался здесь телефонный звонок, как будто телефон держали специально ради того, чтобы передавать хозяйке дома стандартный вопрос насчет готовности обеда. Петер являлся на обед, припадал после этого на кратчайшее время к дивану и после снова возникал в своей стеклянной клетке.

Но мысли его, конечно, вертелись не только вокруг производственных проблем. Гораздо больше деловой энергии тратил он теперь на свою машину. Гордостью Петера была его старая «Волга», вполне созревшая для автомусея - на высокой подвеске, с выпирающими во все стороны крыльями, она как будто только что торжественно выехала из правительственного гаража. Сооруженная из металлолома и снабженная новым волговским мотором она каждый день возвышалась среди прочих на заводской стоянке.

Однако через некоторое время все стали замечать, что машина мастера начала постепенно менять свой цвет. Сперва у нижнего края кузова появились зеленые полосы, потом крыша вдруг позеленела, потом капот приобрел зеленоватый оттенок. Каждую неделю появлялось что-то новое, так что в итоге вся машина приобрела заплесневелый цвет старого серого забора, который вдруг пустил зеленые листочки. Причина превращения заключалась в том, что элегантная светло-серая машина была хорошо видна всем проезжающим по шоссе автомобилистам, когда Петер парковал свою «Волгу» между кустами и камышом около самого озера. Но не только озеро и рыбалка привлекали его - Катя отлично смотрелась в купальнике на плоском песчаном берегу водоема. Они открыли этот прелестный уголок в конце июня во время автопрогулки по окрестностям. На самом глубоком месте живописного лесного водоема вода доходила только до пояса и была такой теплой, как будто ее специально подогревали батареи центрального отопления. Но под прикрытием камыша там был небольшой пляжик, который они именовали «побережьем», где Катя и загорала, пока Петер занимался машиной. А потом они завтракали за маленьким столиком, который Петер смастерил из тонких стволиков здешних кустов, здесь же дымил небольшой очажок, заботливо прикрытый кустиками со стороны шоссе.

Здесь они и проводили летние вечера, здесь скрывались и в последние дни командировок, которые Петер, по обычаю многих командировочных, рассматривал как вполне законное дополнение к отпуску. Возвратившись из нередких поездок, Петер немедленно звонил на работу Кате. У нее тут же обнаруживалась необходимость что-то исправить на линии и она тут же оказывалась около его гаража, откуда он потихоньку и помаленьку отправлялся к водоему.

Так тихое счастье их продолжалось все лето. Но в часы раздумья каждого посещали свои особые мысли. В представлении Кати старая «Волга» везла их возможно даже на Дальний Восток или по меньшей мере в Среднюю Азию. Там ей мерещились два спокойных рабочих места на одном и том же родственном предприятии, двое детей, может быть, мальчик и девочка. По воскресеньям - поездка за город, все на той же старой «Волге», пусть дети играли бы на траве около другого такого же озера, поглядывая на домашние пироги на таком же столике из палочек. Смущал ее в этих мечтах только один момент, который отодвигал осуществление планов в слишком далекое далеко - реально существующее семейство Петера.

Его же собственные мечты и планы скрывались для него самого в еще более густом тумане. Путь в светлое будущее представлялся ему в виде извилистой и неровной полевой дороги, которая вела его то по пути к озеру, то по направлению к поселку, то по пыльным улицам соседнего города.

В глубине души он хотел бы сохранить все в своей мозолистой руке - его надежное положение и авторитет на предприятии, семью с уже подростками детьми, которые не очень обременяли его заботами и скоро уже должны были сами встать на ноги, его квартиру, даже гараж, который он с большим трудом соорудил из бетонных плит и кирпича и накрыл купленным шифером, создав там и подвал, и рабочее место. Там у него был даже маленький токарный станочек, на котором он при нужде мог кое-что выточить и отшлифовать для своих придумок. Раньше он даже целые воскресенья проводил там за работой и разговорами с соседями. Теперь он стал бояться их. Кратко здоровался, сразу же уходил от разговора, не слушая даже волнующих вестей, боялся вопросов и расспросов о том, куда ездил и почему уже не торчит в гараже по воскресеньям.

Но зато дома он был прежним закоренелым автомобилистом: жаловался на отсутствие нужных запчастей и на скуку в долгих поездках за этими самыми запчастями. Жена его заметила, правда, что он в последнее время несколько сократил свои автомобильные расходы, но приписала это растущей с возрастом бережливости.

Но со временем все же ему пришлось значительно сократить свои поездки с Катей к озеру. Не из-за денег, а просто потому, что дни неизбежно становились короче с приближением осени. Теперь влюбленные часто бродили по шуршащей листве, грелись на малом огне у своего любимого очажка.

В эту субботу они только накоротко заехали туда. Перед возвращением, бросая на лед маленькие камушки, которые гремели и сталкивались на другом берегу.

- Скоро ли мы попадем отсюда на другой берег?.. - Катя робко промолвила.

- Как это?.. - переспросил Петер задумчиво. Но в глубине души он сразу все понял, только притворился, что не уловил смысл ее слов.

- Ну, когда-то придется тебе все же разводиться. Потом мы уедем отсюда... И поженимся! - закончила она радостно и определенно, хотя и не ожидала от него немедленного ответа и даже боялась его решения. Для этого она уже слишком хорошо его знала...

- Ну да, - проворчал он, - когда-то и до этого дойдет. Но когда... пару лет мне еще придется здесь поработать. И Маринке еще только пятнадцать, о ней надо позаботиться...

- Заботу проявлять можно ведь и издалека.

- Семья - это не заочный факультет, как однажды сказала Марта...

- Опять о жене! Ты все равно каждый день ее обманываешь! Когда-то ты должен решиться: или - или!

- Ведь я уже решил в твою пользу!

- Но сколько можно...

- Скоро, милая, скоро! - уже направляя машину к селу твердо пообещал он.

Как всегда при возвращении, она пересела на заднее сидение и прилегла на подушки, чтобы ее не увидели и гаражные, и уличные соседи. Только в гараже она открыла дверцу и вышла из машины.

Но на этот раз ей не удалось незаметно выскользнуть из-за железной створки гаражных ворот и сразу же сбежать домой, в общежитие. Сосед справа что-то ремонтировал около своего гаража, он прикатил сварочный аппарат, ворота его гаража лежали на земле, а он сам колотил молотком изо всех сил, выправляя сварной уголок. Гром и грохот стоял такой, что от него уши закладывало.

Петер приложил палец к губам и сказал вполголоса, что при этом грохоте было, собственно говоря, совершенно излишним:

- Ты побудь пока немного здесь, когда он кончит, я вернусь и выпущу тебя.

- И сколько он будет греметь здесь?

- Мне думается, еще с час...

- Долговато. И здесь к тому же совсем не жарко.

- Сядь в машину, там теплее. Я быстренько сбегаю домой и сразу вернусь!

Она кивнула и послушно забралась через заднюю дверь в машину. Он быстро схватил ключи, захлопнул тяжелую гаражную дверь, демонстративно прогремел ключами, чтобы показать, что он уходит и в гараже никого нет. Сосед продолжал свою работу, Катя легла на заднее сиденье и попыталась заснуть, насколько это было возможно. Однако после долгой поездки и пребывания на свежем воздухе, она уснула.

Когда проснулась, было тихо и почти темно. Свет еле проникал сквозь щели в воротах гаража и через узкое окошечко над дверью. Даже в машине уже было холодно, ручки дверей, за которые она схватилась, обжигали холодным огнем. Она отдернула руку и тут же сунула ее в перчатку, чтобы отогреть пальцы. Стоя у окошечка, она подняла руку и посмотрела на часы - от ухода Петера прошло уже почти три часа.

Она попробовала согреться и постучала туфлями по бетонному полу. Потом остановилась и прислушалась, не отзовется ли кто-нибудь на ее топот. Ни звука. Она затопала снова и стала бегать вокруг машины, насколько позволяло узкое пространство. Стало немного теплее, но голые стены гаража безжалостно поглощали все с таким трудом добытые градусы тепла. Катя снова села в машину, но остывшая к тому времени жестяная коробка уже не защищала ее от холода.

«Где же он застрял? - с горечью думала Катя. - Ведь столько времени прошло? Сидит, наверно, за столом с женой и пьет свой кофе, а я здесь гибну от холода и голода!»

Вспомнив о кофе, она почувствовала, что по-настоящему хочет есть и выпить что-то горячее. Схватила термос, который торчал из сумки Петера, но вспомнила, что он пуст - все выпили еще на берегу озера, на холодном ветру. Потом взгляд ее зацепил банки, которые стояли на полках. Это были заготовки Марты - банки с маленькими ягодками, с огурцами и помидорами, с вишневым компотом и с желтым пасленом. Марта запасла это на зиму и выглядело так аппетитно! Катя схватила уже запывлившуюся банку с вишневым компотом и попыталась открыть. Это удалось не сразу: ей пришлось взять клещи из ящика Петера. С трудом подняла она крышку, вытерла край банки перчаткой и выпила почти половину трехлитровой банки, почувствовав приятную тяжесть в желудке.

Но напиток был холодным, Катя начала дрожать и снова спряталась в машине. Она прикрылась тонкой курточкой, прижалась к мягкому заднему сиденью и пыталась согреться.

«Что могло случиться? - думала она, страдая от холода и досады. - Он что, совсем забыл про меня или просто бросил здесь на произвол судьбы?» Она вспомнила их разговор утром, его уклончивые рассуждения о перспективах работы на этом предприятии, недовольство тем, что она вообще подняла скользкую тему о будущем браке.

Тут и замкнуло вдруг в ее измученном и застывшем мозгу, одна мысль ударила громом ей в голову: «Он хочет наказать меня, показать, что он здесь хозяин положения и держит в руках не только семейный руль. Потому нарочно оставил здесь в холоде и голоде!»

Она выскочила из машины, подбежала к воротам, застучала по ним, стала трясти их и колотить кулаком так, что полгорода могло бы проснуться от шума.

Но город спал, было уже слишком поздно. Она схватила молоток и застучала по воротам, по засовам, по бетонным столбам - все напрасно! Только пыль посыпалась сверху на ее растрепанную голову и ветер издевательски засвистел через щели. В пустынном проезде между гаражами было пусто и темно.

* * *

Но что же случилось на самом деле? В то время как Катя металась в своем холодном одиночестве и боролась сначала против скуки, а потом против холода, и, наконец, против подлых мужчин, события за пределами гаража развивались своим ходом и были не менее бурными и даже катастрофическими.

После того, как Петер с подчеркнутым шумом и громом запер свой гараж, так что работавший рядом сосед не мог не заметить его ухода со сцены и ни в коем случае не мог заподозрить, что там кто-то еще остался, он поспешно отправился домой. Не то, что отправился, а даже побежал. Однако до дома он не дошел!..

Погода, единственно и исключительно погода, начисто перечеркнула все его усилия и сорвала все его добрые намерения. Первый, еще очень тонкий снежок, тихо и скромно падавший в этот день, прикрыл тонким и призрачным покровом все неровности и колдобины, возникшие с осени от проезда тяжелых грузовиков, и это как раз на той дороге, которую должен был пройти Петер. Свежий снежок прикрыл эти замерзшие канавы и сделал лужи между ними еще более скользкими и опасными. Гребни между глубокими колеями не были прикрыты снегом, а потому стали еще более промерзшими и угловатыми. На скошенной, скользкой колее он и оскользнулся в своих уже порядком сношенных ботинках, споткнулся и упал. Попытался опереться рукой на замерзший гребень, но промахнулся, рука попала в пустоту и он, совершенно неожиданно для себя, рухнул на жесткий гребень и сломал себе левое бедро выше колена.

Резкая боль заставила его закричать, но его никто не услышал, на улице никого не было, в домах как раз зажигались огни к ужину. Через несколько секунд он пришел в себя и попытался встать. Напрасно, в ноге была такая боль, что у него закружилась голова. Опасаясь совсем потерять сознание и попасть под случайно проезжавшую машину, он стиснул зубы и остался лежать на дороге, скорее остался в полусидячем положении, упираясь здоровой ногой в проклятый гребень из мерзлой грязи.

После, примерно пятнадцатиминутного тревожного ожидания, его надежды оправдались - по скверной промерзшей дороге со скрипом и грохотом подъехала машина. Он закричал и замахал рукой, чтобы обратить на себя внимание. Мужики - это были коллеги по работе, хотя и из другого цеха, вышли из авто и узнали его.

- Что с тобой, Петер Петрович, - спросил один из них, - видно после бани перехватил лишнего?

- Тут не до шуток, - отвечал Петер, - я на этом проклятом месте себе ногу сломал! Плохо дело, ребята, отвезите меня в больницу...

Без лишних разговоров его подхватили и потащили к своей машине: от боли он тут же потерял сознание. Больница к счастью находилась в нескольких минутах езды от злосчастной колдобины.

Петер пришел в себя уже на столе рентгенкабинета.

- Как мои дела, доктор? - спросил он.

- Мм, не очень, - отвечал тот, - опасности для жизни нет, но есть закрытый перелом бедра с осколками кости, заживет, но не быстро.

- И когда я смогу встать, хотя бы на костыли?

- Месяца через два, - сказал врач.

У Петера выступил холодный пот на бледном лбу. Два месяца! А бедная Катя замерзнет и умрет в моем гараже уже в эту самую ночь!

Петера повезли на каталке в палату, там тщательно привязали к кровати, чтобы придать уже загипсованной ноге нужное положение - наискось и вверх. Теперь ему предстояло многие дни и ночи провести лежа на спине.

Вот и лежал он там, прислушиваясь к болям в ноге, один на один со своими мыслями. Главной его заботой было - помочь Кате, не разглашая свою тайну ни по больнице, ни по предприятию, ни по поселку.

Впервые после своего несчастья он взглянул на часы. С того времени, как он с шумом и грохотом затворил гараж, прошло уже больше двух часов. Сосед, конечно же, давно ушел, а Катя все ждет его в машине. Как помочь ей, если сам находишься на привязи!?

Наконец пришла удачная мысль. Надо найти человека, мужчину, на которого можно положиться, который сохранит тайну по дружбе и из мужской солидарности. Это мог быть только Иван, верный спутник Петера на рыбалках. На него можно положиться, он будет молчать, как партизан...

Но как вызвать его в больницу? Сегодня суббота, завтра воскресенье, на работе его не застанешь. Дома у него телефона нет, прокладка телефонной линии на его окраинную улицу была еще делом далекого будущего.

Но тут уже могла помочь семья. Утром в воскресенье Петер вызвал к себе жену, которая полагала, что он уехал в командировку, и попросил ее послать дочь к Ивану с запиской. Разумеется, текст был таким: «Лежу в больнице с переломом, подойди сюда, палата № 3, есть срочное поручение на утро понедельника».

Написав эти слова, он заволновался: ведь это будет почти сорок часов! Столько просидит Катя в холодном гараже! Если бы можно было сейчас же вызвать Ивана! Нет, не выходит, ему ведь надо дать ключи и хотя бы в двух словах объяснить, что с ними случилось, как это Катя попала в его гараж. Скрепя сердце он все же написал роковые слова «на утро понедельника», надеясь в тайне, что, может быть, друг появится уже в воскресенье.

Его надежды оправдались, хотя только отчасти. Дочь своевременно постучала в двери к Ивану, но не застала его дома. Страстный рыбак уже отправился на реку, чтобы попытать счастья на еще тонком льду. Только поздно вечером он вернулся домой, вымылся, переоделся и с лицом, еще красным от холодного речного ветра, отправился в больницу и присел у кровати своего друга. Из-за несчастных слов «на утро понедельника» он не мог предполагать, что дело столь срочно и речь идет о жизни человека.

Петеру пришлось значительно умерить мощь своего голоса, чтобы потихоньку, но в спешном порядке объяснить другу суть дела. Обычно Иван все понимал с полуслова, но тут прошло немало времени, пока он все понял и, вооруженный ключами и карманным фонариком, появился у дверей гаража. Было уже совсем темно. Шла вторая ночь, которую Катя провела бы в гараже, если бы не явился спаситель с ключами.

* * *

Но уже ночь на воскресенье не прошла для Катя без последствий. Стуча зубами от холода, она выбралась из машины утром в воскресенье и прежде всего посмотрела в зарешеченное окошко - бледный утренний свет только подтвердил, что было еще очень рано. Она стала искать что-то съедобное, но смогла найти только сухую горбушку хлеба и холодный компот. Когда

она снимала банку с полки, та выскользнула из застывших рук и разбилась вдребезги на бетонном полу. Круглые ягоды закатились под машину и по пути собрали всю пыль с грязного пола и стали похожими на маленьких серых ежиков.

«Что я натворила! Марта устроит ему такой скандал из-за этих вишен!» - так подумала она в первый момент, когда переступила через осколки и протянула руку за следующей банкой. Но и эта соскользнула с неустойчивой полки и разбилась на полу, обрызгав ее маринадом.

Раздражение, ревность и досада опередили все остальные мысли и она стала без разбора хватать банки и бросать их на пол, чтобы досадить Марте и Петеру, которого она уже успела, кажется, возненавидеть. Потом она схватила молоток и стала колотить по банкам, превращая их в кучу осколков. Рассол потоками лился по кирпичной стене на пол.

- Вот тебе, вот тебе, теперь получишь по заслугам еще и от жены, она тебе эти банки не простит! И я еще тебе отплачу, и от меня получишь отметину, даже если мне придется умереть в этой противной дыре! - так думала она про себя и так ворчала почти вслух.

Разгорячившись несколько от сражения с банками, она начала искать взглядом, что бы еще напороть. Он упал на инструментальный ящик и на бардачок Петера, где хранились разные мелочи. Инструменты были аккуратно развешены на специальном стенде на стене, где у каждой вещи нашлось свое место за деревянной планкой или в кожаной петле. Она сорвала все со стены и бросила проклятые железки в кучу на пол. Большого вреда она не могла причинить этим инструментам, многие «железки» она не знала даже по названию, не говоря уже об их предназначении. Но она могла себе хорошо представить ярость и досаду Петера, когда он увидит такой беспорядок в своем хозяйстве.

В поисках объекта для дальнейших разрушений Катя обратила внимание и на саму «Волгу», любимое детище мастера Кранца и бывшее гнездышко влюбленных во время их летних прогулок. Она схватила молоток и ударила по большому лобовому стеклу. Ей с трудом удалось расколоть его на три большие части, она даже не сообразила, что своими руками уничтожила свое убежище от холода на следующую ночь.

После лобового стекла настала очередь фар, а затем и задних поворотников. Разбив все стеклянное, она принялась за крылья и кабину. Все это было побито, исцарапано и испорчено, ухоженная машина превратилась в кучу мятой жести и теперь годилась разве что для выставки с надписью: «Результат неосторожной езды при гололеде, нарушения правил уличного движения и пьянства за рулем».

Уставшая и возбужденная тем, что она натворила, Катя сидела в раздрозганном автомобиле, совсем недавно бывшем для нее раем на колесах, и придумывала планы для дальнейших мстительных действий.

Время шло, а Петер не показывался. Из соседних гаражей уже раздавались голоса хозяев. Она хотела попросить о помощи, но быстро сообразила, что без ключей соседи все равно не смогут помочь ей, зато позор ее станет темой разговоров для всего поселка.

Так она сидела молча и в тишине, прислушиваясь к тому, что делалось около гаражей в течение дня. Слышала, как участники воскресных пикников с шумом и ревом запускали свои моторы и выезжали из гаражного городка. Потом солнечный свет померк, медленно наступал следующий вечер. Но Петер не появлялся, очевидно хотел уморить ее здесь до смерти.

И вдруг она услышала, как в воротах загремели ключи. «О, вот он!» - сверкнуло в голове. Но вместо того, чтобы радоваться своему спасению от мучительной смерти, она схватила молоток и, вся дрожа, встала за створкой двери.

Наконец ворота закрипели и в гараж просунулась голова в вязаной шапочке. «Смотри, - подумала она, - шапку надел, ему холодно стало!» И она врезала входившего молотком по голове, ударила человека, которого за два дня до того любила и мечтала выйти за него замуж.

Но читатель уже знает, что это был вовсе не Петер, которого она уже возненавидела, а его приятель, открывший для нее путь на свободу.

От удара и еще больше от неожиданности, он свалился как мешок на пол гаража, фонарик ударился о железную створку и погас. Вне себя от страха и волнения, Катя в полной темноте перепрыгнула через предполагаемый труп и убежала с мыслью, что ей придется еще и отвечать за свои дела - за испорченную машину, побитые банки и еще за убитого любовника. Нет, скорее прочь отсюда, скорее забыть все, словно ничего и не было!

Она прибежала в общежитие, молча сорвала ключ с доски вахтера, обрадовавшись тому, что ее соседки по комнате не оказались дома. Заварила быстренько чай, съела оставшийся сухой бутерброд с сыром, сорвала с себя одежду и скрылась под горячим душем. Слава богу, вечером в воскресенье ей еще хватило горячей воды, чтобы основательно согреться. После этого она мгновенно заснула. Последней ее мыслью было: завтра надо без опоздания явиться на работу и не подавать вида, что с ней приключилась такая беда.

Утро понедельника началось просто и обыкновенно: она сидела на своем рабочем месте, причесанная и покрашенная, и занималась починкой очередного аппарата. Спустя час обнаружила, что уже пропаянная пластинка не хочет работать, и пошла на склад, чтобы взять новую.

Но громкий разговор, который она услышала там, ошарашил ее так, что даже голова закружилась:

- Боже мой, - кричала кладовщица в лицо одному из рабочих, - где взять мне эту штуку, если Петер Петрович лежит в больнице с переломанной ногой! С субботы лежит пластом! Теперь нам придется с месяц ждать, пока он выздоровеет!

Слово «перелом» смутил Катю, ведь она его вчера по голове, а не по ноге молотком ударила, она хорошо помнила шапочку, хотя и не могла ясно представить себе лица своей жертвы. И вот он уже лежит с переломом ноги! Она осторожно расспросила кладовщицу, и узнала точно, что Петер Кранц действительно в субботу сломал ногу на гололеде и лежит в больнице, сегодня утром он позвонил оттуда на работу... нет, ходить он, разумеется, не может, ему наверное сестры принесли телефон к кровати...

«Значит это был не Петер вовсе!» - тут же сообразила Катя и при мысли, что убила совершенно постороннего человека, упала в обморок. Вызвали скорую и отвезли ее в больницу, где лежал с переломом Петер. За прошедшую ночь туда же поступил и Иван - возвратившиеся к вечеру отдыхающие увидели его и тут же позвонили в скорую и в милицию.

Вот и представьте себе удивление и возмущение всех в поселке, кто знал и Петера и Ивана - а кто их там не знал? Можно себе также представить и продолжение нашей истории...

Виталий СЕРОКЛИНОВ

Виталий Сероклинов родился в 1970 году в Камне-на-Оби, учился на математическом факультете Новосибирского государственного университета. Работал грузчиком, слесарем, столяром, проводником, директором магазина, занимался бизнесом. Автор двух сборников рассказов - «Записки ангела» (2009, Новосибирск) и «Местоимение» (2010, Нью-Йорк). Публиковался в журналах «Новый мир», «Сибирские огни», «Волга» и других.

Живет в Новосибирске.

ПРИЩЕПКА

Р а с с к а з

Его многие называют Везунчиком. А он никакой не везунчик - у него ничего невероятного в жизни не происходит.

Нормально школу закончил, нормальный аттестат получил. В институт не с первого раза поступил - какое уж тут везение. Остался на годичные подготовительные курсы, устроился слесарем при главном корпусе, общагу дали. На следующий год поступил, даже полбалла лишних оказалось.

На письменном экзамене рядом оказалась одна девочка...

Они до сих пор спорят, кто кому тогда больше помог. Впрочем, он нехотя признает, что без нее у него были бы две помарки. Она смеется в ответ, говорит, что их дочка в него пошла - такая же упрямая.

Им тогда почти сразу дали маленькую комнату - повезло, старая комендантша немножко поддала в тот день. А новая - не выселила.

И не болели они почти. Нет, ну уж не настолько - и грипп из садика дочка приносила, и, ну, вот же еще, помнишь, забыла, как называется, Лиза Новикова угостила подружек в садике и все потом в инфекционку попали.

Ну да, было такое. Только и грипп на излете доставался, и в инфекционку тогда не легли, сами справились, а те девочки в больнице еще что-то подхватили, - кто их знает, чем они там детей кормят.

Ну, что еще... Машина, вроде, хорошая, но не сказать, чтобы уж очень, хоть и не по статусу. Там что получилось: его старый «опель» царапнули и немного помяли крыло. Ну, он и приехал в мастерскую, узнать, во сколько обойдется грунтовка да правка. До того не приходилось еще в аварии попадать, он и тут-то не сам виноват, хорошо, что обошлось с тем заснувшим камазистом...

Ну вот, а хозяин мастерской - фанат этих «опелей». Как увидел - чуть за сердце не схватился. Продай, говорит, - их, оказывается, малой партией выпустили - что-то там с правами на двигатель было не так у производителя, ка-

жется. В общем, за своего ржавого, чего уж там, «рыжего» он получил почти нехоженую «вольвоуху», да еще с полным комплектом резины сверху.

Ну и с той «вольво» была история - он на инетном автоаукционе у япошек подглядел такую красотку-пятидверку, глаз не оторвать, наверняка с превышением цены заберут. А тут ему предложили «вольво» у него купить, неплохие деньги давали. Ну а он почему-то даже не задумался - сразу решился. И на аукцион заявку подал, а там оказалось, что у той «красотки» категория оценки низкая - дерево на нее упало, прямо на крышу, а это сразу косяк, на эту категорию заявки вообще не подают и даже не смотрят на фото. А он-то посмотрел.

В общем, с растаможкой, с доставкой, со всеми делами вышло чуть ли не даром. Главное ж - новые совсем, а на крыше - маленькая вмятина и малость шоркнуто ветками, теперь сделали: знать будешь - не найдешь ту царапину.

Ну, машина - это ерунда, это разве везение?

Выигрывать он особенно никогда не выигрывал. Нет, было, на самом деле, когда в новую квартиру въехали (очередь дошла, ага, когда уже никто не верил и давно все позабыли, что была она, эта очередь), поужались, конечно, сильно - все ж обставить надо, да ремонт. Известно же, как у нас квартиры сдают - пальцем ткни, оно все вывалится, а под подоконники лучше не заглядывай, труха одна. Правда, их квартиру то ли образцовой держали, то ли что - тьфу-тьфу-тьфу, даже краны до сих пор не потекли нигде.

Ну и вот, на стиралку у них уже не хватило, хоть заужимайся. А стиралка - это ж... Тут и малого ждали вскорости, - где пеленки-распашонки стирать? Но свезло - он чего-то копеечное прикупил в магазине бытовой техники, но как раз хватило, чтобы в лотерее поучаствовать - и, вуаля! Не «Бош», конечно, но и без того навороченная, до сих пор не во всех функциях разобрались.

Что еще...

Нет, ну по мелочи там всякое у него бывает, да и у родителей его тоже. Где-то чудом из-под колес увернется, где-то у бати тромб так пролетит, что врачи удивляются - дескать, первый раз такое видим, чтобы на волоске и, при этом, человек на обследование лег по другому поводу, тут все и вскрылось.

Ну и мама - будто не стареет. Ворчит только больше, да это она по доброду.

Цыганки ему гадать отказываются. Ну, то есть, те, кто гадалки, а не эти, нынешние. Говорят, ведет его кто-то. Или следит за ним.

Он смеется - дескать, определитесь уж, ведет или следит. Либо я на поводке, либо - «под колпаком».

Нет, он и сам чувствует что-то такое, только понять до конца не может. Как-то с мужиками сидели, он даже признался, что честно пытался вспомнить какой-нибудь знаменательный поступок из своей жизни, за который ему воздается. И не вспомнил. Ну, там, жертвует что-то, посылает, помогает. Прошлым летом им на завод интернатовский автобус привезли, так они его бесплатно починили. Но это не считается, все ж раньше началось.

Про ту поездку в больницу он, конечно, не помнит.

Вообще-то их тогда гороно поставило в план, ну а потом уж и сами увлеклись. Это называлось «шефство» - ездили со старшеклассниками по садикам и больницам с выступлениями. Конечно, казенщины было много, речевок всяких. Но после речевок был спектакль. Что-то они пели из кинорепертуара, переделывая слова, какие-то сценки ставили. Ему тогда двенадцать, вроде, было. И досталось петь «где среди пампасов бегают бизоны и над баобабами закаты, словно кровь...». Он надел на нос прищепку и получилось очень смешно, гундосо. Прищепка-то была незаметная, прозрачная -

отец из Болгарии привез маме набор, целых десять штук на капроновой ленте. Капрон отец потом тоже приспособил - коньки к валенкам приматывал. А прищепки мама берегла, это ж такое богатство было, такая редкость, - у всех деревянные, серые от воды, а у них - красота. Ну вот, одну прищепку он тогда у мамы и стащил - для спектакля.

Отыграли, насмешили ребятишек - кардиология, кажется, пришла и еще кто-то. А одна девочка лет семи-восьми не смеялась. Сидит и вот-вот заплачет, ни на что не реагирует. Ну, он и не выдержал, подошел к ней, когда все уже расходились, чего-то болтать начал, присел перед ней, стал рожицы корчить, потом по карманам своим шарить - чего бы ей дать.

Ну и отдал, что было - горсть резинок-«авиационок», они ими на уроках пулялись, карандаш ТМ со сломанным грифелем, да карамельку какую-то. А потом еще раз смешно изобразил тот дурацкий гнусавый голос, с прищепкой на носу. Тут-то девочка рассмеялась и потянулась ручонкой к прищепке. Ну, что делать - он и отдал. Поднялся, по затылку, по коротеньким волосам ей ладонью провел - колетса «ежику», их так в детдоме стригли, он же не знал, что она детдомовская.

А еще вспомнил, колпак бумажный с себя снял и тоже той девочке отдал. Это у него в последней сценке такая роль была - с колпаком, Петрушка.

Ну и все, собственно - он про эту историю скоро забыл.

А девочка раньше всех спать легла, подарки сжимая в руках. И не видела она, как соседки по палате утащили из шкафа на медпосту разные красивые таблетки и как поделили на всех, особенно им красненькие понравились - сладенькие. Она бы тоже, наверное, красненькие захотела, да заснула уже, так что ей не досталось. Наутро ее трясли и спрашивали, сколько пила, да зачем залезла в шкаф - она одна тут детдомовкой была. Остальные говорить уже не могли, промывали им желудок. Потом в больницу еще долго комиссии приезжали, проверяющие всякие. Правда, ее уже выписали тогда - оказалось, что аорточка увеличена, но ничего страшного, просто наблюдаться надо регулярно.

Ну и правда оказалось, что ничего страшного - выросла, на швею выучилась, даже комнатушку дали почти сразу, хоть и в «малосемейке».

Замуж вышла за уральца, поработать пришлось на химзаводе в Первоуральске. Вредно, конечно, но зато доплачивали, да и интересно было, по командировкам ездила. Завод скоро прикрыли, а она стала потихоньку шить, как учили. Сначала на себя, потом уж и по заказам. Теперь и помощниц набрала, гуртом легче, от заказов отбоя нет, в областной центр перебрались. Муж помог машинки модернизировать - он у нее изобретатель, два патента даже в Америке зарегистрированы.

И химия не успела ей повредить - родила мальчика, здоровеньким растет, в этом году думают не прививать от гриппа, - зачем, если организм сам справляется.

Грифель и колпак, конечно, потерялись, но прищепка где-то у сына в игрушках. Сын любит, когда она его смешит гундосым голосом, надевая на нос уже потускневшую прищепку и напевая ему песенку про бизонов и пампасы.

А за прищепку ему тогда от мамы крепко попало. Все-таки, комплект был, жалко. Теперь оставшиеся девять валяются где-то на чердаке у родителей.

Сначала-то он маме не признавался, кому отдал, а потом уж и сам забыл. Разве что иногда ладонь у него чем-то мяконько покалывает, будто ершиком волос. Но он не может вспомнить, откуда ему знакомо это ощущение.

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ АЛТАЯ

В конце прошлого года журнал «Алтай» отметил 65-летие со дня выхода первого номера. Подобные юбилеи сопровождаются обычно изданием книг, в которые включается все лучшее, опубликованное за предыдущие годы. Не имея такой возможности, редакция решила опубликовать сто лучших стихотворений поэтов, печатавшихся в журнале или живших в свое время на Алтае. Эта подборка, естественно, не может претендовать на всеобъемлющую полноту. Но она все же дает объективное представление об уровне поэзии в нашем крае.

Марианна КОЛОСОВА (1903 - 1964)

В БАРНАУЛЕ

Это было в старом Барнауле.
Правду всю скажу, не утаю;
Это было там, где чья-то пуля
Догоняла молодость мою.

Серебром украшенная сбруя,
Расписная золотом дуга...
Там, у жизни милый час воружа,
Мчались мы сквозь легкие снега.

Чью-то душу ранили глубоко.
Навсегда. Бессмысленно и зло...
Под сосной сибирской одинокой
Чье-то счастье снегом замело.

Молодой и храбрый, не твое ли
Счастье под сугробом снеговым?
Не шатайся, не клонись от боли, -
Нелегко в России молодым!

Тяжело в России молодому
С непокорной русскою душой!
Никогда не жалуйся чужому,
Что на свете жить нехорошо...

Мчат по снегу кони вороные!
Та дорога сердцу дорога...
Крепости мелькают ледяные
Да летят сыпучие снега.

Поворот. Знакомая дорожка.
Городок, похожий на село...
Сколько снегу под твое окошко
Барнаульской вьюгой намело!

Ты в дохе, накинутой на плечи,
С побледневшим радостным
лицом
Синеглазой девушке навстречу
Выходил поспешно на крыльцо.

УЛЫБКА СМЕРТНИКА

Вспоминая тебя, Владимир Р...

За большое, за Русское дело
Мы вместе на подвиг вышли.
Ты погиб... А я уцелела.
Ты мне грех невольный простишь ли?

Горький твой, но завидный жребий!
Не поймешь ты мою усталость...
Я забочусь о крыше и хлебе,
Потому что... я жить осталась.

Но я помню, сквозь две решетки
На последнем нашем свиданье
Ты улыбкой милой и кроткой
Ободрял меня на прощанье...

И взялась откуда-то сила,
Не страшили тюрьма и голод:
Бывшим анненковцам носила
Из Заречья патроны в город!

И в ограде, на сеновале,
(Тут же, близко, с тюрьмою рядом!)
У меня не раз ночевали
Партизаны белых отрядов.

Ах, тогда не могла понять я,
Где взяла я храбрость и силу,
Когда в лес для повстанцев-братьев
Я оружие тайно носила.

Почему я смотрю так строго?
Потому что страдала много...
Потому что сквозь две решетки
Улыбнулся мне смертник кротко...

МОЙ ЩИТ

Утомленная долгой борьбою,
Боль и страх от врагов затая,
Как щитом, я укроюсь Тобою,
Православная вера моя!

И во мраке глухом преисподней,
И в просторах безбожной страны
Осененная волей Господней
Не погибнет душа без вины.

Я упасть под мечом иноверца
И сгореть на костре не боюсь
За Христово пронзенное сердце -
За тебя, Православная Русь!

ПУТЕМ ГЕРОЕВ

Склоняюсь пред бумажным ворохом,
Чтоб от забвения спасти
Той крови цвет, тот запах пороха,
Те легендарные пути...

Чтоб над исписанной бумагою
Другие, головы склонив,
Прониклись той, былой отвагою,
Почувствовали тот порыв.

И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,
Пускай звучит печально: «Помните
Погибших подвиг, жизнь и труд».

Пусть эта память, как бессонница,
Тревожит шепотом людей,
О том, как гибла наша конница
От большевистских батарей...

Устали от житья унылого,
От горьких и голодных дней,
Но тень погибшего Корнилова
Нам стала ближе и родней.

Смерть за Россию - доля Царская!
И помнить будем мы века
О том, что пули комиссарские
Пронзили сердце Колчака!

Уйти от омута нелепого,
От этой будничной тоски -
Погибнуть гибелью Кутепова
От злобной вражеской руки...

От себялюбия унылого
Веди нас, Божия рука,
Путем Кутепова, Корнилова
И адмирала Колчака!

НА АЛТАЕ

Отдохнем от жизни, помечтаем,
Ты, как я, немного фантазер.
Будем жить с тобой мы на Алтае
Около сапфировых озер.

Вдалеке от скуки современной
В душу радость ясная сойдет.
Мы построим домик пятистенный,
Обнесем заплотом огород.

Буду печь я вкусное печенье,
Ты - читать газеты у стола.
И приедет в гости в воскресенье
Батюшка из ближнего села.

На обед гостям уху сварю я,
Заколю цыпленка пожирней.
И расскажет матушка горя,
Что украли курицу у ней.

Всколыхнет июльский горный ветер
Тюлевую штору на окне...
И скажу я: «Счастье есть на свете,
Это - жизнь в отеческой стране!»

Знаешь, я наплакалась, мечтая
О крутых вершинах синих гор.
Это будет, милый, на Алтае,
Около сапфировых озер...

Марк ЮДАЛЕВИЧ (1918)

* * *

*Памяти моих друзей - писателя Петра Бородкина
и офицера Советской Армии Владимира Рутковского*

Есть в альбоме моем пожелтевшее старое фото,
на котором три парня беспечно глядят в объектив.
Если б нам повстречался в те дни ясновидящий кто-то,
если б он рассказал, через что нам придется пройти!
В ленте жизни тогда мы прошли изначальные титры,
нам улыбочиво нежной казалась планета Земля,
а на ней подрастали железные черные «тигры»
и рычали «пантеры», страшнее лесного зверья.
Но стояли мы насмерть в неслыханной битве московской,
и на запад, на запад вела нас большая война,
и на красном снегу умирал подполковник Рутковский,
и не кланялся пулям Бородкин - лихой Старшина.
Мы вернулись домой из Варшавы, Софии, Берлина.
Мы полсвета прошли, мы победу держали в руках,
только жили в бараках и в темных землянках из глины,
по раскисшим дорогам возили зерно на быках.
Мы вернулись домой, но не кончились наши сраженья,
по окопной привычке нередко мы шли напролом,
и живучая подлость за то нас брала в окружение,
клевета нас колола, наветы вязали узлом.
Да, мы были ранимы, хотя возвратились из пекла,
но и бедам, как пулям, не шли никогда на поклон,
и работали мы, чтоб страна поднималась из пепла,
одевалась в асфальт, наряжалась в добротный бетон...
Есть в альбоме моем пожелтевшее старое фото,
на котором три парня беспечно глядят в объектив.
Довелось нам узнать, что такое война и работа,
довелось бы опять - нам не выбрать другого пути.

* * *

Ах, годы, годы, вы куда шагнули!
 Острий осталось, горечь затая:
 два старика сегодня в Барнауле -
 извечный столп Демидовский да я.

Но, к сожалению, я, отнюдь,
 не вечен
 и, очевидно, скоро смерть приму,
 тогда, гранитные сутуля плечи,
 стоять ему придется одному.

Иван ФРОЛОВ (1918 - 1957)

ХЛЕБ-СОЛЬ

Вдоль степного
 Равнинного диска -
 Поезда - к колесу колесо.
 В грузных «пульманах» -
 Хлеб кулундинский,
 На платформах -
 Бурлинская соль.
 А с токов люди машут и машут,
 Провожая свои поезда:
 - Это к Родине - матери нашей
 С хлебом-солью идет Кулунда.

КУЛУНДА

Я еду сегодня.
 И писарь спокойно
 Нагнулся над чистеньким бланком:
 - Куда?
 - В Ташкент или Крым?
 Ереван или Гродно?
 И я отвечаю:
 - Алтай, Кулунда.
 С Бурлы выходило огромное солнце.
 В пшеницах - густой, устоявшийся пар.
 Лицо удивленное писаря-горца
 Я вспомнил в вагоне «Татарск - Павлодар».
 О, если б и ты побывал в этой новой
 Степи и увидел поля и сады!
 ...Встречает знакомого парня степного
 Родная земля Кулунды,
 Равнина. Равнина.
 Ни яра, ни пади.
 Равнина - на север,
 Равнина - на юг.

Как будто гористую землю разгладил
 Какой-то гигантский уют.
 Здесь воду качают полынные ветры.
 Идет на поля ледяная вода.
 Здесь смотришь и видишь на сто километров:
 Полсотни - туда и полсотни - сюда.
 А солнце! Вы видели солнце степное?
 Его живоносная кровь горяча.
 Оно не скрывается здесь за горою,
 Оно до последнего светит луча.
 А травы! Кавказ и весь мир обыщи ты -
 Высоких таких не отыщешь вовек.
 Не зря Кулундой степь назвали джигиты,
 Ища жеребенка в высокой траве.*
 ...Я дома, гляжу на сады восхищенно,
 На эти живые холмы у бахчей.
 Вот, словно поспевшие гроздья паслена,
 На вербах повисли семейства грачей.
 Я дома...
 Хлопочет с закусками мама
 И книжку торжественно мне подает:
 - У нас трудоднице-то в семь килограммов,
 А в книжке моей, погляди-ка, - пятьсот?..
 Как в детстве, на вышке дозорной опять я,
 Волнует меня необъятный простор,
 И осени гладкое желтое платье
 Блестит изумрудами круглых озер.
 Иду по тропинке у тихой старицы.
 Направо, налево - куда не взгляни -
 Разливы волнистые спелой пшеницы
 И щетка высокой, колючей стерни...
 Гляжу с восхищеньем на этот бескрайний,
 Навеки родной кулундинский простор.
 Меня на ходу смуглолицый комбайнер
 К себе поманил, завязал разговор.
 Щекочут мне щеки и на ухо шепчут
 Колосья заветную тайну полей.
 Комбайнер в пылище.
 И зубы, как жемчуг,
 В счастливой улыбке светлей и светлей:
 - Да разве когда-нибудь думали деда,
 Что станет богатой такой Кулунда?!
 Мы - те, что добились на фронте победы,
 Победу куем и на фронте труда...
 ...Так вот ты какая,
 Сторонка родная,
 Ты - загром Алтая,
 Моя Кулунда!

---

* Кулунда - по-казахски - жеребенок в траве.

И в песнях, и в думках
 Тебя вспоминая,
 Тобою я жил и в разлуке года.
 Я счастлив, шагая
 По землям целинным,
 Что ветром душистым и мятным дышу,
 Цвети ж, золотая степная равнина,
 Цвети сплошняком от Оби к Иртышу!
 Я сын твой.
 Я ездил и видел немало.
 Но в самых прекрасных больших городах
 Тебя мне всегда и везде не хватало,
 Мечта моя,
 Песня моя,
 Кулунда!

ОЗЕРО ЯРОВОЕ

Скинув платье темно-голубое,
 В томном зное заревом горя,
 В озеро бросалась Яровое
 Светлая вечерняя заря.

Только ей, стекло воды прорезав,
 Трепетать в лазури возле дна:
 Здесь потонет разве что железо,
 А душа живая - ни одна.

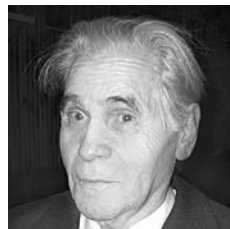
В белопенной соляной оправе -
 Горький выдох вспененной воды.
 Яровое озеро по праву
 Называют солью Кулунды.

В ураган напрасно ждал волну я
 Между соляных искристых глыб:
 Яровое буря не волнует,
 Только чуть поглаживает зыбь.

Пусть проходят грозы
 Кулундою,
 А за ними - холод, снег и лед...
 Не скуют морозы Яровое!
 И степное солнце не возьмет!

Озеро мое, не оттого ли
 Нам в степи так дышится легко,
 Что шепотка этой крепкой соли
 Есть в крови у нас, сибиряков?

Александр ГУСЕВ (1921 - 2007)

* * *

Он лежал, зажимая раны,
 Собирая остаток сил.
 Танк со свастикой шел упрямо,
 По окопам из пушки бил.
 Бой еще не стихал с рассвета,
 Резал душу снарядами свист.
 Весь израненный, у лафета
 Приподнялся артиллерист.

И, казалось, остатком жизни
 Грянул пушки горячий ствол.
 Дрогнул танк и огнями брызнул,
 Дым густой, как смола, пошел.
 Лег солдат, словно стал глядеться
 В голубой между туч клочок...
 Все мне кажется:

                                своим сердцем
 Этот танк он тогда поджег.

Виталий ШЕВЧЕНКО (1922 - 2008)

* * *

Когда земля от ран стонала,
хлеба горели, шли бои,
душа к возмездию зывала
и забывала о любви.

И для родившихся в сорочке
с горчинкой был
                        победный тост...
Зато потом я к сыну, к дочке
и даже к правнукам прирос.

Теперь они -
                мой след в народе!
Я сросся с ним, вошел в него,
как корень дуба на исходе
тысячелетья своего.

* * *

За взрывом - взрывы.
Дым.
Обозы.
Война...
Забить я не могу,
как навзничь падали березы
и затихали на снегу.
Теперь же по горам и долам
опять стройны они, крепки.
На них затейливым узором -
светло-зеленые дымки.
Дымки - еще и не листочки,
но бродит сок хмельной в стволе.
Весна!..
Стреляют только почки,
и пахнет жизнью на земле.

Борис КАУРОВ (1924 - 1970)

СОСНА ЛЕРМОНТОВА

Вдыхая ветвями прохладу и рокот
бурлящей волны Падуна,
стояла над буйной рекой одиноко
на голой вершине сосна.

В зеленом шеломе,
в настое медвяном,
познавшая службу и зной,
стояла она и была безымянной,
никем не воспетой сосной.

Рычала река,
и затравленным зверем
кидала на камни волну.

И первый строитель,
сошедший на берег,
увидел под небом сосну.

И смелый взрывник,
колесивший по свету,
герой Жигулей и Днепра,
припомнив чеканные строки поэта,
читал их друзьям у костра.

«На севере диком...»
И птицей по стройке
помчались литые, крылатые строки.
И дали сосне той,
стихами воспетой,
родное, любимое имя поэта.

«На севере диком...» -
Взрывник синеглазый
стихи про себя повторял.

И в небо взлетала шрапнель диабазы
и грозно ревел самосвал.

И я удивлялся, читая о спорах
в колонках столичных газет,

что будто исчез у поэзии порох,
что места отныне для лирики нет.

Об этом бы
лучше спросили у парня,
который среди вздыбленных скал,
в глухой и холодной ночи Приангарья
стихами сердца согревал!

НОВИЧКУ

Как положено по уставу,
я сдаю тебе этот пост:
флаг из шелка и берег правый,
белый камень и восемь берез.

Вот и все. Можешь слову верить.
Только помни: не флаг на столбе,
не березы, не камень, не берег -
я Россию вверяю тебе.

Владимир СЕРГЕЕВ (1930 - 1994)

ИВАН СПИРИДОНОВИЧ ПРОТАСОВ

А, это тот самый Протасов, который
Известность себе приобрел на Чукотке -
Судился с одною солидной конторой,
Ругался со всеми и умер от водки?

Да, это тот самый. Но вы не спешите
Презрением своим припирать его к стенке,
Ведь в мире немало вещей и событий,
Которым не сразу поставишь оценки.
Он бражник отпетый, гуляка известный,
О нем вы плохого слышали немало,
Я ж знаю другое - он добрый, он честный...
Но лучше я вам расскажу все сначала.

В ту пору пришлось мне отчаянно туго.
Повергнутый в бездну житейской заботы,
Искал я себе хоть какой-нибудь угол
И более-менее сносной работы.
Шел месяц за месяцем - третий, четвертый...
Ничто не менялось на этой планете.

Я спал по ночам на диване протертом
В холодном, продутом насквозь кабинете.
Туда меня за полночь только впускали,
А утром уборщица в двери стучала.
Вставал я с гудящими глухо висками,
И день, как вчера, начинался сначала...

Обняться с пургой, с ее ревом протяжным,
Пойти без оглядки застывшим заливом,
Сорвать полушубок, и будет неважно,
Несчастливым родился ты или счастливым.
Отдаться безумному, наглому вою,
Не будет конца, середины, начала...
И вновь засыпал я с больной головою.
А утром уборщица в двери стучала.

Друзья? Большинство из них было далеко
От нашей буранной чукотской столицы.
Иные гадали: с какого же бока
С речами своими ко мне подступиться.
Другие - без горькой обиды не вспомнишь -
Махнули рукой: мол, таких лоботрясов
Ничем не научишь... И тут-то на помощь
Пришел мне Иван Спиридоныч Протасов.

По-разному будут кормить тебя люди,
К кому ты в лихую минуту явился.
«Давай, не стесняйся, у нас не убудет!»
А взглядом добавляют: «Что, брат, докатился?..
Другие с улыбкой, вздохнув незаметно,
Откроют всегда пред тобой свои двери,
Но тайны сердечной и думы заветной
Отныне уже ни за что не доверят..

С Иван Спиридонычем было иначе.
Здесь не было даже намек на жалость.
«Встречаются в жизни труднее задачи,
И с нами еще не такое случалось.
Давай все, что есть, и не суйся с советом,
Души его взглядом и вздохом не пачкай.
Когда-нибудь, может, он вспомнит об этом
И если поможет, так уж не подачкой.
Забудет - не будет о нем разговору.
А может, окрепнут в нем добрые чувства...»

Вот так вот встречали меня в эту пору
В том доме, где было не очень-то густо.
Немало по духу двоюродных братьев
Найдется у нашего брата на свете -

Ни пятнышка на отутюженном платье,
Ни пятнышка в строгой служебной анкете.
Но речь не об этих. Натура прямая,
Когда-то и он жить умел по-солдатски:
Комбед под Орлом, кулачье на Алтае
И политый кровью окоп сталинградский...

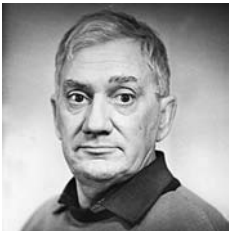
Давно уж война перешла на экраны,
И пули над нами давно отсвистели,
Но в жизни бывает - глубокие раны
Порой остаются не только на теле.
Едва ли помогут здесь чьи-то усилья...
Ну, ладно, к нему подбирается старость -
А ты-то - чего опустил свои крылья?
Иль, может, великая ноша досталась?..

Нет. Рано еще подводить нам итоги,
И к ним мы вернемся другим уже разом -
Покажем, зачем у нас руки и ноги,
И есть ли у нас еще воля и разум.
Так пусть набегают волна за волною
Слепящая радость, неожиданное горе,
И пусть неустанно кипит подо мною
Соленое море, житейское море...

Иван Спиридоныч... Вернусь я, как прежде,
И встану у той незаметной могилы.
Не скорбь, не тоска, а любовь и надежда
Дадут мне решимость и новые силы.
Все это теперь перешло от него мне,
И думы его мне дорогу укажут,
И это всем сердцем храню я и помню -
Плохое о нем пусть другие расскажут.

УКАТАЛИ СИВКУ КРУТЫЕ ГОРКИ

Укатали Сивку крутые горки,
Осталась от Сивки шкура да скелет.
Когда бы не были такими холодными ночи,
Да дороги бы получше, да перегоны бы покороче -
Прожил бы Сивка еще несколько лет.
Всю жизнь месил он снег, грязь, тину,
Спотыкался - порой на все четыре ноги,
Но терпеливо напрягал он свою хребтину,
В поощренье слыша свист кнута и матюги.
Не узнает он отныне минут горьких,
Не будет ноша его тяжелеть.
Укатали Сивку крутые горки.
Вот теперь можно Сивку пожалеть.

Вильям ОЗОЛИН (1931 - 1997)

ПЕГАС

Это бывает лишь в юности. Это -
Сердце разбитое. Пепел и шлак...
В самом разгаре веселого лета,
Вздорная, плечики вздернув, ушла.
Злиться, надеяться, мучаться, плакать!
Милая, что же наделала ты?
Так на перроне бросают собаку
Средь равнодушной людской суеты.
Что ты наделала? Спелые гроздья
Взглядов твоих позабыть не смогу.
Что ты наделала! Ржавые гвозди -
В сердце, как в лодке на берегу.
Сад городской. Опустела аллея...
Красный зрачок сигареты погас...
Ткнулся мне в локоть, любя и жалея,
Маленький, как жеребенок, Пегас...

ЗВЕЗДОПАД

Когда уходит на закат
Круг солнца -
                                круглый и овальный,
И августовский звездопад
Роняет с неба звон прощальный,
Я - узник памяти твоей,
Я - вечный каторжник разлуки,
Ловлю спасительные звуки
И прячу их в душе своей.
Пусть этот тихий звон кандалный
Навек останется со мной -
Звон медленный, исповедальный,
Звон тайный, явственный, больноый.
В моей душе, на самом дне,
Пусть он затихнет без ответа...
Но все ж на самой глубине
Еще мелькнет полоска света.
Увижу я:
                                ...в твоём саду,
Пересекая свет хрустальный,
Как лист осенний, лист опальный -
На снег разлуки упаду...

ЗАБЫТЫЙ РОМАНС

В старинном флигеле,
В старинном,
В таком -
                                что уж за сотню лет! -
Сорвался с клавиш клавесина
Забытой песенки куплет,
Под абажуром медно-красным -
Вспорхнул, кокетливый чуть-чуть:
«Когда-нибудь, мой друг прекрасный,
Когда-нибудь, когда-нибудь...»

Пустяк! Альбомная игрушка!
Дань отлетевшей старине.
Хозяйка, милая старушка,
Его шутя пропела мне.

Шутя пропела. Но неясный
Куплета смысл сдавил мне грудь:
«Когда-нибудь, мой друг прекрасный,
Когда-нибудь, когда-нибудь...»

Она и помнит-то едва ли
Того, кто ей оставил в дар
Слова безудержной печали
И сердца юного пожар.

Но то ли вечер был ненастный
И ветреный -
                                теснило грудь:
«Когда-нибудь, мой друг несчастный!
Когда-нибудь, когда-нибудь...»

Как одинокий голос горна,
Как набежавшая гроза,
Мне вдруг перехватила горло
Сентиментальная слеза.

Подумать только! - в век железный
Такой рефрен теснит мне грудь...
«Когда-нибудь, мой друг любезный!
Когда-нибудь, когда-нибудь...»

Леонид МЕРЗЛИКИН (1935 - 1995)**КРУТОЯРЫ**

Ты один у меня, мой земной уголок
С крутоярами синими, с тихими плесами.
В эту осень к тебе я добраться не смог
Ни пешком с батожком, никакими колесами.

У тебя там давно ежевичник отцвел,
Одуванчик-растрепыш осыпался на воду...
Не по мне ли березы лопочут у сел?
Не по мне ли кудлатые плачут взаправду?

Лишь закрою глаза - и пошло, и пошло...
Обступают и треплют намокшими ветками,
И роса по одежде моей тяжело
Ударяется каплями крупными, редкими.

Лишь закрою глаза - и навстречу большак.
Вижу - степь большаком-кушаком перехвачена.
Без меня нынче шастает ветер-степняк.
Без меня на токах все зерно пролопачено.

Лишь закрою глаза - и снуют воробьи
В конопляниках рыжих, у скирд скособоченных,
И порхают кружа, будто годы мои,
Будто годы, забытые там - на обочинах.

Их не взять, не поднять, не засунуть в мешок,
Потому и дороже становится прежнее.
Ты один у меня, мой земной уголок,
Для тебя уберег я все самое нежное.

Ты один у меня, мой земной уголок.
Где бы я ни плутал, а по правилу старому -
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги к тебе, крутоярому!

Я, наверно, не скоро домой ворочусь.
Я приеду тогда, когда в крике и зуде,
Одуревший от солнца испачканный гусь
Искушается в первой весенней запруде.

Я сойду с полустанка, зажмурюсь на миг...
Захолонуло сердце. Стою. Ну, чего же я?

Засмеюсь и пойду по грязи напрямик,
Пусть вослед удивленно глазают прохожие.

Я свои сапоги обоью о порог.
Здравствуй, давность моя! Здравствуй, юность безусая!
Ты один у меня, мой земной уголок.
Я вернулся обратно. Ты слышишь? Вернулся я!

Ты один у меня, мой земной уголок.
Где бы я ни плутал, а по правилу старому -
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги к тебе, крутоярому.

НА КЛАДБИЩЕ

За кладбищенской оградой
Виснут памятников лбы
То давящею громадой,
То крушением судьбы,

То надменно, то застенчиво,
То отчаянно и зло.
И делить-то вроде нечего,
Но челу грозит чело.

Даже здесь, в тиши обители,
Не забыли про чины,
Дремлют каменные жители.
Видят каменные сны.

Камень - гладко отшлифовано.
Камень - дадено сполна.
Камень - правда замурована.
Камень - ложь воплощена.

И никто здесь не отмаялся,
В этом сонмище могил,
И никто здесь не покаялся,
И никто здесь не простил.

Вскинув ветви полуголые,
Тихо стонут деревья,
И на каменные головы
Осыпается листва.

Камень, камень.

Он не сморщится,
Если, делая обход,
Полногрудая уборщица
Из брандспойта полоснет.

Брызги веером и в стороны,
И на землю там и тут.
И заплачут камни-вороны.
Камни-соколы взгрустнут.

Может быть, зевাকে праздному
Не додуматься вовек,
Что вода и та по-разному
Будет капать из-под век.

* * *

Петуший крик. Падучая звезда.
И над ручьем развесистая ива.
И ты греховна тем, что ты счастлива,
А под мосточком катится вода.

Глаза в глаза - и горе не беда,
И грех не грех. Прости ее,
Всевышний.
Она и я. А ты тут третий лишний.
А под мосточком катится вода.

Куда бежит, торопится куда?
А над землей рассветное брожение,
А в голове приятное кружение,
А под мосточком катится вода.

Уже росу не держит лебеда,
Уже заря таить себя не в силах.
Четыре локтя зябнут на перилах.
А под мосточком катится вода.

Любовь моя, была ли ты когда?
Иль о тебе мне ночь наговорила,
Наворожили шаткие перила?
А под мосточком катится вода.

К РОДИНЕ

Травинка моя всхожая,
Росинка моя Русь,
Чего же я, чего же я
Никак не разберусь?

И я живу затеями,
И я не без того.
Зачем мы просо сеяли?
Чтоб вытоптать его?

Копытами, копытами
Под гиканье и вой...
О чем ты, Русь, ракетами
Лопочешь над водой?

Исплаканы, измучены
Глаза мои в тоске,
Печальные уключины
Курлычут на реке.

Поклон отвешу низко я
До самой до земли:
- Сторонушка сибирская,
Прими и исцели!

Стою, дышу прокуренно
Под тенью у куста.
И мать глядит прищуренно
С могильного креста.

* * *

Еще береза густогрива,
Еще кадушка у крыльца
Стоит с водою для полива,
В воде огрызок огурца.

Еще бушует в огороде
Сплошная зелень, но уже
Не те стрекозы, да и вроде
Не та крапива на меже.

Поприглядись, и день-то вроде
Не так уж гаснет, как всегда...
На потемневшем небосводе
Легонько плещется звезда.

Ворота ветром распахнуло,
И петли ржавые скрипят,
А по лугам до Барнаула
Кусты ветловые шумят.

Я понимаю, понимаю,
И им не вечно зеленеть,
Но где-то сердцем принимаю
Я эту истину на треть.

Мне так охота, так охота
Поверить в то, что никогда
Не отскрипят мои ворота,
Не упадет моя звезда.

* * *

Лошади протопали.
Трактор отчихал.
За прудом на тополе
Месяц отдыхал.

Уточка прокрякала
Много раз подряд.
Крякала, как плакала, -
Кликала утят.

И затихла серая.
Небеса темны.
В них глядел я, веруя
В благо тишины.

У плеча, у темени
Вились комары.
Тишина - до времени,
Время - до поры.

* * *

Приходила в кофте яркой,
Стыли росы в лебеде.
Мы садились под бояркой
И еще не знаю где.

Дотемна с тобой сидели,
Выбирали по звезде,
Петухи за речкой пели
И еще не знаю где.

Мы с тобою целовались,
Хоть и знали: быть беде.
На губах следы остались
И еще не знаю где.

От дыханья суховея
Вянут всходы в борозде...
Весь осыпался в тебе я
И еще не знаю где...

ЦВЕТЫ

У меня в январе зацветает стена.
И к цветущей стене примерзает спина.

И опущены веки. И пар из ноздрей.
И метель трое суток поет у дверей.

Я сосульками-пальцами чуть шевелю.
Шевелю, будто струны какие ловлю.

Я ловлю эти струны и тихо пою:
«Заходи, белокрылая, в избу мою.

Заходи, потанцуем с тобой по избе,
И нарву я цветов, подарю их тебе.

А цветы на стене, как на горном лугу.
Я б открыл тебе двери,
да встать не могу...»

* * *

А у нас на Алтае кислица.
Ох, и кислая! Прямо беда.
Тропка, тропка. Следы от копытца,
А в следах голубая вода.

Нет посудыны - скину рубаху,
Насбираю кислицы в нее,

И с ладош темноглазую птаху
Покормлю, и спрошу про житье.

Ты в ладоши мне села сама ведь,
Так чего же ты, птаха, молчишь?
Где ты перышко бросишь на память?
За какое ты море летишь?

Погляди - уж пора листопада
В нашем тихом заречном краю!..
Ничего от тебя мне не надо,
Только выполни просьбу мою:

Воротись, когда вешняя птица
На гнездовья слетится сюда.
Тропка, тропка. Следы от копытца,
А в следах голубая вода.

БЛУДНЫЙ СЫН

Блудным сыном древнего сказанья,
Жертвою скитаний и дорог
Я пришел к тебе на покаянье,
Позабывтый всеми уголок.

И стою, как будто бы нездешний,
До кровинки здешний человек...
Улетели птицы из скворешни.
Скоро ночь. А ночью будет снег.

Игорь ПАНТЮХОВ (1937 - 2009)

БОРЬБА ЗА ЖИВУЧЕСТЬ

Когда в океане,
Теряя плавучесть,
Ослабнув,
Не слушает судно руля -
По зову
И без
На борьбу за живучесть
Бросается весь экипаж корабля.

Бросаются все -
От старпома до кока,

И тут уж, дружище,
Себя не жалея,
Поскольку при шторме,
Схватившем жестоко,
Увы,
Судовых не распишешь ролей.

Подпоры и плечи,
Системы и спины,
Сердца и моторы
Пускаются в ход.
Волна не страшна

И бессильны глубины,
Пока наяву
На плаву пароход.
На «вдруг» - не надейся,
На бога - не сетуй,
Кингстоны в душе
До упора закрой.
На суше любая борьба
После этой

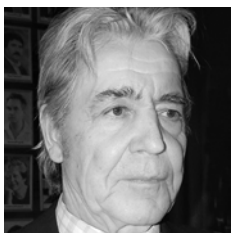
Покажется просто
Ребячьей игрой.
Однажды я сам
Испытал эту участь, -
Меня и потом не щадила судьба:
Кто вышел живым
Из борьбы за живучесть -
Воистину знает,
Что значит - борьба.

ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ

В этом нет ни сенсации
и ни новации, -
Это правило знает весь радиомир:
дважды в сутки молчат
корабельные рации,
дважды в сутки -
никто не выходит в эфир.
Пусть на судно валы беспощадно бросаются,
Пусть тараном в обшивку торосы стучат, -
Три минуты -
радисты ключей не касаются,
Три минуты,
в наушники впившись,
молчат,
чтоб услышать,
поймать: три тире и три точки,
И еще - три тире - безысходное «SOS»!
Говорят:
«Горе в море - не знает отсрочки...»
Значит - надо бежать,
хоть машины вразнос!
Хоть команда твоя
только сети поставила,
Хоть по курсу - циклон,
хоть корма - «в бороде»...
Есть на море
одно неперемное правило:
«Нет покоя нигде,
если люди - в беде!»
Только ты
можешь выдернуть их из отчаянья,
хоть туда и другие спешат корабли...
...Я бы ввел на земле
«Три минуты молчания»,
чтоб чужую беду
люди слышать могли.
Три минуты -
ни ссор,
ни речей,
ни ворчания.

Человек на земле -
что на судне матрос...

Тихо!
Замерли - все!
Три минуты молчания!..
Кто-то помощи просит -
вы слышите? -
«SOS»!

Дмитрий ШАРАБАРИН (1937)

ИЗОЛЬДА

Далекий путь нескор.
Мы шли из следа в след,
Где пики снежных гор
Впечатались в рассвет.

Обрывы - не дыши,
Не пожелай врагу.
«Изоolda, не спеши,
Дай руку - помогу».

Но снова, как вчера,
Я не услышал: «Да».
В пути и у костра
Изоolda - изо льда!

В лицо ударил снег
Взорвавшейся пурги.
Сказала тихо мне
Изоolda:
«Помоги».

Ах, горюшко мое! -
Горячая щека.
И я понес ее
По склону ледника.

Я нес ее вперед.
Закат на кручах гас,
И таял синий лед
Ее красивых глаз.

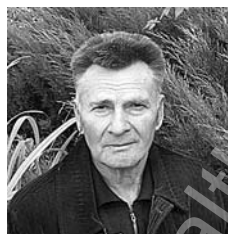
Георгий РЯБЧЕНКО (1937)

ЖИЗНЬ

Был распят на Десне -
Лоб пробит вместе с каскою -
Мой отец, чтоб во сне
Приходить маем ласковым.
Ветка в каплях свинца,
Как в слезах, тяжко свесилась.
Не дождавшись отца,
Мама с ним все же встретилась.

Мама - в курской земле,
А отец - на Смоленщине.
Но спешит он во мгле
К разъединственной женщине.
И седого виска
Прядь седая касается.
Замирает строка -
Жизнь во мне
продолжается.

Владимир КОСАРЕЦКИЙ (1937)**ЗВУЧАНИЕ ТИШИНЫ**

Звучанье тишины,
Бессонниц вереница,
И в комнате, как сны,
Плывут покойных лица.
Вот папино лицо,
Вслед мамино проходит.
Вот скрипнуло крыльцо,
И старший брат заходит.

И ветхий пол скрипит,
Зашевелилось кресло,
И самовар сопит -
Все мертвое воскресло.
Ты примешься ворчать,
Галиматью, мол, пишешь:
«Как может тишь звучать?»
А поживешь -
услышишь...

Николай ЧЕРКАСОВ (1938 - 1993)**МИЛАЯ РОДИНА**

Милая родина - поле да речка,
сплетни сорочки, черемухи цвет,
по вечерам на тесовом крыльце
древних старух постоянный совет.

В рощах березовых летняя дрема,
травы укосные тропок обочь,
из-за ограды притихшего дома
трактор глазееет в безлунную ночь.

Не поддающийся водопроводу,
за огородом стоит журавель.
Милая родина, ты мне, как воздух
в полдень июльский и в злую метель.

Только не часто мы вместе бываем.
Больше одна ты. Я тоже один.
Утро меня поднимает не лаем,
не петухами, а гудом машин.

Видно, не зря мне порой, как младенцу,
часто твердила покойная мать:

чтоб оценить то, что дорого сердцу,
надо однажды его потерять.

Я не винюсь, не вздыхаю истомно, -
модно сходить в покаяньи с ума, -
в том, что ушел я из отчего дома,
ты виновата немного сама.

Ты виновата, что утром веселым
мне рассказала (простая душа!)
то, что тропинки ведут на проселок,
ну, а проселок ведет на большак.

Вот и ушел я. Зачем? Неизвестно.
Маюсь и мучаюсь, словно больной.
Может, затем, чтобы новая песня
не обходила тебя стороной?!

Милая родина - стежки-дорожки,
в небе высоком стрижей канитель,
снова не сплю, жду -
вот-вот за окошком
хрипло окликнет меня коростель.

Ольга ГРИШКО (1939)

НИЧЕЙ

Через иссохший и ломкий ковыль
 Конь необъезженный мчится стрелою.
 Вьется за ним прокаленная пыль
 Желтой извилистою полосою.

Бьет он копытом о воздух тугой,
 Искры летят - сколько воли и мощи!
 Сопки обходят его стороной,
 Ветер тяжелую гриву полощет.

Взгляд насторожен - он пут избежал,
 Слышал змеиную песню аркана.
 Но веселились поимщики рано:
 Смерчем живым он загон разметал.

Вольный, свободный, как прежде - ничей!
 ... Может быть, только вон той кобылицы:
 Пена с боков опадет, он решится,
 И раболепно приблизится к ней.

СТРЕНОЖИЛ

Владеть душой моею? Вот чудак!
 Я и сама-то ею не владею.
 Живем мы далеко не мирно с нею:
 Рассорить может нас любой пустяк.

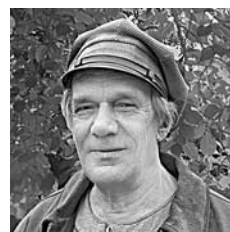
Она не раз влекла в огонь меня,
 Устраивала мне землетрясения,
 Окутывала тьмой средь бела дня,
 То в радость окунала, то в смятенье.

Она строптива, до сих пор ее
 Стреножить никому не удавалось.
 Несчастливым был бы тот, кому б досталось
 Земное наказание мое...

Слова иссякли, верный мой прием
 Сработать должен. Ты же, улыбнувшись,
 Разжал кулак - калачиком свернувшись,
 Душа смиренно почивала в нем.

МАМА!

Приезжаю к тебе на Родительский день
 Из другого теперь государства.
 Вот ведь выпал какой нам жестокий удел,
 Вот удумал нам кто-то мытарства!
 От вокзала с трудом, лишь на перекладных,
 Через город любимый когда-то,
 На погост, где и ты, среди многих родных,
 Прибываю теперь я по датам.
 Спрячу глубже на поезд обратный билет
 И шарфом заматаю простуду.
 Простою у могилы - скамеечки нет:
 Все уводят. И даже - отсюда.
 Промолчу, не пожалуюсь, не огорчу -
 Не добавлю с приездом печали,
 Догоревшую нежно задую свечу,
 И, как в детстве, поежусь плечами,
 Про себя повторяя нелегкий обет -
 Твою душу слезой не морочить.
 ...От твоей фотографии - благостный свет,
 А глаза твои вслед мироточат!

Василий НЕЧУНАЕВ (1939)**РЕШЕТОЧКА**

На окошке не сеть-паутиночка,
 Не узору морозной зимы.
 То моя самоделка-картиночка -
 Исторический символ тюрьмы.
 Надрывал я на митингах глоточку,
 Выбирать президентов ходил.
 Не с того ли за эту решеточку
 Сам себя у себя посадил?

За решетку, за двери чугунные,
 За четыре английских замка
 Посадил я себя, неразумного,
 Запечатал себя, дурака.
 Собачара-волчара сердитая
 Караулит меня - гав-гав-гав!
 Телевизор снабжает защитой
 Мировых человеческих прав.

Ах, права!
 Ах, свобода эротики!
 Королевы рекламы - шарман!
 Но, прошу вас, не надо экзотики
 Климатически развитых стран.
 Где вам знать, эротически
 грамотным,
 Юридически темным, что я
 Охраняюсь де-юре парламентом,
 А де-факто - в осаде ворья!

В полной правозащитной
 блокаде я,
 Отпрыск тоталитарного зла...
 Интермать,
 Супермать
 Демократия,
 До чего ж ты меня довела!

Владимир КАЗАКОВ (1939)

* * *

Владимиру Гречухину

Я свое отслужил давно.
Не вчера был зачислен в запас.
Только сердцу не все равно,
что и как говорят о нас.

Обо мне, о моих друзьях
и о времени нашем, когда
на семи известных морях
нам светила одна звезда.

Согревала одна мечта
быть достойными тех побед,

что отнюдь не за просто так
на морях оставляли след.

И сегодня мне помнится, как,
намотав сотни миль на винты,
посетив берега, на бак
приносили с собой...
цветы.

Не случайно и неспроста...
Чтобы с морем дружить
уметь,
мало знать корабельный устав -
надо сердце большое иметь.

Геннадий ПАНОВ (1942 - 1992)

* * *

Завари листом смородины
чай и утренней душой
сам поймешь: без малой родины
нет понятия «большой».

Без примет родимой улицы,
что растрогали до слез, -
дом Бакулиных ссутулился,
дом Поповых в землю врос.

Без старушки на завалинке
и ее славянских глаз,
что тебя знавали маленьким
и признали в этот раз.

Встану рано утром, гляну я -
оторваться не могу:
конь мухортый и буланая
кобылица на лугу.

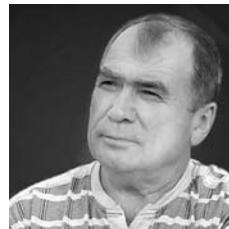
Четкий след копыта выбили
на отаве молодой.
Первый иней густо выбелил
две березы над водой.

А за этими березами -
копны розметью, стерня.
Изумительные озими.
Отчина.
Начало дня.

СКАЗ О МАСТЕРАХ РУССКИХ

Огонек в окне потух,
 темь сошла по сходням скользким.
 И олонецкий петух
 состязается с тобольским.
 Бабы-хвататы по ухватам,
 мужики - по топорам.
 Голь на выдумки богата,
 коль всем миром ставим храм!
 Лес отборный, вполобхвата
 тем под силу, кто не квел.
 Неспроста старик Курбатов
 сына Якова привел.
 Видно силушку медвежью -
 пусть левша и ряб с лица! -
 по всему правобережью
 нет достойней молодца.
 Брызжет яростно щепца,
 Яков бревна на попа
 подает на верхотуру,
 Не жалеючи пупа.
 Тихобаев Семка - раж:
 топором хватает краж.

Ловко рубит угол «в лапу»,
 подавай еще, уважь!
 А Григорьев Гришка - тот
 пота лишнего не льет:
 он окошко окосячит,
 будто песенку споет.
 Золотым смолевым духом
 дышит вся округа сплошь.
 Липнут взглядом молодухи
 к мужикам - не оторвешь!..
 На шатровый четверик
 ставлен дивный восьмерик,
 барабан резьбой украшен -
 тут потешился старик.
 И парила по-над Обью,
 звон творила и плыла
 сказка, коей нет подобья -
 солнечные купола.
 Мастер знал, касаясь неба,
 что живут впотьмах кроты,
 что никак нельзя без хлеба
 и нельзя без красоты!

Виктор БРЮХОВЕЦКИЙ (1945)

* * *

Это было давно. Я не помню - когда.
 Только помню - в реке отстоялась вода
 От разгула весны, и в осколок пруда
 Волоокой коровой смотрела звезда.

Ей-то что этот пруд? Не пойму, не пойму...
 И зачем это мне?.. Я накинул суму,
 И с порога - в овраг, а, вернее, во тьму,
 И - в огромную жизнь, как в большую тюрьму.

- Принимай, вертухай, да позорче следи!
 Вишь, с сумой, значит, хочет далеко идти...
 - Никуда не уйдет! Жуткий мрак впереди!
 - Но ведь прямо идет! Может, свечка в груди?..

И скрутили меня. Я хриплю и мычу.
 Отворили ребро и забрали свечу.

Но... явилась звезда! Я иду по лучу
И над тем вертухаем не зло хохочу.

Он-то думает: я - без свечи, как с бедой.
Он-то думает: я - за питьем и едой.
И не знает чудак, что иду за звездой
В ту страну, где есть реки с живою водой.

* * *

И как только зажжется огонь на столе,
И береза с ольхою займутся в печи,
И вечерний состав загрохочет во мгле
С фонарем в голове наподобье свечи -

Мы с тобою простимся... Ну что ж, уходи.
Я с тебя твои клятвы, как цепи, сниму.
У тебя еще вечность, дружок, впереди,
У меня же - известно лишь мне одному.

Вот и колокол бьет. Не вини и прощай!
Пей из дальних колодцев, там влага сладка,
И меня вспоминать ты мне не обещай,
Я-то знаю, как память у нас коротка.

Жизнь длиннее, чем волос, и память, увы,
С каждым годом грубей; так у комля кора
То и помнит - что небо да звуки пилы,
И не дальше, чем то, что случилось вчера.

08.09.1380

Наберем в шелома живой воды,
Окропим оружие, жажду снимем.
На Руси моей тридцать три беды,
И одну из них мы сейчас осилим...
То не шум, не грай, не заря встает,
Не трава блестит - копыя светятся.
Но уже пошел Пересвет вперед -
Умереть Александру не терпится.
И Темир-мурза в эту ночь не спит:
Про монаха все вызнать хочется...
А у дальних веж коростель скрипит,
А у ближних веж сабли точатся.
...И сошлись они посреди бугра:
Кудри черные - с русым волосом!
Прохрипел мурза: «Хороша игра...»
Подтвердил монах: «Пахнет космосом...»
На две стороны разлеглись тела!
Слава мертвому да увечному!
И Победа наша с небес сошла,
Но на поле пришла только к вечеру.

ПАМЯТИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Вот и снова пурга завела карусель,
Развернула под окнами белую скуку.
Это Павел Васильев стреляет гусей,
Сквозь решетку просунув двустольную штуку.

И валит белый пух, над страной гогоча,
А в подвалах Лубянки ни капельки света.
И озноб сотрясает плечо палача.
И оглохла Москва от казачьих дуплетов.

Ой, земляк, сколько выбил из птицы пера!
Ой, земляк, так стреляют лишь перед бедою...
Наберу полный чан голубого добра,
Растоплю и омоюсь небесной водою:

Отомрут все печали, пахнет полынем,
И на гнутых ногах казаны возле стаяк
Развернут животы над кизячным огнем,
И татарской луною сестренка босая

Станет дуть на угли, на колени припав,
И забулькает варево - пшенка с картошкой.
Ах, как вкусен кулеш с горьким запахом трав
И печеной на углях пшеничной лепешкой.

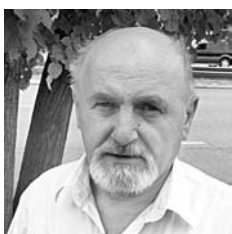
И добротной овчиной туман от реки
Наползет, и в ночное отправятся кони,
И в посконных рубахах замрут мужики,
Уронив на колени большие ладони...

Где ты, эта страна? Затерялась в веках.
Саманы, таганы, запах пала и каши,
И тяжелая доля в тяжелых руках,
И побитые холками задницы наши...

Бей, Павлуха! Пали! Пусть валит белый пух!
Коль не дали допеть, дайте здесь насладиться...
Пролетит над страной красноклювая птица,
Но напрасно замрет в ожидании слух.

Не допел... Вороной у далекой юрты
Не дождетя хозяина. Вымерло поле.
Горькой солью, проклятою горькою солью,
Забивали не только кайсацкие рты.

Я смотрю за окно. Я живу сам не свой.
Эх, Россия-кошовка, ну, что ж ты, ей-богу,
Вновь летишь над обрывом... убит ездовой...
Вороной без вожжей не осилит дорогу.

Владимир БАШУНОВ (1946 - 2005)

ДЕТСКАЯ РАДОСТЬ

Что ты сегодня молчишь и невесел?
 Не угадаю причин по лицу.
 Слышишь?
 Бубенчики ландыш развесил.
 Слышишь?
 Кукушка летает в лесу.

Как ни морочит нас, как ни колдует
 сила нечистая - все нас хранит
 детская радость: кукушка кукует!
 Детская радость: бубенчик звенит!

Знаю и я в себе темные токи,
 этот болезненный выход тоски.
 Опережая привычные сроки,
 время прижгло и сдавило виски.

Снег полетит или ветер задует -
 май переможет!
 И нас охранит
 детская радость: кукушка кукует!
 Детская радость: бубенчик звенит!

ЗНАМЕНКА

Место рождения: пос. Знаменка...
 Запись в паспорте

Окошко тесиной забито
 и плесенью зацвело.
 Но имя еще не забыто,
 каким называлось село.

Еще и ручей напевает,
 хоть сильно травую зарос.
 Еще и народ здесь бывает
 в горячую пору - в покос.

Еще вспоминают:
 когда-то
 стояли (да, знать, не судьба)
 вот здесь - чепурнаева хата,
 а там - башунова изба.

Где нынче лютует крапива,
 означа границы жилья,
 виднеется сиротливо
 тележная колея.

Да в росном белеющем дыме
 к малиннику тянется след.
 Да в паспорте значится имя
 поселка,
 которого нет.

* * *

Завидная доля черемух -
 завянуть и снова зацвести.
 Во всем на земле очередность,
 всему повторение есть.

А мне повторенья не будет.
 За краем ослепшего дня
 и ливень меня не разбудит,
 и лес позабудет меня.

Земля станет темной, оплывшей.
 Но каждую клеткой своей,
 не сдавшейся,
 не остывшей,
 я все буду помнить о ней!

* * *

Я еще не боюсь запалиться,
 не под гору, а в гору иду.
 И одежду,
 когда запылится,
 отряхну легко на ходу.
 Я еще не забыл, как о полночь
 раскрывает легонько окно
 лунный свет,
 точно первая помощь,
 когда в мире и в сердце темно.
 Я еще различаю и слышу,
 чуть гроза обоймет небосвод,
 как птенец,
 забиваясь под крышу,
 то ли мать, то ли Бога зовет.

* * *

И вылетит из лесу птица,
и в речке ведро плеснет,
и кто-то попросит напиться,
и кто-то воды поднесет.

В апреле, в капели, в июне,
в дожде несусветном, в зиме...
Как жаль, что кончается юность
на этой хорошей земле.

А все же во мне не убудет
волнения, заботы, имен.
Над утренней родиной будет
катиться малиновый звон.

И кто же нас гонит, ей-богу,
зачем так недолго гостим?
Прощай!
Одари на дорогу
несмелым подарком своим.

Хвоинкой,
копытным ли следом,
перо ли на счастье оставь.
Тревожным и праздничным светом
сиять мою память заставь.

Гордиться тобою,
склониться
на горький родимый порог.
...И вылетит из лесу птица,
и наземь уронит перо.

КУЗНИЦА

На бугре, чуть пройдешь огорода,
в стороне и вблизи от села,
помню я, в недалекие годы
прокопченная кузня была.

Молот бьет, молоточек колотит,
наковальня дрожит и гудит...
Всяк услышит, свой шаг окоротит,
постоит да вокруг поглядит.

А вокруг,
расходясь и свиваясь,
ниспадая до синей реки,
копошится веселая завязь,
то дымки промелькнут, то платки.

Может, век мимоходом загубит
обжитое народом село -

разве русское сердце забудет,
из какой красоты проросло.

Молот бьет, молоточек играет,
веет жар золотой от углей...
Звук летит - и, вздохнув, замирает
далеко-далеко среди полей.

* * *

Я люблю эту странную область,
этот мир полуснов, полугрез,
где на всем еще светится отблеск
твоей жизни - улыбок и слез.

Мне иной не осталось отрады:
мне заказаны встречи вовне.
Возле крашеной синей ограды
пресекается голос во мне.

Хорошо здесь. Никто нас не слышит.
Я с тобой говорю полувслух.
Отблеск твой мою память колышет,
реет близко невидимый дух.

Сосны тихим баюкают шумом.
Льется пения тонкая нить.
Нет конца моим грезам и думам,
нет желанья из них выходить.

РОДНЯ

Я хотел бы пожить незаметно
и неслышно - как дышит трава,
ходит сон, или в думке заветной,
словно в дымке, плывет голова.

Я хотел бы, чтоб время и место
не совпали в глубинах числа,
и нездешняя женщина - Веста
мимо окон огонь пронесла.

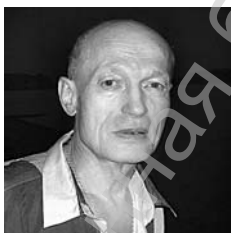
И следя это чистое пламя,
и любуясь походкой ее,
я бы вспомнил, какое за нами,
не смолкая шумит бытие.

И какая громада народа
неотступно идет по пятам,
что в себе схоронила природа,
расселив по укромным местам.

И сознав себя кровною частью
столь обширной, столь славной родни,
я б расслышал в себе их участие,
как мое в них, должно быть, они.

РАДОНИЦА

Опустишься в сон, как в глубокую воду,
и там, в глубине,
пройдешь по любимому сердцем народу -
друзьям и родне.
По тем, с кем уже не увидишься въяве
ни нынче, ни впредь.
Ах, кто не мечтал не в болезни, а в славе
легко умереть.
Но что перед жизнью пустые мечтанья!
Как огненный смерч
приносит с собою испуг и страданье,
так ранняя смерть.
И я не хочу никакого загада -
не стоит гроша,
ведь муку чужого предсмертного взгляда
узнала душа.
И я не хочу, точно птица, попасться
в силки, как в беду.
И в день поминальный, девятый по Пасхе,
я вновь к ним приду.
И вновь я услышу, как дышат могилы,
пресилив тиски,
остатком еще неистраченной силы,
любви и тоски.
И вновь я увижу, как светел и тонок
небесный оклад.
И женщина плачет. И прячет ребенок
взрослеющий взгляд.

Владимир КОРЖОВ (1947)

* * *

- Не спи, сынок мой, на закате солнца -
К болезни это или на беду...
Послушай, мама, помнишь, у оконца
Морозные узоры, как слюду,
Я гладил пальцами, но таяли они
И утекали, утекали дни...
...Свинцовый блеск холодного стекла.
Нет мамы. Нет любимой. Нет тепла.

Станислав ЯНЕНКО (1947 - 1990)

* * *

Та девочка, чужа и незнакома,
не замечая рыцаря во мне,
жила всего через четыре дома
от нашего, по правой стороне.
Откуда уж приехала - не знаю.
Сухие ветры плыли над землей.
Она совсем не подружилась с нами
и даже не здоровалась со мной.
Как было все значительно и странно.
Как бант ее над улицей парил!..

Цвела сирень назойливо и пряно,
которую я ей не подарил.
Куда она уехала - не помню.
Когда она уехала - не знал.
Остались от нее сирень
и полдень,
зеленый дождь и радуги овал.
Как нынче осень яростно пылала!
Какая синь над осенью плыла!
И ничего как будто не бывало.
И только эта девочка была.

Иван ЖДАНОВ (1948)

* * *

Когда неясен грех, дороже нет вины -
и звезды смотрят вверх и снизу не видны.
Они глядят со стороны на нас, когда мы в страхе,
верней, глядят на этот страх, не видя наших лиц.
Им все равно, идет ли снег нагим или в рубахе,
трещат ли сучья без огня, летит полет без птиц.
Им все равно, им наплевать, в каком предметы виде.
Они глядят со стороны, колющий сея свет,
и он проходит полость рук, разомкнутых в обиде,
и возвращается назад, но звезд на месте нет.
Они повернуты спиной, их не увидишь снизу.
И кто - скажите мне - хоть раз подняться выше смог,
чтобы увидеть, как течет не отсвет по карнизу,
не тень ручная по стене, а вне лица упрек?
Как эти звезды приручить, известно только Богу.
Как боль неясную унять, понятно только им.
Как в сердце черном возродить любовь или тревогу?
Молчат. И, как перед собой, пред небом мы стоим.
И снег проходит нагишом, невидим и неслышим,
и продолжается полет давно умерших птиц,
и, заменяя звездный свет, упрек плывет по крышам,
и я не чувствую тебя, и страх живет вне лиц.

* * *

Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий
и гонит по стеклу безмолвный шум травы,
и млечные стволы хрипят в его пожаре,
на прорези пустот накладывая швы.
Мороз в конце зимы берет немую спицу
и чертит на стекле окошка моего:
то выведет перо, но не покажет птицу,
то нарисует мех и больше ничего.
Что делать нам в стране, лишенной суесловья?
По несколько веков там длится взмах ветвей.
Мы смотрим сквозь себя, дыша его любовью,
и кормим с рук своих его немых зверей.
Мы входим в этот мир, не прогибая воду,
горящие огни, как стебли, разводя.
Там звезды, как ручьи, текут по небосводу
и тянется сквозь лед голодный гул дождя.
Пока слова и смех в беспечном разговоре -
лишь повод для него, пока мы учим снег
падению с облаков, пока в древесном хоре,
как лед, звенят шмели, пока вся жизнь навек
вдруг входит в этот миг неведомой тоскою,
и некуда идти, - что делать нам в плену
морозной тишины и в том глухом покое
безветренных лесов, клонящихся ко сну?

ДО СЛОВА

Ты - сцена и актер в пустующем театре.
Ты занавес сорвешь, разыгрывая быт,
и пьяная тоска, горящая, как натрий,
в крошечной темноте по залу пролетит.
Тряпичные сады задушены плодами,
когда твою гортань перегибает речь,
и жестяной погром тебя возносит в драме
высвечивать углы, разбойничать и жечь.
Но утлые гробы незаселенных кресел
не дрогнут, не вздохнут, не хрястнут пополам,
не двинутся туда, где ты опять развесил
крапленый кавардак, побитый молью хлам.
И вот уже партер перерастает в гору,
подножием своим полсцены обхватив,
и, с этой немотой поддерживая ссору,
свой вечный монолог ты катишь, как Сизиф.
Ты - соловьиный свист, летящий рикшетом.
Как будто кто-то спит и видит этот сон,
где ты живешь один, не ведая при этом,
что день за днем ты ждешь, когда проснется он.
И тень твоя пошла по городу нагая
цветочниц ублажать, размешивать гульбу.

Ей некогда скучать, она совсем другая,
 ей не с чего дудеть с тобой в одну трубу.
 И птица, и полет в ней слиты воедино,
 там свадьбами гудят и лед, и холода,
 там ждут отец и мать к себе немого сына,
 а он глядит в окно и смотрит в никуда.
 Но где-то в стороне от взгляда ледяного,
 свивая в смерч твою горчичную тюрьму,
 рождается впотьмах само собою слово
 и тянется к тебе, и ты идешь к нему.
 Ты падаешь, как степь, изъеденная зноем,
 и всадники толпой соскакивают с туч,
 и свежестью разят пространство раздвижное,
 и крылья берегов обхватывают луч.
 О, дайте только крест! И я вздохну от боли,
 и продолжая дно, и берега креня.
 Я брошу балаган - и там, в открытом поле...
 Но кто-то видит сон, и сон длинней меня.

Людмила КОЗЛОВА (1948)

* * *

Когда-нибудь
 Мы встретимся с тобой,
 Неравные
 По возрасту и силе.
 Иных времен
 Безжалостный прибой,
 Жестокий царь -
 Безумный рок слепой,
 Мои черты
 Так сильно изменили.
 А ты навек остался молодым -
 В начале дней,
 Мой мальчик синеглазый.
 Земного зла
 Зеркальные ряды,
 Озера мертвой, каменной воды
 Твоей души
 Не тронули ни разу.
 Узнать меня
 Сумеешь ли, мой друг,
 Или пройдешь, не узнавая, мимо?

Знакомое движенье
 Милых рук,
 Любимый взгляд...
 Ужель замкнется круг?
 Но длится, не кончаясь
 Пантомима.

* * *

Такая тишь - оранжевая, злая.
 С пустынных крыш
 стартует дым столбом.
 И ничего о жизни я не знаю,
 хотя живу. Но разве дело в том?
 Слоеный луч вечернего светила
 с далеких круч протянется к плечу.
 Мне это наваждение претило,
 и время ни секунды не скостило,
 но я всегда ходила по лучу.
 Погаснет луч, я падаю и плачу,
 а, может быть, не плачу, а смеюсь.
 Сегодня я надеюсь на Удачу.
 Сегодня я уже не разобьюсь.

* * *

Не знаю я -
 быть может,
 жизни нет.
 Есть желтый бред
 весеннего заката,
 звериный след
 вдоль насыпи покатою
 да ветер, ветер
 страшных волчьих лет.
 Завыть, упасть и плакать
 до утра,
 и вздрагивать
 от собственных
 рыданий.

Борис КАПУСТИН (1948 - 1996)

* * *

Лето в яблочном саду.
 Яблочная ночь.
 Шепчет вкрадчиво арык.
 Пес скулит во сне.
 Это - Азия. И ночь -
 азиева дочь,
 мягкой лапой шевелит
 шторы на окне.
 Это - Азия. И ночь
 в яблочном саду
 не томительно-нежна,
 а глухим-черна.

* * *

Той ночью диковинной, неповторимой
 дождь бился и плакал в невидимых ветках,
 и запахи мчались стремительно мимо -
 разбуженных трав, перегноя и ветра.
 На жухлой соломе мы рядом лежали
 и слушали ошеломленно спросонок,
 как почва, и роща, и воздух дрожали,
 как в кроне захлебывался воробьинок.
 А ветки глушили и прятали воду,
 лишь редкая капля до нас долетала
 и гулко, сродни перезревшему плоду,
 роднилась с землей, на губах трепетала.

Давно уже,
 давно пришла пора
 для сбора дани.
 Ответят мне, отверженной, они
 за каждый час,
 за каждый миг скитаний,
 за все нечеловеческие дни.
 Пришла пора для сбора дани.
 Завыть, упасть
 и плакать до утра,
 себя воображая человеком.
 Давно уже,
 давно пришла пора
 мне расквитаться
 с выморочным веком.

Старый пес скулит
 во сне.
 Ночь в чаду, в бреду.
 Но безмолвье. Тишина
 выпита до дня.
 Полный глиняный сосуд
 разобьет вот-вот
 хриплый, яростный, живой
 голос петуха.
 Тянет яблоко к земле.
 Скоро упадет.
 Стук. Сияние. Рассвет
 первого греха.

Когда ж, наконец, как должно было статься,
двужильные струи защиту прорвали,
мы знали уже, что нам поздно спастись.
... А впрочем, мы это давно уже знали.

Иван МОРДОВИН (1948)

ИВА

Красные цветы мои...
Н. Рубцов

Снегом засыпано лето,
Зреют в снегу снегири.
Ива над речкой согрета
Светом недолгой зари.

Милая, время прощаться,
Знаешь об этом и ты...
Верю, что к нам
возвратятся
Красного лета цветы.

Каждым денечком пригожим
Будем с тобой дорожить!
Милая, верю, мы сможем
Холод зимы пережить.

* * *

Нехорошие снятся сны,
Кровь и деньги, погони, пожары.
Веки вспухшие напряжены,
Пальцы до побеления сжаты.
Не пойму - за какие грехи
Надвигается злая расплата.
Боже праведный, помоги!
Моя совесть пред кем виновата?

Надежда БАЛАКИРЕВА (1951 - 2012)

НА РОДИНЕ

Нехитрое дело - выжить,
В чужие окошки смотреть.
Обидно не видеть Парижа,
Страшней - на чужбине стареть.
Поняв, что не хлебом единым
Ты жив, -
Захлебнешься бедой:
Отечества гибельным дымом,
В озерах заморной водой.
В краю, где пустые деревни
Сдаются на милость лесам,
Где в крыши врастают деревья,
Ничто не прощается нам.

В заросших могилах погоста
Не сыщешь поверженный
крест.

Трава человеческого роста -
Забвение памятных мест.
И трактором сжеван проселок,
Хранивший родные следы,
И путь возвращения долог
По этим ухабам беды.
А озеро в старую пристань
Толкается серой волной
И смотрит печально

и мглисто -
Как будто ребенок больной.

Сотни лет для разлуки (ты помнишь?) нам были даны,
 Мы искали в других и любили малейшее сходство.
 Но порой подступало неясное чувство вины,
 И сводило с ума нестерпимое чувство сиротства.
 Вот и жизнь пролетела, промчалась, иль как там еще?..
 И опять не открылось ни смысла ее, ни значенья.
 И кому предъявить этот давний, мучительный счет?
 ...Я хочу перемен.
 Я попробую против течения.

Сергей КЛЮШНИКОВ (1955)

* * *

Каплепад. Отчаянье. Прохлада.
 Ночь неслышно дремлет за плечом.
 Ничего загадывать не надо,
 Умолять не надо ни о чем.
 Суть всегда закрыта мелочами.
 Через месяц или через час

Быть весне разбуженной грачами,
 А весна разбудит что-то в нас.
 Но пока и в этом есть отрада:
 Встать вдвоем у лунного окна
 И смотреть, как медленно по саду
 Голубая ходит тишина.

* * *

Славен порядок слов, да помутилась речь.
 И умирает суть. И пропадает статья.
 Я бы поднялся в рост, да приказали лечь.
 Я бы на землю лег, да не сумею встать.

Осень во мне цветет, вечная, как тоска.
 Осень к себе идет льдистым своим путем.
 А над моей страной сгрудились облака
 И перемешан снег с траурным злым дождем.

Сквозь непогодный чад как мне тебе помочь
 Мимо больных потерь, мимо слепых удач?
 А на четвертый день разом отменяют ночь.
 Хочешь - красиво пой, хочешь - красиво плачь.

Значит, причина есть без никаких причин
 Падать на скорость и - скоростью все попать.
 А за кольцом дорог сызнова я один,
 И одинокий стон надо в себе сдерживать.

Вот и начну опять прошлое ворошить,
 Чтобы грядущий век не призывать на суд.
 А без моих стихов разве тебе прожить
 Во избежанье бед, во избежанье смут?

Ольга КАЗАКОВЦЕВА (1955)

СВЕТ В ЗАЛЕ

Идти сознательно на боль,
но чтоб в финале,
в последней сцене, быть с тобой,
до света в зале.

И только вспыхнет в зале свет,
поклон и точка.
Как хорошо, что не букет,
а три цветочка
мне протянули две руки...

Спасибо, мальчик.
Зачем я плачу? Пустяки,
от счастья плачу.
Ведь это счастье - быть с тобой
хотя б в финале.
- А сколько длится Ваша боль?
- До света в зале.

Александр ЗУЕВ (1955)

МЕДВЕДИ

*Памяти Юрия Мингулова,
сваявшего двух медвежат на месте
27-й барнаульской школы*

На месте школы борются медведи,
А, может, медвежата, все равно.
С перил широкой лестницы поедем
С десятиком в кармане - на кино.
«Октябрь», «Первомайский» и «Россия»
Уже нам не прокрутят кинофильм,
Чтоб для души, и что мы попросили,
Какой им прок от нас - от простофильм...
Чего мы ждем, бродя у этих зданий
С потушенным зрачком пустых глазниц,

В плену воспоминаний и преданий
 И в поисках незабытых лиц...
 ... И нету лиц, и негде притулиться,
 И не с кем по душам поговорить.
 О, как же это время долго длится,
 В тугой клубок затягивая нить.
 И что ему - раздоры наши, ссоры,
 Что перед тем, что в сердце - пустота,
 Как преданные Унгерну - айсоры
 В безвременье исчезнем без следа,
 Как парка - колесо и карусели,
 Деревьев вековых дремучий лес,
 Травую прорастет среди расселин,
 Среди старых стен под куполом небес.

Ольга РОДИОНОВА (1959)

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Этот лес в моем окне -
 Темный лес, который вечен, -
 Каждый вечер, каждый вечер
 Приближается ко мне.

Я боюсь глядеть в окно:
 Жутко, сумрачно и голо.
 Здесь когда-то укололо
 Палец мне веретено.

Полосатая оса
 Заполняет медом соты.
 Спите, дети, ваши ссоры
 Раздражают небеса.

Спите, еж в гнезде куста,
 Погремушки, ложки, плоски,
 Спрячь скорей, улитка, рожки,
 Спрячь, красавица, уста.

Рыцарь, светел и лучист,
 Проезжает раз в столетье,
 Но ему совсем не светит
 То, что светится в ночи.

Отвернувшись навсегда
 От окна, где лес и шелест,
 Знаю я одна - пришелец
 Скоро явится сюда.

В сюртуке своем смешном,
 Непредсказанный,
 неожиданный, -
 Поцелует безымянный,
 Что пронзен веретеном.

И пойдет, легко шагая
 По траве и над травой:
 - До свиданья, дорогая,
 Я - Печальный
 Образ твой!..

И, когда в соседнем замке
 Образуется дитя,
 Праздно зеркальце вертя
 Я найду дитя глазами.

Люльку сладкую качну
 И скажу с улыбкой жуткой:
 «Спи, малютка, жди, малютка, -
 Срок придет веретену!»

* * *

Корсеты тем и хороши, что не дают осанке гнуться,
И можно в обморок упасть в любой ответственный момент.
Дыши, душа моя, дыши, не смей любовью захлебнуться,
Пусть этот мир играет власть, как музыкальный инструмент.

На нежных ямочках души тугой шнуровки отпечатки,
Упрятан краешек письма подальше от нескромных глаз.
Дыши, любовь моя, дыши, роняй растерянно перчатки, -
Пусть этот мир сойдет с ума и будет послан на Кавказ.

Мы все грешны, и ты греши, не забывая петь осанну,
Не забывая поднимать коней и чувства на дыбы.
Дыши, ма шер ами, дыши, держи балетную осанку,
Пусть этот мир тебя предаст - ты все равно его люби.

Живи на сущие гроши, люби внезапно и случайно,
Пусть нашу жизнь танцует тот, кто в ней не смыслит ни аза.
Дыши, мой ангелок, дыши, лишь об одном мечтая тайно -
Чтоб этот мир не отводил свои бесстыжие глаза.

* * *

Светляки поднимаются в небо из темной травы.
Пахнет жимолость, медная лампа играет луну.
А луна из ветвей наблюдает глазами совы
За цветеньем настурций - и, значит, я скоро усну.

Мне приснится луна, голова почтальона в окне,
Неожиданный шелест рассветного ливня в листе.
Неизвестный знакомец, встречаемый только во сне
И очерченный наспех в зачеркнутой третьей главе.

Он, конечно же, турок, - у турок такие зрачки.
В общем, странно, - брюнеты нисколько не мой идеал.
Прорастает настурция в ворохе из одеял,
В изголовье часы, под ресницами спят светлячки.

Бледно-желтый, лимонный, зеленый, лиловый дымок
Обещает мигрень, аритмию, кошачье нытье.
Нежный турок прекрасной любовью с утра занемог.
Голова почтальона надета в окне на копые.

Не болит голова у совы, у окна, у травы,
Не болит - у луны, у настурции, у светляка.
Наша жизнь коротка, дорогой, наша жизнь коротка...
И печальна, - сказал почтальон, не сносив головы.

Ольга ТАКМАКОВА (1963)**ВЫБОР**

Мне твердили не однажды:
хоть синица, да в руке!
Счастье лодочкой бумажной
уплывает по реке...

В речку камушки бросаю,
по воде идут круги.
Я никак не разгадаю,
кто друзья, а кто враги.

Берег правый и неправый -
на каком я берегу?
На любовь имею право,
а решиться - не могу.

Обвинять?
Иль повиниться
в сумасшествии своем?
Ты прости меня, синица,
я лечу за журавлем!

Константин ФИЛАТОВ (1963)**ЗАВТРА ПРИДЕТ НАШ ДЕНЬ**

Луч солнца ласкает небес лазурь,
Резвится лесной олень,
Но близится время вселенских бурь,
И завтра придет наш день.

У пристани замер речной буксир,
Цветет во дворах сирень,
Но колокол славы разбудит мир,
И завтра придет наш день.

Лиса залезает в свою нору,
В полях тонут свет и тень.
Но землю омоет роса к утру,
И завтра придет наш день.

Отчизна, смотри на своих сынов -
Детей городов, деревень!
Подходит к концу время грез и снов,
И завтра придет наш день.

Юлия НИФОНТОВА (1965)

* * *

- Bonjour! Bonjour! Comment ça va?*

Четыре поцелуя.
Безостановочно слова
Журчат, и в них тону я.

А здесь шампанское с утра,
И кофе даже на ночь,
И жизнь - не жизнь, а лишь игра.
Упертый русский завуч.

Я здесь чужая. Я не я.
В щеках, как после пыток,
Под кожей ползает змея,
От деланных улыбок.

А здесь отсутствует час пик,
В автобусах - свобода.
Париж похож на Мозамбик
От черного народа.

А здесь никак не разобрать
Когда зима и лето.
Поверь, не стоит умирать,
Увидев город этот.

* * *

Доверяли секреты сплетнице -
Старой пепельнице на столе.
И дымок сигаретный теплился
В серебряной ее золе.

На какие-то сны надеялись
И гадали на королей,
И любого, кого б ни встретили,
Объявляли судьбой своей.

Целовались на темной лестнице,
Выбегали на первый снег.
Тусклый свет молодого месяца
Принимали за фейерверк.

МАРТОВСКОЕ

Сердца стук да перестук трамваев,
Запах дерзкой, молодой беды,
С диким безрассудством самураев
В бой идут влюбленные коты.

По крови, как по ручьям весенним,
Бродит перезревшее вино.
Чья вина, что разомкнулись звенья?
Порвалось. Не сбылось. Не дано.

Но всегда все главное случилось
Только чудом, только вопреки,
Господи, прошу такую малость -
Каждый день касаться той руки!

Невтерпеж рукам, губам, глазам уж.
Дни и ночи - стрелы с тетивой.
Господи, ну выдай меня замуж!
Выдай меня замуж за НЕГО!

* * *

Лунный глаз, угольком в копоты,
Не мигая, совсем остыл.
Хоть бы Ты был, Господи!
Господи, хоть бы Ты был!

В небо черное - черное с проседью
Будто в ухо Тебе кричу:
«Верить хочу, Господи,
Верить Тебе хочу!»

Вместе бы нам на погост идти,
Простить бы кровную месть.
Только люби нас, Господи,
Таких, какие есть!

* Добрый день! Добрый день! Как дела?

Наталья НИКОЛЕНКОВА (1968)

* * *

Мы войдем в одну воду два раза,
Но не выйдем уже никогда.
Смерть - единственная зараза,
Жизнь - единственная беда.

Мы войдем в помутневшую реку,
И заметит старик с бородой:
- Человеком лечить человека -
Невозможно,
как воду - водой.

Валерия ИВАНОВА (1972)

* * *

Чудится мне или, может, снится -
За горизонтом в степной дали
В логове где-то сидит волчица,
Чутко вдыхая запах земли.

В сказки про оборотней не верю,
Но, отогнав мой сонный покой,
Властно и зло отчаянье зверя
Сердце сжимает волчьей тоской...

... Сквозь облака над степью полынной
Льется тускнеющий мутный свет.
Порохом, гарью, смертью звериной
Пахнет в траве человеческий след.

Серая шерсть под дождем промокла...
Там, далеко, чтоб увидеть нас,
Люди глядят в блестящие стекла -
Мало им матерью данных глаз.

Волк мой, ты сильный,
ты самый смелый,
Только они хитрее и злей -
В крестик того, что зовут прицелом,
Сердце поймают в груди твоей.

Нет, мы не выйдем,
чтоб стать мишенью,
Драться на равных пришел черед.
Пусть им запомнится приключение -
Тем, кто живыми нынче уйдет.

Прежде, чем чучелом стать в музее,
В драке испробуем желтый клык.
Хоть одному я вырвать успею
Пахнувший потом черный кадык.

Тает видение, тает, тает...
Снова в окне тополя и дождь.
Зверь мой, сейчас тебя убивают -
Больше меня ты не позовешь.

В двери стучатся? Сейчас открою -
Кто там гостей незваных прислал?
И не замечу, как сам собою
Губы раздвинет волчий оскал.

Кто б ни пришел в этот
хмурый вечер,
Вдруг ощутит безотчетный страх -
Нам непривычно видеть при встрече
Желтое пламя в людских глазах.

* * *

На деревянном мостике у края света...
Э. Верхарн

Маленький мостик у края света...
Помню, когда я о нем читала,
Все мне казалось, что мостик этот -
Наш деревянный мост над вокзалом.

Доски скрипучие да сторожка...
Здесь, на краю Степи и Алтая
Выгнулся он рассерженной кошкой
Перед чужим и дальним Китаем.

И за тоской полустанков сонных,
Тающих в дымке далекой где-то,
Знал о дорогах страны огромной
Маленький мостик у края света.

Только потом, для чьей-то забавы
Черту продав на ярмарке душу,
Мы увидали свою державу
На чурбаке разрубленной тушей.

И, как с прилавка, в руки чужие
Бросили, даже не дрогнув бровью,
Край наш - отрезанный край России,
Ломоть, сочащийся теплой кровью.

Хмелем дешевым на миг согрета,
Пляшет толпа под бесовский бубен.
Маленький мостик у края света -
Щепка в кровавом парном разрубе.

С маху топор - по нервам, по жилам -
Бешеным блеском свистящей стали,
Чтоб не срасталось, чтоб не сложилось,
Чтоб забывали да привыкали.

Чтобы, под ханской плеткою корчась,
Были безгласны и безответны,
Чтоб провожал уезжавших молча
Маленький мостик у края света.

Чертова ярмарка глушит визгом,
И на потеху швали кабацкой
Падают в грязь кровавые брызги -
Некому здесь ни плакать, ни драться -

В городе, рухнувшем на колени,
В городе, меченном черной метой,
Где застывает безликой тенью
Маленький мостик у края света.

Ю.П. ПЛЕСЛОВУ

*...не надо рая -
Дайте Родину мою...*

С. Есенин

В окруженье недобрых глаз,
На скрещеньях земных дорог
Знаем мы, как важно подчас
Пожелать: «Да хранит вас Бог!»

В наших снах шумят ковыли,
И встает кровавый рассвет.
Мы - поэты Русской земли,
И страшнее участи нет.

Мы - поэты бывшей страны,
Где народ толь спит, то ли пьет,
Той, где от войны до войны
И десятка лет не пройдет.

Той, где частая гостья - смерть,
Где дома по ночам горят,
Где разверзлась земная твердь
И палит из пропасти Ад.

Мы глядим, от бед и потерь
Онемевшие сжав уста,
Как терзает ревуший Зверь
Ту страну, что была свята.

А когда займется подол,
И земля уйдет из-под ног,
В миг паденья в огненный дол
Я скажу: «Да хранит вас Бог!»

13 ДЕКАБРЯ

Зима... Тринадцать - чертово число,
За окнами - морозный звонкий вечер,
Узорами расписано стекло,
И в каплях воска - тающие свечи.

Всего лишь ночь до рокового дня,
Огонь в камине жарок и неистов,
А те, что собрались вокруг огня -
Они сейчас еще не декабристы.

Здесь все равны - поэт и генерал,
Улан, артиллерист и лейб-гвардеец...
Еще никто в петле не умирал
В отчаянье, на милость не надеясь.

Здесь тесный круг, где все давно
на «ты»,
И легкое вино в крови бунтует...

Еще никто не видывал Читы,
Не тосковал на гиблом Акатуе.

Как славно у камина в декабре,
И как тонки французские
остроты,
И под картечь в упрямое каре
Еще на площадь не выводят роты.

И лишь промерив кандалами даль,
Они поймут, пройдя сквозь
пол-России,

Что там, где правят Бог и Государь,
Вольтер с Дидро - наставники плохие,

Что свет Христов сияет на земле,
Где выпала им честь на свет родиться,
И тот, чей брат окончил жизнь в петле,
До смерти будет в этот день молиться.

Раскаянье и чуткая печаль
В сердцах у них останутся навеки,
И Пушкин умирая, скажет: «Жаль!»,
Смежая тяжелеющие веки.

Людмила СВИРСКАЯ (1972)

ИСПОВЕДЬ

В Праге, сытой и сытной
И вальяжно-раздольной,
Мне мучительно стыдно
Оттого, что не больно:
Стали беды чужими,
Как морские приливы...
В полусонном режиме
Существую трусливо.

Европейская манна -
Вместо снега и града.
Стыдно,
Страшно
И странно

Оттого, что не надо
Ни бестрепетной дали,
Ни святого бессилья,
Чтоб сначала - распяли,
А потом - воскресили.

Затихают мелея,
Прежде бурные реки.
Не зову, не жалею
Ни сейчас, ни вовеки...
На излучине лета
Боль на миг задержала:
Ведь спокойствие - это
Просто подлость,
пожалуй.

* * *

Плюс пять часов - день словно выпит залпом.
В насмешку мне - плюс десять за бортом
В конце июля. Я врываюсь в «завтра»...
А, может, во «вчера»? Потом, потом -
Линялый свитер, чай (иль что покрепче?),
Полночный смех - начинкой к пирогу,
Блаженное раздолье русской речи,
К которому привыкнуть не могу...

Есть до меня опять кому-то дело,
А мне - до всех! Я здесь во всем права!
Как сладко вдруг в душе зашелестела
Забывших прозвищ палая листва!

Ольга СКВОРЦОВА (1974)

* * *

Я торопилась, злилась, раздражалась,
 Но все-таки успела на бегу
 Залюбоваться точечным пожаром
 Пылающей рябины на снегу.
 Январь кружил поземкою рассветной.
 По гололеду к дому добрела.
 И сохранила от порывов ветра
 Горсть ягод, словно памятку тепла.
 Теперь уже наверно не застыну.
 Гляжу в окно. До неба далеко,
 Где солнце, словно капелька рябины,
 Краснеет сквозь сугробы облаков.

Елена БЕЗРУКОВА (1976)

* * *

Я просыпаюсь. Я схожу с ума.
 Ночь так напряжена - шепни, и - рухнет.
 И остро дышит первая зима
 В открытой наспех форточке на кухне.
 Горячим взглядом по двору скольжу,
 Снег выпавший слезами прорезая,
 И что-то важное до боли зная,
 Ищу слова - и слов не нахожу.
 Что означают снега мотыльки
 И тишина, отточенная снегом? -
 Что жизнь и смерть
     (хоть та и ходит следом),
 Что жизнь и смерть - безумно далеки.
 Расстанемся, состаримся, умрем,
 И в паузе замрет как будто нота.
 Но вдруг проснется и заметит кто-то,
 Как остро пахнет снежным октябрём!..
 А снег смотреть - что колыбель качать.
 Какие в этом счастье и кручина.
 Но мне не стыдно плакать беспричинно.
 И жить, а это значит - ощущать...

* * *

Как хорошо, когда
 Выше домов деревья,
 Пахнет сирень в руках
 Сладким тягучим сном.

Будет столь долгий свет,
 Сколько смогу смотреть я,
 Будет столь долгий день,
 Сколько ты будешь в нем.

Крыши больничных стен
 Сумрачны и покаты,
 Птичий очерчен гвалт
 Контурами двора.

Вот и пора тебе
 Между домов куда-то
 С долгой тоской в глазах,
 С брошенным вскользь

«Пора...»

Татьяна БАЙМУНДУЗОВА (1977)

* * *

Я больше не могу смотреть в окно.
 Там нищета и мертвая собака,
 Рекламные щиты и казино,
 И день весенний, гибнущий от рака
 Своих тяжелых легких. Мне легко
 Найти предлог для гибели вне срока.
 Второй этаж. Окно не высоко.
 Но я еще в том возрасте высоком!
 Мне двадцать лет! А птицы по двору
 Метут остатки прошлогодней хвори.
 И я сегодня утром не умру,
 А кто-нибудь, кто пьян и подзаборен,
 И одинок, наверно, как и я.
 А впрочем, знает кто об одиноком?
 Причина есть для гибели меня.
 Но я еще в том возрасте высоком...

Антон РОДИОНОВ (1983)

* * *

Н.С. Гумилеву

Далеко-далеко, где огненный мечется бык,
 Где эхо от СЛОВА плывет над песками Сахары,
 Где девушка перстень роняет в чудесный родник,
 Где песни зурны, а не звуки фальшивой гитары,

Где юный колдун, оправляя пурпурный хитон,
 Царице бросает рубины любовных признаний,
 Где смерти желает всезнающий спящий Дракон,
 Где Гондла рыдает, томясь от любовных терзаний.

В тот мир Вы шагнули, оставив стихи на столе.
 Туда Вы ушли, улыбнувшись расстрельному взводу,
 Там солнце сияет, Вас ждали на этой земле -
 На озере Чад Вы глядите на синюю воду.

Евгения КЛИНК (1987)

ПИСЬМО МЕНТОРА

Привет, Одиссей, я надеюсь, что это письмо
 Настигнет тебя посреди затянувшихся странствий.
 Бросай эти глупости, знаешь, уже не смешно,
 Давно ты - легенда на всем постстройканом пространстве.
 Я все понимаю - дух моря, т.д. и т.п.,
 Но ты, Хитроумный, ведь, право, уже не мальчишка.
 Зачем было лезть на рожон на потребу толпе?
 Гневить самого Посейдона - пожалуй, что слишком.
 Подумай о сыне, который растет без отца,
 И в доме твоём, что ни день, то раздоры и пьянки,
 Я видел на днях Пенелопу - на ней нет лица!
 Одной, говорят, не пристало жить честной гречанке.
 Ночами плетет, а к утру распускает ковер,
 Но ты ж понимаешь, что вечно не может так длиться,
 В копилке надежд остается последний узор
 Да призрачный шанс, что внезапно сломается спица.
 Ты должен услышать, что в песнях сирен - только вой,
 И лучше быть рядом, чем быть всем известным и смелым.
 За этим прощаюсь. Пусть резкий, но искренне твой.
 Друг Ментор. Ответа не нужно. Доказывай делом.

Александра МАЛЫГИНА (1987)

* * *

Я, кажется, пытаюсь повзрослеть,
 Моя ладонь вмещает больше снега,
 Чем это было пару дней назад.
 Стал глубже и увереннее взгляд,
 И голос, как скрипучая телега,
 Не позволяет больше громко петь.

Мои слова приобретают вес,
 Мои шаги слышны на расстоянья,
 И, для порядка, рядом кто-то есть...
 Любовь прошла, рассчитывать
 на мечь
 Бессмысленно, ведь я не в состоянья
 Питать к тебе хоть малый интерес.

Александр КУЗЬМИН

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ДВА ОКЕАНА

Заметки из дорожного блокнота

Дорога дальняя

Австралия... Известная по книгам, кино, телевизионным очеркам... В середине девяностых на исходе двадцатого века я получил приглашение двух старших сестер, которые около сорока лет назад оказались на шестом континенте, посетить Австралию. Признаюсь, сразу же охватило смятение: ехать или не ехать? Далеко, и английского не знаю... Но, все-таки полетел.

Путешествие началось из столичного аэропорта Шереметьево-2 девятнадцатого января в 23 часа 20 минут московского времени на самолете Аэрофлота А-310. Полет предстоял дальний, в довольно экзотическую страну. Можно себе представить волнение путешественников, когда объявили оформление документов и посадку на наш рейс. А тут еще одному из наших попутчиков подпортили настроение. Он в декларации указал, что везет с собой 15 тысяч рублей. Оказалось, что этого делать нельзя. С собой разрешено брать только две тысячи. Можно подумать, что за пределами России только и ждут как бы заполучить наши рубли. Абсурд конечно. Но таковы уже мы - без всевозможных запретов жить не можем. А вот при выезде из Австралии никто и не поинтересовался, сколько долларов путешественник везет с собой. По их понятиям - чем больше, тем лучше.

Миновав таможню, мы сдали багаж и прошли в зал ожидания, откуда пассажиры проходят в салон авиалайнера. Состав пассажиров оказался многонациональным. Были тут и арабы, и индейцы, и англичане, и китайцы, конечно, русские. Пассажиры в самолете размещаются в трех салонах. Самолет довольно вместительный. В каждом ряду установлено восемь кресел - по три у бортов и по два внутри между проходов. Старший бортпроводник сначала на русском языке, а затем на английском представил пассажирам состав экипажа, рассказал о маршруте, правилах полета, попросил пристегнуть ремни безопасности и подготовиться к взлету.

Первая посадка была в Объединенных Арабских Эмиратах (г. Дубае). Богатейшая (за счет продажи нефти) страна. Здесь прекрасный международный аэропорт, переполненные прилавки магазинов. Одно жаль, что стоянка непродолжительная. Часа через полтора наш аэробус взял курс на Сингапур. Здесь, говорят, самый лучший в мире аэропорт. Не берусь утверждать, так ли это, но светлое многоярусное, многосотметровое сооружение располагает всем необходимым, чтобы пассажир любой национальности, не знающий английского языка (в аэропортах Дубае, Сингапуре и Мельбурне и говорят, и производят оформление документов только на английском) не чувствовал себя потерянным. Многие служащие порта владеют и другими языками, в том числе и русским, хоть и не в совершенстве, но объясняются, и помочь оформить документы могут. Отношение к пассажирам весьма доброжелательное и

внимательное. Все четко, отлажено, все работает без перерывов на ужин, завтрак или обед. Сменяются только служащие. То же самое и в торговле. Все магазины, кафе и бары аэропорта работают круглые сутки. Нам это было в диковинку.

Переоформив документы, мы ступили на борт лайнера «Боинг-747» Австралийской авиакомпании «Кантас № 10». Самолет этот солиднее А-310. Оказавшись на его борту, мы почувствовали себя не в своей тарелке, так как теперь все объявляли только на английском языке. Хорошо еще, что рядом со мной в кресле оказался серб Вике Виков, с которым мы довольно свободно смогли объясняться на русском, а через него (так как он владеет английским) и с бортпроводником.

Через восемь с половиной часов полета (в шесть двадцать местного времени) наш самолет начал снижение, а затем приземлился в австралийском аэропорту Мельбурн. Таким образом, от Москвы до Мельбуерна только в воздухе мы находились 21 час. Здесь тоже довольно солидный и хорошо оборудованный аэровокзал, где начались обычные хлопоты по получению багажа, прохождению таможенного досмотра и оформлению документов. Занятые этим, мы не знали, что в зале ожидания нас уже видят приехавшие встречать родственники и друзья. Так начался первый день нашего пребывания на далекой австралийской земле.

Мельбурн

Мельбурн - город портовый. Находится он на юге Австралии и берега его омывают воды Бассова пролива. С запада от него плещут воды Тасманова моря. И еще одна особенность - здесь сходятся волны Индийского и Тихого океанов.

Мельбурн - это город-сад с трехмиллионным населением. Поражает чистота улиц, обилие магазинов и многонациональный состав населения. Там можно побывать в Китае, Италии, Греции, потому что целые кварталы занимают колонии населения этих стран, их магазины, кафе и рестораны. Там вы можете отведать и их национальные блюда, послушать их музыку и песни, пообщаться (если кто может) на их языке.

Городского транспорта мало. Изредка, и то в самом центре, ходят одновангонные трамваи, автобусы, есть метро, вагоны которого большей частью идут над землей. А в основном там ездят на личных автомобилях. Если не имеешь своего автомобиля - не сможешь работать, так как расстояния довольно большие. Люди живут в основном в домах-коттеджах, следовательно, город занимает большую площадь, имеет большую протяженность дорог. К слову, дороги там в отличном состоянии, с многорядовым движением и довольно красочными указателями. Заблудиться невозможно, даже если вы здесь первый раз. Даже за городом на всем протяжении трассы на расстоянии трех-пяти километров находятся телефоны-автоматы для того, чтобы автомобилист, в случае необходимости, мог вызвать работника автосервиса. Машины водят практически все, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Женщины за рулем - в Австралии обычное явление. Там каждая семья имеет два-три, а то и пять автомобилей. Движение в этой стране левостороннее, и что меня поразило - там водитель за рулем может выпить пиво и даже виски. Но они знают меру. Больше, чем положено, не выпьют. За три месяца пребывания в Австралии, несмотря на изобилие спиртного в магазинах, я не видел ни одного пьяного.

Народ в Австралии очень религиозный. В городах много церквей православных, католических, азиатских. Люди разной веры научились уважать религию друг друга. В католическую Пасху, а она раньше нашей на неделю, люди православного вероисповедания в знак уважения тоже не работают и наоборот. И еще бросилось в глаза, что иногда на перекрестках можно встретить молодых мужчин и женщин со шкатулками, которые останавливают машины, и водители бросают деньги на благотворительные нужды. Это у них в порядке вещей и никто не задает никаких воп-

росов. Люди в Мельбурне, да и во всей Австралии, очень приветливые и доброжелательные. За все время я не видел и не слышал, чтобы кто-то на кого-то поднял голос, даже на работе. Очередей там нигде и никогда нет. Автозаправки, или как они их называют, «бензинки», буквально на каждом километре. На «бензинке» человек может не только заправить автомобиль, но и сам перекусить или выпить прохладительных напитков, купить сигарет, пополнить дорожный холодильник льдом, или подкачать ослабевшие шины, или подзарядить аккумулятор. Все сделано для удобства людей. Волокиты там не терпят, бумаг писать не любят, трудовых книжек и паспортов там нет. Прописки не существует. Работает человек или не работает, но когда подошел возраст: мужчины 65 лет, а женщины 60 - им государство назначает пенсию. Ее вполне хватает на проживание и даже отложить часть в банк. В многодетных семьях (4-5-6 детей) родители не работают, так как им хватает тех средств, которые государство выплачивает на содержание и воспитание детей. И не только хватает денег прожить, а даже отложить в банк на счет детей. В школу дети, как и у нас, начинают ходить с семи лет. Школы там разные - есть государственные, где дети учатся бесплатно, есть и приватные, то есть частные, где родители за обучение платят. Ради любопытства ходил я в такую приватную школу. Конечно, оснащена она на высшем уровне. Везде - и в классах, и в коридорах ковры. В учебных кабинетах компьютеры, в каждом классе две доски - одна черная, на которой пишут мелом и вторая белая, на которой пишут фломастерами. Парт нет, а есть столы и стульчики. Учебный год начинается в Австралии с первого февраля. Два раза в год бывают каникулы по две недели и два месяца длятся большие летние каникулы в декабре и январе. Дети учатся двенадцать лет, то есть двенадцать классов. Учителя в каникулы не работают, но зарплату получают. Средняя зарплата учителя - две с половиной тысячи австралийских долларов в месяц, то есть где-то 1750 американских долларов или в пределах пятидесяти двух тысяч наших сегодняшних рублей. Можете себе представить прожиточный уровень, если мясо стоит от пяти до десяти долларов за килограмм, яблоки от полутора до двух, а в конце дня фермер на маркете (рынке) за эти деньги может отдать ящик яблок, чтобы только не везти их обратно на ферму (австралийцы говорят: фарма и фармер).

Меня поразило появление вблизи школ на перекрестках городов утром и в середине дня людей, одетых в специальную униформу, со свистками и жезлом в руках. Оказывается, эти люди создают безопасность для перехода через проезжую часть улицы детей, идущих утром в школу, а в середине дня - из школы. Содержат этих людей муниципалитеты. Детей фермеров утром в школу, а днем из школы возят специальные автобусы (скулбас). Школы работают пять дней в неделю, а по субботам русские детишки ходят в церковную школу, где изучают русский язык. Занятия во всех школах проводятся только в одну смену, что удобно и детям, и учителям, и родителям.

Отношение к флоре и фауне

За время пребывания в Австралии мне удалось побывать в городах: Мельбурне с пригородом Данденонг (где в основном живут мои родственники и земляки) и Джелонг (с семьюдесятью тысячами населения и где, тоже довольно много русских людей, причем проживающих весьма компактно, так как город не очень велик), Балларате и Сиднее - самом крупном и по территории, и по количеству (где-то в пределах пяти миллионов человек) населения. Джелонг и Сидней, как и Мельбурн, имеют крупные морские порты, где нередко стоят и загружаются наши российские корабли. Расстояние между городами Мельбурн, Джелонг и Балларат невелико, в пределах 150-200 километров и немало людей из Джелонга ежедневно ездят на работу в Мельбурн или Балларат, так как расположен он между этими городами. От

Мельбурна до Сиднея тысяча километров. На всем протяжении автострады по обе стороны проезжей части - лесонасаждения и естественные выпаса или луга, а через определенное расстояние - усадьбы фермеров. Строения добротные, надворные постройки, навесы для хранения сена и техники. Каждый фермер имеет свой ветряк, который вырабатывает электроэнергию и качает воду. Есть на усадьбах фруктовые деревья. Это для души, а товарные фрукты и овощи выращивают специализирующиеся на этом фермеры. Причем стараются это сделать при минимальных затратах ручного труда. Но мне показалось, что в большинстве своем фермеры занимаются животноводством. Здесь затраты минимальные, так как скот и крупнорогатый (хотя скот у них черно-пестрый безрогий), и овцы практически пасутся самостоятельно. За все время я ни разу не видел, чтобы за стадом коров или отарой овец приглядывал человек. Выпаса все разбиты на клетки и огорожены проволокой, животные спокойно в них нагуливают жир. В каждой клетке вырыты водоемы для водопоя. А когда понадобится пригнать овец или коров к ферме, то эту работу выполняют специально подготовленные для этого собаки. Есть и немало в Австралии лошадей, но в упряжке их не используют, а только для верховых прогулок и скачек. Даже в городе можно увидеть человека, едущего верхом на лошади. К животным относятся доброжелательно. Но если человек держит во дворе собаку, но не имеет для нее соответственно оборудованной будки - он подвергается весьма значительному штрафу. Перевозка крупного рогатого скота, лошадей, свиней и овец в необорудованном транспорте, то есть без покрытия и защиты от ветра и дождя, в Австралии вообще запрещена. Фермеры продают откормленный скот на государственные или частные мясоперерабатывающие предприятия, или имеют свои шопы (магазины), где реализуют свежее разделанное мясо. Причем мясо разделяется до 100-процентной готовности, то есть купившей для супа, отбивных или поджарки - хозяйке не надо с ним возиться, оно уже готово для соответствующих целей.

И еще одна особенность существует в сельском хозяйстве Австралии - там сено заготавливают зимой, а скармливают (при необходимости) в засушливое лето. Дело в том, что зимой травостой бывает сочным и зеленым, так как в это время года больше выпадает осадков и меньше жарких дней. Лето же нередко в Австралии бывает засушливым и жарким, следовательно, травы на выпасах высыхают и тогда овцам и скоту на пастбища привозят в качестве подкормки сено, заготовленное ранее. Готовят его здесь почти так же, как у нас в России. Скошенную траву подбирает пресс-подборщик, который формирует массу в круглые тюки, таких же размеров, что и наши, и выбрасывают их на стерню. Но в отличие от нашей технологии - их тюки оказываются сверху обернутыми в пластик. Делается это для того, чтобы не промочило их дождем.

Зерновых же массивов за все время путешествия, а проехать пришлось не одну тысячу километров, я не встречал. По расспросам узнал, что зерноводством там занимаются на значительном удалении от городов и поселков в степи. Вблизи же городов, автострад и железных дорог, как я уже говорил, сплошной распашки земли нет. В редких случаях культивируются овощи и фрукты, зеленый горошек.

Экзотика Австралии

Зимы в Австралии, по нашим понятиям, нет. Как время года она есть, но таких морозов, как у нас, снега и метелей не бывает. Да и по календарю она с нашей зимой не совпадает, а даже наоборот, тогда, когда у нас самые долгие и теплые дни - в Австралии зима. Июнь, июль и август там относят к зимним месяцам; сентябрь, октябрь и ноябрь - к весенним; декабрь, январь и февраль - к летним, а март, апрель и май - к осенним. Нам с вами это может показаться абсурдным, но это так. Температура воздуха и погода, безусловно, в зависимости от времени года меняется, но это происходит так плавно, что не очень-то заметишь что происходит.

Прилетели мы в Австралию в разгар лета 21 января, но большой акклиматизации переносить не пришлось. В январе-феврале в Мельбурне, Данденонге, Джелонге и в Балларате плюсовая температура воздуха колебалась в пределах +22 - +30 градусов по Цельсию, а вот в городах, расположенных немного севернее, будем говорить ближе к экватору - Сиднее, Канберре, Брисбене и др. температура воздуха значительно выше, и в Брисбене - почти тропическая. Здесь в водоемах и крокодилы водятся.

Даже в летние месяцы температура в тех городах, где я преимущественно находился (Мельбурн и Джелонг) переносилась довольно легко, так как то лето в Австралии было дождливым (2 нормы осадков выпало), следовательно, небо часто было облачным и не так сильно палило солнце. Может быть, по этой причине на биче (так там называют морской пляж) мне удалось побывать считанное количество раз, и то был один случай, когда людей с пляжа разогнал дождь, причем один человек погиб на воде от грозы.

О пляже, наверное, надо сказать особо. Занимает он довольно протяженный участок отлогого песчаного берега, переходящего метрах в пятидесяти от воды в не очень густые заросли леса. Это создает определенные удобства. Люди располагаются в тени под кронами деревьев и при желании могут выйти на песок позагорать, погреться на солнышке и искупаться в море. Песчаная отмель довольно далеко уходит в море и, чтобы уровень воды достиг до груди, нужно идти метров на 50 от берега. Вода очень чистая и прозрачная. Для того чтобы окунуться в воду с головой не обязательно нырять, а достаточно подставить тело под волну и тебя накроет ею с головой. Вода довольно теплая и любители водных процедур не выходят на берег продолжительное время. Любители же солнечных ванн нежатся на горячем песочке. Но здесь не в воде долго находиться опасно, можно получить солнечный ожог. Зато, какая отрада в тени деревьев, на траве! Люди привозят с собой раскладные столики и сиденья, раскладушки и надувные матрацы, различную снедь, вплоть до полуфабрикатов, то есть заготовок для жарки мяса и шашлыка, благо, что это можно сделать без особых трудов, так как к вашим услугам и мангалы, и газовые плиты. В походных легких холодильниках отдыхающие привозят прохладительные напитки, пиво, а некоторые и что-нибудь посуше. К услугам отдыхающих на пляже есть и душевые, и туалетные комнаты. Единственная проблема - трудно запарковать машину, если припозднишься утром с приездом.

Довелось раз порыбачить на море. Утром вышли с Павликом Парамоновым на небольшом катерочке в Бассов пролив. Я впервые оказался в такой мизерной посудине на такой большой воде. И хоть погода была отличная и тихая, мне казалось, что волны вот-вот перевернут наше суденышко, и я сидел на сиденье, вцепившись руками в борт. К чести Павла, и великой его тактичности, он как бы ни замечал, что я труса праздную. Наоборот, велел пересест в его кресло, взять штурвал и править на указанный ориентир - чуть виднеющийся вдали мыс, обосновав это тем, что ему необходимо готовить спиннинги. Чувствуя управление и свою ответственность, я немного ободрился и стал осваиваться, а когда началась рыбалка, да пошла рыба (морская форель), я осмелел настолько, что сидел теперь уже не в кресле, а на его спинке. С головой, ушедший в азартную ловлю рыбы, я забыл о качке, не замечая волн, работал спиннингом. Время для нас остановилось. Кругом медленно двигались такие же, как наш и покрупнее рыбацкие катерки. Мимо, метрах в ста, проходили морские корабли. Иногда проплывали гуськом, изредка выкидываясь из воды и выгнув коромыслом спину красавцы дельфины. Два с половиной часа пролетели в одно мгновение. Давно уже переключились на второй бензиновый бачок, а уходить все не хотелось. Но Павел, опытный рыбак, безапелляционно заявил: «Кончаем, а то до берега не дотянем. Может быть вам, дядя Саша, это и нравится, а я не привык болтаться в море с заглохшим двигателем и без весел». Доводы - убедительнее не-

куда. По пути подошли к искусственному островку, сложенному из камня, где обучают водолазов, а потом ближе к берегу, к затопленному кораблю, трубы и некоторые надстройки которого торчали из поверхности воды.

Поразило удобство причала, оборудованного для рыбаков-любителей. Катерок, как известно, транспортируется на специальном автомобильном прицепе. Приехав к причалу, водитель разворачивается и, включив заднюю передачу, скатывает прицеп с судном по отлогому бетонированному спуску на воду до тех пор, пока катер не начнет всплывать. Освободив лебедку и отцепив крепление, его легко можно столкнуть, а затем, запустив мотор, можно вывести на открытый простор морской глади. То же повторяется при погрузке катера в прицеп, только все происходит в обратном порядке. Все без каких-либо лишних усилий.

И еще одно приятное воспоминание об этой рыбалке у меня осталось в памяти - это умение, с которым Павлик чистил и разделял рыбу. После того, как удаляются потроха, он с ловкостью хирурга острым ножом отделяет мясо от костей рыбы, произведя эту операцию от головы к хвосту. Пробовал и я, не получилось. Нужен навык, иначе только пальцы себе изрежешь.

Климат и землеустройство

В марте - первом осеннем месяце - температура воздуха изменяется незначительно, бывают даже довольно жаркие дни, хотя темнеть начинает раньше, а рассвет наступает позже. Даже в апреле - втором осеннем месяце, многие австралийцы ходят в футболках и шортах. В редкий день надевают теплые вещи. О теплых шапках, пальто с меховыми воротниками, не говоря о шубах, в Австралии и понятия не имеют, так как они там не нужны даже зимой, потому что в это время температура воздуха колеблется от +12 до +25 градусов по Цельсию, в зависимости от географического места и направления ветра. К примеру, если в Сиднее самая низкая температура в июле +12 градусов, то в Дарвине она (тоже самая низкая) равна +25.

Сезонные колебания температур проявляются главным образом во внутренних районах тропического пояса и в субтропиках. Самый жаркий район с январскими (разгар лета) температурами выше 40 градусов. Абсолютные минимумы температур во внутренних районах Австралии падают до -4, -6 градусов. Морозы бывают только в Австралийских Альпах, где отмечались температуры до -22 градусов. Только тут бывает снег и со всей Австралии сюда съезжаются любители покататься на лыжах.

Во внутренних районах Австралии климат довольно жаркий и сухой, но длительных засух не бывает. Больших рек там нет, а те, что имеются, судоходны только в низовьях.

Пахотнопригодные земли составляют более 60% площади, но при этом пастбища занимают больше половины используемой земли. Австралия отличается высокой товарностью и ярко выраженным капиталистическим характером сельскохозяйственного производства. Лучшие земли находятся в частной собственности или арендуются у государства на условиях, при которых фактическими собственниками являются арендаторы. Государственные земли (около 33% от всей земельной площади) расположены преимущественно в труднодоступных и малонаселенных районах. Свыше 80% используемой земли - в руках собственников, владеющих от 4000 до 40000 гектаров.

Более 62% чистой стоимости сельхозпродукции дает животноводство. Овцеводство развито в степных и полустепных районах, мясной крупнорогатый скот разводят преимущественно в северных тропических районах. Молочное животноводство развито в восточной, наиболее хорошо увлажненной части страны, главным образом на прибрежной равнине. Фермы занимают небольшие земельные участки, но используют их очень интенсивно: засевают травой, применяют удобрения, используют искусственное орошение.

Большая часть посевных площадей занята зерновыми. В среднем от 60% до 80% сбора зерна вывозится на экспорт. Сахарный тростник возделывается в северо-восточной части Австралии, цитрусовые и виноград - на орошаемых землях. Яблоки, груши и абрикосы выращивают на плоскогорьях, где климат более прохладный; бананы, ананасы, папайю, манго - в тропических лесах на северо-востоке. Крупные оросительные системы расположены в основном в штатах Новый Южный Уэльс и Виктория. Самые большие водохранилища имеют от 3 до 5 миллиардов кубических метров воды.

Растительность материка очень своеобразна. Наиболее типичны для нее эвкалипты и акации. Растут некоторые породы хвойных и южные буки. На своих участках русские жители Австралии выращивают березы, завезенные из России, но растут они не очень-то хорошо. Окраины материка заняты влажными вечнозелеными тропическими лесами. В сухих внутренних лесах Австралии развиты только кустарники и травы. Леса товарного значения занимают около двух процентов площади материка. Большая часть их состоит из эвкалиптов, дающих твердую, не поддающуюся гниению древесину и ценные масла.

В животном мире континента почти нет хищных зверей, кроме завезенных из Европы одичавших собак. Из промысловых видов преобладает дикий кабан, козы и кенгуру; из птиц - утка, гусь. В Австралии сохранилось большинство обитающих на земле сумчатых, а также наиболее древние из млекопитающих - яйцекладущие ехидна и утконос. Экзотическим животным Австралии является маленький коала, вечно живущий на деревьях и проводящий большую часть времени в спячке.

В Австралии много птиц. Многие виды мне повстречать не удалось, но из тех, которых я видел, много пород уток и гусей, а также лебеди и пеликаны. Много видов перепелок, других мелких птиц. Но особенно здесь много разновидностей попугаев. Летают они там стаями, как у нас грачи. Особо много большого белого попугая. Этот вид особенно ценится во всем мире, но австралийские законы запрещают вывоз этих птиц за границу. При этом в самой Австралии в некоторые годы белые попугаи плодятся чересчур массово, и власти организуют их отстрел. Многие любители и знатоки птиц с большим удовольствием и увлечением занимаются разведением и выращиванием их в клетках и, даже занимаются селекцией. Один мой дальний родственник, инвалид, передвигающийся в коляске с электроприводом, с женой англичанкой живут на ферме и занимаются разведением попугаев и прочих пернатых. Природа вокруг фермы великолепная. У них хороший дом, усадьба, сад. И много, много - целые павильоны клеток с декоративными птицами самых различных пород. Три дня я гостил у них, и все эти дни постоянно приезжали люди, выбирали и приобретали понравившихся им птиц.

Вблизи этой фермы есть чудесные пресноводные озера, на одном из которых с разрешения фермера-соседа, на земле которого находится озеро, мы поставили сети и получили довольно солидный улов. Уха была как нельзя кстати, так как было это восьмого марта - в Международный женский день!

Строительство

Большую часть времени моего пребывания в Австралии я провел в городе Джелонге. Обстоятельства сложились так, что буквально через пару дней после моего приезда из Мельбурна в Джелонг племянник, работая с зятем на строительстве домов, повредил спину, и меня пригласили помочь, то есть подменить его на время. Но эта подмена впоследствии затянулась на добрых полтора месяца, а коль уже довелось побывать в деле, то я и хотел бы немного об этом рассказать.

Строительством домов и таких объектов, как магазины, школы, отели и так далее в Джелонге занимаются в основном частные компании. Непосредственно организует

работу так называемый билдер - подрядчик. Удивило меня то, что при необходимости, если требует дело, подрядчик сам берет в руки инструмент и вкалывает вместе с рабочими.

Дома строятся в основном многоквартирные, в один-два этажа. Существует два способа строительства. Первый - когда будущий хозяин дома покупает участок земли, приобретает проект застройки и нанимает билдера для выполнения работ. Материал и рабочая сила - подрядчика. Второй способ - когда билдер сам приобретает землю, строит дом, а затем или продает его, или сдает в аренду. Конечно, предпочитают продавать.

Как организуется строительство? Прежде всего, к намеченному объекту подводятся все коммуникации: газ, электрокабель, водопровод, телефонный провод, затем прокладывается асфальтовая дорога и тротуар и уже после начинаются строительные работы. На строительстве дома одновременно более двух-трех человек не работают. Все очень четко отлажено, и рабочие определенного профиля появляются на объекте только тогда, когда для них подготовлен фронт работ и завезен необходимый материал. Без дела на объекте не сидят, так как за бездеятельность здесь никто деньги не платит. Если не готов фронт работ, то рабочий на этот день просто останется дома или отправится на рыбалку. Траншей под фундамент копают заказанная билдером техника. Монолитный фундамент заливается тоже механизмами. На все уходит день-два. Затем, когда затвердеет раствор, на объекте появляются два-три плотника, которые за три-четыре дня устанавливают деревянный каркас и балки крыши. После этого приходят на объект кровельщики (тоже два-три человека) и за несколько дней накрывают объект крышей. По желанию хозяина крыши делают черепичные, шиферные или железные. На чердаках устанавливают кондиционеры. За кровельщиками приходит черед пары каменщиков. Эти обкладывают объект кирпичом, по желанию заказчика или красным, или темно-коричневым, или светло-коричневым, чуть не желтым. Белого силикатного кирпича в Австралии нет. Стены выкладываются в полкирпича, самое большое - в кирпич толщиной. Но кладка высококачественная, причем после окончания всех работ стены под высоким давлением промываются специальным раствором, отчего они становятся чистыми, с блеском. За каменщиками приходит очередь отделочников, которые обкладывают внутренние стены специальным пластырем (вроде нашей сухой штукатурки), листы которого имеют в длину шесть метров, ширину - метр двадцать пять и метр пятьдесят сантиметров. Материал этот легко режется специальным ножом или ножовкой, поэтому позволяет сделать любую конфигурацию, вплоть до овальных арок. На стыках стен и потолков обязательно устанавливаются конуса, которые тоже бывают разной конфигурации. Стыки листов, места, где вбиты гвозди, и углы на три раза замазываются специальными растворами, а затем, когда все это высохнет, затираются наждачной бумагой. Отделка получается изумительной чистоты, и после этого стены и потолки готовы к покраске. После отделочников на объекте появляются специалисты, которые устанавливают все электрооборудование, оборудуют туалеты, ваннные комнаты и душевые (а их бывает по две, по три в доме), устанавливают наличники, шкафы, а маляры красят. Дом готов! Осталось до блеска вымыть окна и двери, хорошо промыть полы, настелить ковры, установить мебель и передать ключи хозяину, предварительно получив расчет.

Таким образом, от начала строительства дома и до его полной готовности проходит два, два с половиной месяца, в зависимости от размеров.

Примечательно, что при этом ни компания, ни билдер не имеют своей техники, инструментов и материалов. Материалы на стройку по телефонному звонку оперативно доставляют специализированные компании со своих складов. Кое-какую мелочь: клей, гвозди, уголки и др. рабочие иногда покупают сами, а билдер возмещает

им затраты по товарным чекам. Необходимую крупную строительную технику подрядчик тоже берет в специализированной компании, а затем рассчитывается за ее использование. Мелкий строительный инструмент вплоть до циркулярок, растворомешалок, компрессоров и отбойных молотков, рабочие приобретают за свой счет и на свой вкус. Каждый старший строительный рабочий имеет автомобиль-фургончик, или легкий грузовичок, или же прицеп к легковой автомашине, в котором ежедневно привозит необходимый инструмент и материалы на объект. Причем грузовички снабжены небольшими лебедками. К примеру, закончил каменщик вечером работу, помыл растворомешалку, подкатил ее (она на колесиках) к грузовичку, зацепил крюком лебедки за тросик, сделал несколько оборотов ручкой лебедки и агрегат в кузове.

Зарплату рабочие получают каждую пятницу, причем ни в какой ведомости никто не расписывается, а просто на руки получает конверт с долларами. Учет ведет билдер. Труд в Австралии оплачивается достойно. Средней квалификации строительный рабочий в день зарабатывает 100 австралийских долларов (70 долларов США). Высококвалифицированный рабочий зарабатывает до 150 долларов. Но и работают там соответственно. На объект уезжают в шесть часов утра. В 10 часов - двадцатиминутный утренний чай, а затем без каких-либо остановок на перекуры работают до обеда. Обед длится 30 минут и снова без остановки до 17 ч., а при необходимости и дольше. Никто никого не подгоняет, поскольку всем ясно: хочешь иметь деньги - трудись. Бывает, работают и в субботу. Это когда работа есть, а когда нет, то и в будни могут отдыхать.

И еще, что удивило, так это то, что у каждого рабочего в машине имеется радиотелефон, по которому он может позвонить в любой город Австралии. Телефон необходим для того, чтобы в любое время созвониться с билдером и чтобы билдер всегда мог связаться с рабочими (мобильников в то время еще не было). Очень оперативно и удобно. И еще одна особенность - дом продается хозяину с шестилетней гарантией и, если за это время где-то облупилось или протекло - компания бесплатно делает ремонт. Иначе хозяин может подать в суд, а это подрыв престижа компании, которым она очень дорожит.

Экскурсия по Джелонгу

Я уже отмечал, что Джелонг - небольшой городок, но примечателен тем, что улицы ровные, широкие и очень чистые. Светофоры буквально на каждом перекрестке. Очень много всевозможных магазинов. Есть такие огромные, где люди паркуют свои автомобили на подземных этажах, а затем на эскалаторе поднимаются в торговые залы. Как-то в свободный день троюродный брат Георгий Жигалин организовал мне экскурсию по городу, по магазинам. Меня заинтересовали специализированные магазины, торгующие мелкой сельскохозяйственной техникой. Чего там только нет! Мини-тракторы различной мощности с набором орудий, куда входят плужки, рыхлители, окучиватели, прицепные тележки и т.д. Есть мотоблоки, небольшие самоходные косилки. Большое впечатление произвел магазин строительных инструментов. Здесь человек может приобрести любого типа электропилу, пневмомолоток, электрофуганок, циркулярку, растворомешалку и множество другого мелкого инструмента. Есть магазины, торгующие мотоциклами, автомобилями, оружием и даже большими самолетами.

В местном, огромном по площади, Ботаник гарденс (ботаническом саду), кажется, собраны деревья и растения всех частей света. Запомнились крупные и мелкие деревья, завезенные из Японии, Китая, Европы, Африки, Северной и Южной Америки. Банановое и пробковое деревья, пальмы, бамбук, кактусовые, много всевозможных цветов. Десяток сортов роз. В прудах там живут угри. Причем они не боятся человека и подплывают к берегу, ожидая корм.

Обедать Георгий завез меня в ресторан «Сицлер», о котором стоит рассказать уже потому, что оплачивается здесь только второе блюдо, а закуски, суп, десерт, овощи, фрукты, чай, кофе и мороженое посетители берут в любом количестве со специальных витрин, расположенных в зале. Обеденный зал просторный, светлый, уютный. Приветливые официанты появляются у столика по первому сигналу. Видно, что дорожат они своими рабочими местами.

Много в Джелонге бензинок и мастерских автосервиса. С ремонтом автомашин там проблем нет. Сделают любой вид ремонта быстро, причем, если даже какой-то детали не окажется, ее тут же закажут по телефону и в считанные минуты привезут с центрального склада запасных частей. С этим мне довелось столкнуться. Ехали мы как-то с работы и прокололи резину правого переднего колеса. Быстро заменили, поставив запасное, но при этом обнаружили, что оба передних и запасное колесо сильно изношены. Приехав в Джелонг, мы тут же завернули в автосервис. Осмотрев изношенные покрышки, мастер не нашел подобных, «фордовских» на своих стеллажах. Но он нисколько не расстроился, позвонил на склад и пока снимал, да разбортовывал колеса, резину уже доставили на автофургончике. И разбортовку, и забортовку колес производят на специальном стенде, тут же накачивают воздухом. При этом мастер не прилагает абсолютно никаких усилий. Даже гайки крепления колес откручивают и закручивают электроключами. За резину на три колеса и работу хозяин «Форда» выписал чек на 310 долларов и через сорок минут мы выехали.

Свозил меня брат и на джелонговский маркет (рынок). Торгуют там буквально всем: и одеждой, и обувью, и часами, и ювелирными изделиями, и канцелярскими товарами. Среди торговцев много китайцев, русских и евреев. Опытные покупатели здесь всегда торгуются, и почти всегда им удается снизить первоначальную цену. Здесь же можно встретить китайских лекарей, которые, разбив палатки, делают свои «операции» - массажи или иглоукалывание. Деньги в Австралии зарабатывают, кто как умеет.

Город-музей

Неизгладимое впечатление в моей памяти осталось от посещения города Балларат. Поразило то, как бережно австралийцы относятся к своей истории, к памятным местам, и то, как на этом делают деньги.

В Балларат я ездил для встречи с племянницами Нонной и Машей. Обе они замужем за англичанами, которые по-русски совсем не говорят. И дети их тоже. Переводчиками были мои племянницы и ездивший со мной племянник Алексей. Из Джелонга нас вез на своей машине муж Нонны. Родом он из Новой Зеландии. У них четыре сына и дочь. Недавно они перешли в новый дом, построенный своими силами (в старом случился пожар и он сгорел).

Балларат расположен в некотором отдалении от берега моря на пересеченной местности - сопки, заросшие лесом, есть озера, речка. Еще в Джелонге меня предупредили: будешь в Балларате - обязательно посети тамошний музей.

Дело в том, что Балларат был основан двести с лишним лет тому назад во времена освоения Австралии англичанами. Здесь в то время было обнаружено золото, залегающее на незначительной глубине. По этой причине сюда пароходами прибывали из Англии и Китая, нередко со своими семьями, охотники попытать счастья на новом месте. Но не всем улыбалось это счастье. Многие получили здесь увечья, а некоторые погибли. По сути, Балларат - это Клондайк в австралийском варианте. На второй день мы с племянником отправились знакомиться с достопримечательностью. Входной билет стоил 20 долларов. Осмотр, по сути, начинается уже здесь в проходной вестибюля комплекса. Здесь стоят макеты разгружающихся кораблей, макеты и муляжи людей, добирающихся со своим скарбом с пристани до городка,

кто как может: на нанятых ломовиках или на привезенной с собой тачке катят свое немудреное имущество. Люди привезли с собой кирки, лопаты, бады, домашнюю утварь. По прибытии строили незатейливое жилье и сразу приступали к работе. Некоторые заводили подсобное хозяйство - овец, свиней, кур, небольшие огороды. Работали по 12-14 часов. Одни добывали породу под землей, другие поднимали эту породу или ручным воротом, или лебедкой, приводимой в движение лошадью, наверх, третьи промывали породу в ручье, отыскивая золото. Были случаи, когда под землей находили самородки довольно значительных размеров. Но в наше время здесь золото не добывают.

Городок сохранен в том виде, в каком он был во времена освоения и добычи золота. Деревянные тротуары, мощенные камнем и щебнем улицы. По этим улицам и сегодня ездят старинные двухэтажные огромные кареты, запряженные четвермя откормленными битюгами, и легкие двуколки, на которых за соответствующую плату вы можете прокатиться. Сохранились не только ветхое жилье и утварь, но и все приспособления по добыче и промывки породы. Тут и дробилка, приводимая в действие лошадью, и механизм предварительного грубого обогащения сырья при помощи воды и той же конной тяги. Рядом подземные выработки с подвозом породы при помощи ручных вагонеток и действующий паровозик, работающий на дровах и приводящий в действие водоподъемное устройство, пилораму и деревообрабатывающие станки. В механической мастерской стоят токарные и сверлильные станки. В кузнице - меха, работающие посредством ременных передач. Все это громоздкое хозяйство работает и по сей день. В мастерских производят декоративную мебель под старину, всевозможные сувениры и здесь же продают экскурсантам.

Бродя по улицам городка, вы можете зайти в действующий старинный бар, чтобы отведать холодного пенистого пива, послушать музыкантов и песенников, исполняющих мотивы двухсотлетней давности. Сохранились и магазины, где продавцы одеты в стародавние наряды и торгуют такими же стародавними товарами. Берут их в качестве сувениров. Таким же образом действуют старинные аптеки, кафе, пекарня, закулочные, фотография, школа, театр и даже типография, которая и сейчас печатает вручную газету «Балларат микер» и продает номера экскурсантам в качестве сувениров по одному доллару за экземпляр.

По тому же входному билету можно войти в исторический музей. Это довольно большое, чистое и светлое здание с множеством залов и разделов с экспонатами, рассказывающими об истории освоения Австралии, о людях, оставивших свой след в истории государства, о природе и животном мире континента, об аборигенах, их культуре, образе жизни и хозяйственной деятельности. Здесь же в одном из залов можно посмотреть познавательный фильм. Для того чтобы досконально осмотреть весь комплекс и музей надо затратить целый день. Мы же с племянником проделали это за шесть часов и так устали, что когда позвонили Гранду, чтобы приехал за нами, то сил хватило только добрести до скверика и сесть на скамейку.

На следующее утро было не менее интересное посещение Балларатского зоопарка. Двинули мы туда на двух машинах, так как кроме нас четверых мужчин с нами было пятеро детей. Зоопарк занимает большую площадь. По его территории протекает речушка, где обитает водоплавающая птица. В зоопарке стадами разгуливают или нежатся на лужайках три вида кенгуру, причем каждая порода держится от другой особняком. Наиболее смирные, дружелюбные и общительные - большие темно-серые особи. Они не только берут из рук корм, а назойливо выпрашивают его. Одна такая кенгуру бесцеремонно забралась головой ко мне в сумку, где был хлеб для угощения животных. Очень мирно ведут себя страусы и тоже выпрашивают угощение. За покормившим его посетителем страус будет ходить до тех пор, пока его не отвлечет кто-нибудь другой. В зоопарке много гуляет и плавают австралийских диких

гусей и уток. Есть белые и черные лебеди, журавли, ежи и различные разновидности черепах. В террариумах пребывают крокодилы, питоны и ядовитые змеи. Умиляют посетителей неповоротливые и ленивые маленькие коалы, чем-то напоминающие наших медвежат. Это животное почти всю свою жизнь проводит на ветвях деревьев, причем не на любых. А есть в Австралии вечнозеленые деревья, листья которых содержат определенное количество наркотических веществ. Видимо поэтому коалы в сутки 14,5 часа спят, 4,5 часа кормятся и лишь четыре часа проводят в движении. Впечатление от посещения зоопарка осталось огромное, несмотря на пасмурную погоду и морозящий дождик.

На полпути из Балларада в Джелонг мы заехали в сербский монастырь Святого Саввы, где мне удалось побеседовать с его настоятелем - владыкой Лукой. Нам, русским с сербами можно изъясняться и понять друг друга, но чистая русская речь Луки меня удивила. На вопрос, где он так наострился говорить по-русски, владыка рассмеялся и напомнил мне русскую поговорку: «С кем поведешься, от того и наберешься». Он, оказывается, не один год во Франции учился с русскими ребятами и по сей день любит по праздникам испить русской водки.

В монастыре добротные хозяйственные строения, два православных действующих храма, куда со всей Австралии на службу приезжают сербы. Монахи держат овец, имеют приличную пасеку, сад. Монахи молитвы сочетают с прилежным трудом.

Портрет с деньгами

По возвращении в Джелонг вечером состоялась встреча с моими друзьями Василием Гаськовым и Леонидом Богомяковым. Эти ребята искренне переживают за нас, интересуются российскими реформами. Они регулярно смотрят по телевизору наши новости, передаваемые раз в сутки, а когда не представляется такой возможности, то просят домашних записать эту передачу на видеопленку. Видеомагнитофоны в Австралии были в каждой семье, и многие русские имели богатейшие наборы видеокассет с русскими фильмами. Между собой любители русского кино поддерживают тесный контакт, интересуются новинками и переписывают их друг у друга. Мои друзья расспрашивали меня о российском, в том числе сибирском казачестве, так как сами были потомками забайкальских казаков. Мне же было интересно услышать их воспоминания о детстве, о первых годах жизни в Австралии, где они жили уже более 40 лет, об историях, произошедших с ними или их знакомыми в этой стране.

Особенно мне запомнились два сюжета, оба рассказанные Леной Богомяковой. Первый о том, как его приятель, откладывая деньги в «заначку», не смог ими воспользоваться. А дело было так: этот приятель, будучи человеком семейным, любил выпить, и, чтобы иметь всегда под рукой валюту, с каждой получки откладывал десятка два-три долларов в известную только ему «сберкассу». При этом был на сто процентов уверен, что его накопления никогда и никто не обнаружит. Может, так оно и было бы, если бы сам себя не выдал. И вот как это случилось. В доме Леонидова приятеля висел в раме под стеклом портрет Российского императора Николая II, за подкладку которого он и откладывал свои сбережения. Постепенно там скопилось довольно значительная сумма. Но, случилось так, что жена этого хитроумного выпивохи, то ли из-за регулярных возлияний суженого, то ли по другой какой причине, решила порвать супружеские узы и переехать с детьми из Мельбурна в Джелонг, где арендовала квартиру. Из дома уезжала в отсутствие мужа и наряду с другими вещами прихватила вышеуказанный портрет. Вернувшись, домой и, не обнаружив на месте портрета, приятель ринулся на новую квартиру супруги. Увидев здесь пропажу, он потребовал от жены: «Отдай царя!».

Но жена заупрямилась и не отдала портрет из принципа. Позже несчастный еще трижды пытался упросить бывшую жену вернуть ему портрет, но так и остался ни с чем. Зато

женщина почувствовала, что за этой страстной любовью «бывшего» к образу государя кроется нечто корыстное. Она самым тщательным образом обследовала со всех сторон портрет. И каково же было ее изумление, когда за подкладкой она обнаружила значительную сумму «сбережений» своего бывшего главы семейства. Переложив «клад» в более надежное, с ее точки зрения, место, она снова повесила портрет на прежнее место. Через пару дней приятель Леонида снова появился в квартире женщины. Требования остались прежними: «Отдай царя!» На этот раз, к удивлению ходатая, «благочестивая» без сопротивления заявила: «Да забирай ты его, надоели вы мне оба до чертиков!»

Мужик, обалдевший от радости, сорвал портрет со стены и, не попрощавшись, ринулся в машину. Добравшись через пару часов в Мельбурн, приступил к операции. Разложив портрет на столе, он вскрыл заднюю подкладку и, не обнаружив под ней записки, пришел сначала в немалое удивление, а, опомнившись и сообразив в чем дело, в неопределимую ярость и грохнул портрет об пол. Вдребезги разлетелись осколки стекла. Лопнула по углам рама, и лишь бумажный рисунок остался невредимым, и невинно смотрел на своего эскизиста.

И второй сюжет из детства самого Леонида.

С рождения мой земляк левой рукой владеет лучше, чем правой. Даже сейчас левой пишет, ею орудует ложкой и молотком. В малолетстве родители много сил приложили к тому, чтобы отвадить его от этой привычки, но из их затей ничего не получилось. А один из тех уроков Леонид запомнил на всю жизнь, о чем и поведал.

В Ацане, где жил Леня, в то время храма еще не было и, естественно, он до шести лет (если не считать крещения) не видел священника. А тут батюшка приехал из соседнего поселка служить обедню, а раз не было храма, то служить он ее должен был в доме престарелого Максима Морозова, обладателя именного оружия за русско-японскую компанию. Дом у деда был большой. К нему и заехал служитель культа. И решила Ленина мать послать его на молебен, а чтоб тот не крестился во время службы левой рукой, посылая его, сложила ему в щепоть три пальца правой руки и строго наказала, чтоб не разжимал их до конца службы. Так со щепотью и дошел до Морозовых юный богомолец. При входе в дом он открыл левой рукой дверь, перешагнув порог, и ему понадобилось открыть входную дверь в горницу. Тут, придерживая левой рукой двери прихожей, он взялся за ручку второй двери, естественно разжав при этом щепоть. Войдя в горницу, он увидел сидящих за столом священника и деда Максима. Сняв шапку, Леня левой рукой перекрестился и поздоровался. Батюшка, улыбнувшись в бороду, спросил:

- Ты чей, казачек?

- Богомягкова Дмитрия сын.

- Молодец! Только вот креститься-то надо правой рукой, станичник. Тебя разве мама не учила этому?

- Учила сегодня. И щепотку сложила в правой-то, только я, когда двери открывал, все и позабыл. Я сызмальства - левша.

Своими наивными признаниями Леня умилил и рассмешил священника и деда Максима. Вдоволь насмеявшись, они усадили юного «левшу» за стол и угостили блинами с медом, и это событие тот запомнил на всю жизнь.

Свадьбы и похороны

В Австралию я прибыл накануне Великого поста, жил там весь пост и встретил Пасху. Буквально на третий день моего пребывания в Мельбурне я был приглашен на свадьбу младшего брата мужа моей племянницы Павла Малышева. Семейство Малышевых живет богато. Отец (ему 66 лет) и три сына имеют строительную компанию. Дело поставлено на широкую ногу. В обороте миллионы долларов. Глава семейства и старший сын Георгий сами не гнушаются выполнять черновую работу. Отец каждый день на грузовике развозит по объектам строительные материалы, а

Георгий работает непосредственно на объектах, готовит их к сдаче в аренду или продаже. Средний и младший сыновья работают в офисе: разрабатывают проекты, ведут расчеты и т.д. Павел женился на англичанке, поэтому до венчания она приняла православную веру. И венчание в церкви, и ритуал всей свадьбы велись на двух языках - русском и английском. Две следующие свадьбы были чисто русскими, и женихи и невесты были одной национальности. Но ритуал и сценарий свадеб во всех случаях были одинаковы.

Свадьбы играют в ресторанах или специальных, довольно вместительных залах. Гостей бывает много - от 150 до 200 человек. За столиками сидят по шесть, причем каждый занимает отведенное ему место, для чего на столиках устанавливаются таблички с фамилиями гостей. Обряд венчания проводится в храме. По окончании его жених с невестой и их шаферы встают ближе к алтарю, а родители жениха и невесты чуть в стороне. Все присутствующие подходят сначала к молодым, поздравляют их с законным браком, целуют, а затем подходят к родителям и тоже поздравляют. А когда свадьба перебазирована в зал, там тоже особый ритуал. Когда гости рассядутся за столиками, ведущий в микрофон объявляет о начале торжества, и за особый стол в торце зала, ближе к сцене, приглашают попарно шаферов и шафериц, называя их имена и фамилии. Те под аплодисменты и исполняемый оркестром марш, проходят через весь зал к столу. Когда пройдут все шаферы, приглашаются жених с невестой, родители жениха и невесты. После всего этого священнослужители читают молитвы и пир начинается. Желающие что-то сказать могут подойти к микрофону. А родители и жених с невестой говорят обязательно. Свадьбы проходят весело. Русские танцы, пляски, песни, частушки исполняют молодые парни и девушки, одетые в национальные русские костюмы. Первыми танцуют традиционный вальс молодые, потом уже по ходу дела на круг выходят все желающие. Где-то в середине торжества на специальный столик устанавливается огромный размер, сделанный в виде башенки, чуть ли не до метра высотой торт, и гости подходят, поздравляют молодых и выкупают кусок этого торта и рюмку горячительного.

На второй день гости собираются или в этом же помещении, или в зале при храме, и пир продолжается. Здесь уже гостей обносят традиционными блинами с обязательной стопкой. Пьют, танцуют и веселятся. «Горько» кричат и в первый и во второй день. По окончании застолья тысяцкий (обычно крестный жениха) приглашает к себе домой. К назначенному времени гости (но уже не в таком количестве) съезжаются туда, продолжают пить, есть и веселиться до позднего вечера. На следующий день гостей может пригласить к себе любой из родственников жениха или невесты. И так бывает, что свадьбу гуляют целую неделю, но не упиваются при этом.

Довелось, к несчастью, побывать в Австралии и на похоронах. Эта траурная церемония тоже отличается в некоторых деталях от нашей. Во-первых, всю работу осуществляет специальная похоронная служба. Родственники покойного только рассчитываются с ней. Несколько отличается форма гроба. Делается он из полированного дерева, по бокам четыре ручки для того, чтобы нести. Крышка гвоздями не прибивается, а пристегивается. Покойника отпевают в храме, затем работники похоронной службы переносят гроб в катафалк и везут на кладбище. Здесь наверх могилки укладывается никелированная рамка, к боковым трубам которой прикреплены сантиметров пятнадцати шириной две ленты, на которые и устанавливается гроб. После того, как священнослужители закончат совершение своего обряда, и родные попрощаются с покойником, работники похоронной службы закрывают крышку гроба, пристегивают ее, нажимают кнопку, и гроб медленно опускается на дно могилы. Поминки делаются в ритуальном зале при храме без спиртного. По окончании поминок старший из родственников покойного встает у входа и каждый участник похорон проходя выражает ему соболезнование.

Мне довелось посетить три кладбища: в Данденонге, Джелонге и Сиднее. Все кладбища обнесены приличными заборами, через ворота можно въезжать на автомобилях, так как кладбища большие и пешком не скоро доберешься до захороненных родных. Кладбища и могилки ухожены. Оградок на могилах нет. Но везде добротные мраморные памятники. Причем православные христиане хоронят своих сородичей в одном месте кладбища, католики - в другом, буддисты - в третьем, мусульмане - в четвертом и т.д.

За общей территорией кладбища ухаживают кладбищенские рабочие, которых содержит муниципалитет. Они периодически подкашивают траву, подметают проходы и дороги (все они асфальтированы) и т.д. Земля на кладбищах или месте захоронения там покупается (две тысячи долларов). Поэтому, если, к примеру, муж похоронил жену, то рядом покупает место и для себя. К тому же на месте будущей могилы нередко устанавливается памятник с фамилией, именем и отчеством, датой рождения, оставляя лишь место для нанесения даты смерти. Видел я такие памятники зная, что человек еще жив. Так в Австралии люди стараются устроить не только свою земную жизнь, но и загробную.

Экскурсии

Тринадцатого марта, в день выборов австралийского президента, повез меня Георгий Жигалин в Данденонг. Но прежде заехали на избирательный участок. В общем-то, их избирательные участки ничем не отличаются от наших. В большинстве своем они тоже располагаются в школах. Так же сидят за столами со списками избирателей члены комиссий, которые выдают бюллетени, так же человек проходит через кабинку, где производит, собственно, свой выбор и так же опускает бюллетень в урну. Так же организована во множестве торговля и пункты питания на участках, только, может быть, товары поразнообразнее. Но есть и отличия. Первое - большая агитационная работа в день выборов. Еще во дворе школы избирателей встречают молодые люди, мужчины и женщины - представители различных партий и агитируют за своего депутата, вручая при этом буклеты с портретами кандидатов, их фамилиями и кратким описанием их биографии и программы. И второе - это обязательная явка избирателей на избирательный участок. За неявку без уважительной причины налагается штраф.

На третий день по возвращении в Данденонг сестра с племянницей повезли меня в Мельбурнский дендрарий. Это огромный сад-цветник, часть которого находится под открытым небом, часть - в помещении. Прежде чем посмотреть на растения, посетитель проходит через солидный шоп (магазин), где продается все для любителей-садоводов, цветоводов и огородников, включая инструменты и приспособления, удобрения и подкормки, семена и дерн с английской травой. Пройдя в ту часть дендрария, что находится под открытым небом, вы можете полюбоваться красотой цветников и разнообразием декоративных и фруктово-ягодных деревьев, и тут же можете приобрести саженцы понравившихся вам пород. Мелкие саженцы вы можете отвезти в своей легковой машине, а крупные - компания доставит по указанному адресу.

В закрытом помещении дендрария перед посетителями открываются поистине чудеса природы, созданные руками человека. Здесь вы можете увидеть деревья, в том числе и дубы, которые растут как бы в естественных условиях: склоны гор или скалы, зеленые поляны и русла рек. Все это живое, но в миниатюрном виде. Например, деревья до метра высотой, хотя им по 150-200 лет. Не зная английского языка, я не смог узнать, каким образом удается получить такие карликовые деревья. Здесь же чучела всевозможных птиц, коллекции бабочек с размахом крыльев до десяти сантиметров, отшлифованные разрезы минералов всевозможных размеров и изумительной красоты рисунков. Все это продается, и любители могут приобрести.

В одно из воскресений племянник Николай Морозов с женой Викой и сестрой Валей повезли меня на экскурсию в центр Мельбурна. С трудом найдя место для парковки автомобиля, мы отправились бродить по улицам. Здесь, в центре, много высотных зданий и бегают трамваи. Улицы и переулки впечатляют чистотой и удивляют пестротой нарядов людей различных национальностей. День выдался солнечный, жаркий, поэтому тянуло в тень. Первым делом мы посетили здание под куполом. Стекланный купол с высоким, уходящим в небо шпилем, возведен недавно. Зайдя в него, внутри мы увидели старинное кирпичное здание бывшего музея. Сейчас в нем и под куполом расположены рестораны, причем наверх посетителей поднимают эскалаторы. Посетили мы в этот день оперный театр, а так как представления в нем начинаются вечером, то осмотрели только помещения. Но зато в картинной галерее нам повезло, и два с половиной часа мы посвятили осмотру выставки картин Рембрандта, привезенных в Мельбурн из города Сан-Франциско (США).

После посещения картинной галереи, немного перекусив, мы направились в сквер памяти погибших австралийских солдат. Место живописное. Зеленеет ровно подкошенная трава, деревья дают тень, а на холмике высится монумент. Наше внимание привлекла дробь барабанов и подающиеся команды. Оказалось, что на одной из аллей с барабанным боем и национальными флагами маршируют местные скауты, одетые в униформу с синими галстуками. Руководит действием седой ветеран, одетый в такую же униформу, что и мальчишки с девчонками. Мы подошли ближе и даже сфотографировались с ними. Из разговора Николай узнал, что в этот день отмечался национальный праздник «Момба». И точно, выйдя к набережной, мы увидели колонны людей, одетых в национальные костюмы. Некоторые шли с музыкой, исполняемой на старинных национальных инструментах, другие танцевали на открытых площадках автомашин, ехали в каретах, запряженных лошадьми. Тут же шесть откормленных битогов везли огромную платформу на колесах, груженную дубовыми пивными бочками. Все: и наряды, и песни, и танцы, и пивные бочки, и упряжка напоминали английскую старину, времена освоения континента. Местные жители очень дорожат национальными традициями своих предков. Причем участниками этого театрализованного представления были в основном люди молодого и среднего возрастов.

Праздники такие устраивают не только англичане, проживающие в Австралии, но и люди других национальностей. Здесь это в порядке вещей. А в тот день мы долго наблюдали, как на живописной площадке, окруженной могучими эвкалиптами, люди плясали и веселились под открытым чистым небом своей страны. В свой круг они принимали любого желающего разделить их торжество.

Из Мельбурна в Сидней

В последнюю неделю марта я посетил Сидней. До него от Мельбурна, примерно, тысяча километров. Билет на автобус туда и обратно стоит около ста долларов. Поехал я один, поскольку у сестры разболелась нога, а остальные близкие все были на работе. Вечером, накануне поездки, позвонили родственникам в Сидней, чтобы кто-нибудь встретил меня на следующий день в 20 часов на остановке «Стратфелт», а также заказали на 5.30 ч. такси.

В день отъезда я встал в пять часов. Не успел чаю попить, как подошла машина такси. До автостанции в Джелонге меня проводила сестра. Было еще темно, а на улицах всюду уже работали мусороуборочные машины. В 6.50 ч. подошел автобус. Пассажиров оказалось немного, всего человек пять. Сестра попросила водителя, чтобы тот помог мне на автовокзале в Мельбурне пересест на междугородный автобус. Мне же объяснили, что надо там пересест на автобус, на бортах которого

будут нарисованы большие гончие собаки. Это знак компании, на машину которой у меня куплен билет.

В Мельбурне водитель автобуса, из которого я вышел, указал мне на стеклянную дверь, за которой вверх и вниз двигались ленты эскалатора, и далее я двигался в одиночестве, но, увидев пожилого человека, только что приехавшего со мной из Джелонга, я двинулся за ним. Поднявшись на эскалаторе на второй этаж, я увидел регистрационные стойки, и, сообразив, что мне надо туда, где нарисована собака, пристроился к небольшой, из трех человек, очереди. Зарегистрировав мой билет, девушка-агент стала мне что-то объяснять на английском. Я понял лишь то, что мне называют время отправления и номер платформы, где будет производиться посадка, но не понял суть ее слов. Сказав «сэнькью» я тут же добавил: «Ноу спик инглиш, айм рашен», и стал знаками ей объяснять, чтобы она написала на билете то, что сказала. Она засмеялась, но поняла меня и написала время отправления и номер платформы. Еще раз поблагодарив, я поехал на эскалаторе вниз, проклиная себя и систему нашего образования за то, что даже элементарно объясниться на английском не могу, хотя изучал его в школе и в вузе. Выйдя к платформе, я стал искать свою четвертую, где, как написала мне агент, должен быть мой автобус. Но моя платформа была пуста, а рядом на третьей стоял автобус с нарисованной на нем собакой. На пятой платформе стояла машина с другой символикой. У меня возникла проблема. Что делать? Время идет. И я решил обратиться к стоящим с чемоданами и сумками пассажирам, надеясь на то, что среди них могут оказаться, если не русские, то хотя бы сербы или поляки. Подойдя к двум девушкам, по виду студенткам, я стал, как мог, объяснять, что я «рашен», что «ноу спик инглиш», и что мне надо сесть в автобус, идущий в Сидней. При этом я показывал им билет и на то, что на нем написала агент. Девчонки (мне показалось, что они гречанки) только смеялись и пожимали плечами. Ничего не добившись, я снова обратил внимание на автобус с собаками. И тут увидел, что к нему подошел одетый в униформу человек, и стал открывать нижние люки для багажа. Обратившись к нему с билетом, я снова выложил свои «познания» в английском. Он улыбнулся, сказал «Окей» и, показав проставленный в билете номер моего места, указал на входную дверь. Отыскав свое место, я устроился у окна. В этот же автобус вошли мои знакомые теперь хохотушки. Увидев меня, они снова рассмеялись и угнездились в креслах второго ряда за спиной водителя. Автобус заполнился немногим больше, чем наполовину, а желающих больше не было.

В семь двадцать мы двинулись на Сидней. Машина долго петляла по расцвеченным рекламными улицам города, а когда выехали на хайвэй (главную магистраль), наш «дилижанс» устойчиво держал скорость 100-110 километров в час. Дорожное полотно ровное, как столешница - ни выбоины, ни ямки, ни трещины. За состоянием ее строго следят дорожные службы и, если по причине неисправности дороги случится авария, то дорожники подвергаются солидному штрафу. Вот почему они дорожат своей репутацией.

Мне рассказывали случай, произошедший с моей родственницей в Брисбене. Женщина средних лет, довольно солидной комплекции, переходя улицу, оступилась на выбоине, упала и разбила слетевшие с нее очки. Тут же из телефона-автомата (а там это не проблема, так как в каждом автомате лежит толстенная телефонная книга) позвонила в дорожную службу. Высказав свое возмущение, пригрозила, что подаст в суд. Дорожные клерки поинтересовались, где она находится, и попросили не отлучаться с этого места, так как они подъедут. Долго ждать не пришлось. Служащие дорожной компании извинились перед пострадавшей, усадили ее в автомобиль, отвезли в ближайший оптический магазин, где купили ей новые очки по ее выбору, а затем привезли на то место, где она оступилась. Выбоина была уже заделана. Еще раз извинившись, дорожники отвезли «пострадавшую» туда, куда она ехала. Инцидент был исчерпан.

Следит за состоянием дорог дорожная полиция и, при необходимости тоже предъявляет претензии дорожникам. Да и вообще методы работы ее отличаются от нашей ГАИ. В Австралии нет на въездах и выездах постов ГАИ, то есть полиции. Дорожные полицейские там все время в движении. На своих автомобилях они курсируют по автострадам и улицам городов, и при обнаружении нарушения дорожного движения тут же принимают меры. Чаще всего это штраф, который водитель уплачивает в банке. Бывает, как у нас, делают засады. На автотрассах с интенсивным движением полицейские укрываются с автомобилем на площадке в придорожных кустах и посредством приборов засекают скорость движения проезжающих автомобилей. При превышении указанной на данном участке скорости движения останавливают и штрафуют водителя. Те же не остаются в долгу и иногда на эти площадки вываливают самосвал щебня или еще чего-либо. А бывает так: автолюбитель запарковал свой автомобиль в неположенном месте, а сам ушел. Обнаружив это, полицейский выписывает квитанцию и закрепляет ее под «дворники» лобового стекла. Ждать водителя он не будет, так как неизвестно, сколько времени тот будет отсутствовать. Получив такой «привет», автомобилист в недельный срок обязан уплатить штраф в банке. В городах же рядом со светофорами устанавливаются видеозаписывающие камеры, которые фиксируют факт нарушения правил дорожного движения, номера автомашин, допустивших нарушения, и по этим данным владельцам транспорта присылается повестка на штраф. И еще одна особенность - там полиция вместо цифрового номерного знака разрешает иметь текстовый. Например, у одного моего родственника на легковой автомашине на номерном знаке вместо цифр написано «Георгий», а у племянницы - «Тася».

Но вернемся к путешествию в Сидней. До него из Мельбурна наш автобус шел 13 часов, причем за все это время останавливались только два раза в небольших городах, чтобы пообедать в ресторанах и один раз - на полпути для смены драйвера (водителя). Во время пути пассажиры при необходимости пользовались биотуалетом, смотрели видеофильмы, некоторые спали.

Первая остановка у нас была в Аделаиде около одиннадцати часов. Обслуживание в ресторанчике здесь напоминает наше самообслуживание в столовой. Свою языковую проблему и в этот раз разрешил при помощи пальцев, указывая на блюда, какие хотелось отведать. А когда подошел рассчитываться, снова возникла проблема. Меня спросили: «Что вы будете пить?» Это я понял потому, что было произнесено слово «дринк». И тут я нашелся, сказав «кофе». Почти на протяжении всего пути, а ближе к Сиднею особенно, местность по обеим сторонам трассы сильно пересеченная - сопки, горы, покрытые лесом. Во многих местах встречаются довольно солидные валуны. Большие подъемы и спуски. И повсеместно - фермы и скот.

Примерно за два часа езды до Сиднея разразилась гроза. Казалось, гром взрывает камни гор. Потоки ливня застилали окна автобуса. «Дворники» не успевали счищать воду с лобового стекла, и оно запотевало изнутри. Водитель наполовину сбавил скорость, что задержало наше прибытие на место на двадцать минут. И на мою остановку «Стратфелт» автобус прибыл не в 20.00, а в 20.20 ч. Василия Морозова, приехавшего меня встречать, я увидел еще из окна салона. Я узнал его, хотя мы не виделись более сорока лет. Выглядит он молодожаво, абсолютно без седины, хотя и старше меня на два года. При встрече на «Стратфелте» Василий меня узнал только потому, что ждал именно меня. Встретив на улице, конечно же, он бы меня не узнал ни за что.

От остановки «Стратфелт» до усадьбы Василия не очень далеко. Ехали по вечернему Сиднею, и я обратил внимание, что город этот расположен на пересеченной местности. Широкие улицы то поднимались на холмы, то опускались в лощины. Позднее я узнал, что Сидней занимает большую площадь потому, что здесь, как и по

всей Австралии, много одноэтажных и двухэтажных коттеджей, а по числу населения - это самый большой город в стране. В других городах русское население живет компактно, но здесь - на довольно значительном расстоянии друг от друга. Тем не менее, все часто встречаются. В Сиднее из моих родственников живут шесть семей Морозовых, семья Стаценко, из друзей - два брата: Владимир и Виталий Патрины, Василий Русанов, Сергей и Василий Семеновы, чета Татариновых. Но за пять дней моего пребывания в этом городе со всеми повстречаться мне не удалось.

В Сиднее издается единственная на всю Австралию газета на русском языке «Единение». Это еженедельник формата А-3. Тираж ее где-то в пределах семи тысяч экземпляров. Часть ее идет читателям, а часть продается в розницу. Как и большинство газет, издание себя не окупает, хотя подписная цена на год довольно высокая - 75 австралийских долларов, а стоимость объявлений 1 кв. см в одной колонке стоит три доллара. Тем не менее, газета получает солидные дотации от спонсоров. С ее редактором Юрием Константиновичем Амосовым по телефону я познакомился уже на второй день после моего прилета в Австралию. В этот же день мне звонил Алексей Ивачев - редактор русского радиовещания.

С Амосовым и Ивачевым я договорился встретиться в редакции газеты на следующий день по приезду в Сидней. Утром 26 марта мне позвонил, а затем приехал Василий Русанов, и с ним мы отправились в редакцию. Два с половиной часа длилась наша беседа. Их интересовало много, в том числе в газетном производстве. Естественно, в техническом плане они были оснащены прекрасно, да и зарплату их с нашей не сравнить. Среднемесячный заработок редакционного сотрудника равен двум тысячам австралийских долларов, или 1400 американских. Но при этом они жаловались мне, что бедновато живут, что гонорары крошечные. Оставил я им пять своих рассказов, не знаю, опубликовали их или нет?

О Сиднее можно рассказывать долго. Это красивый и богатый город. Поражает то, что многие магазины, кафе и рестораны в центре города работают допоздна. Богатейшая реклама. Улицы освещены довольно ярко. Люди не торопясь прогуливаются в свое удовольствие. Некоторые заходят в рестораны национальной кухни или кафе и подолгу ведут неспешные беседы за кружкой пива или чашечкой кофе. Молодежь шумными стайками устремляется на танцевальные площадки в клубы или на ярко освещенные спортивные площадки, где играют допоздна. Надо сказать, что во всех городах Австралии множество молодых парней и девочек активно занимаются спортом. Некоторые мои знакомые увлекаются несколькими видами и имеют соответствующие награды, кубки и т.д. Но не мало и других, что стоят поздно вечером на бойких местах, вызывая оголив колени. Есть и такие...

Двадцать девятого марта утром, в предпоследний день моего сиднейского вояжа, братья Патрины повезли меня к себе на дачу на побережье Тихого океана. Расстояние не близкое - около 100 километров. Очаровательные пейзажи начались сразу за городом и не исчезали на протяжении всей прогулки. Дорога лентой пролегла меж высоких лесистых гор, а местами в буквальном смысле пересекала их, и тогда по обе стороны на многие сотни метров, а то и на несколько километров мы оказывались стесненными высочайшими каменными стенами.

Место, куда меня привезли, никак не напоминало дачу в моем понятии. Здесь я не увидел ни огородов, ни теплиц, ни садилов с малинником и смородиной. Здесь был просто курортный городок с множеством стоянок автомобилей, баров и кафе, ресторанчиков, а также поздно разгуливающих или загорающих на пляже, или играющих в мяч на спортивной площадке отдыхающих. Дачей же братьев Патриных оказалось прекрасное кирпичное строение, с большой застекленной верандой, которое они сдают в аренду и имеют от этого неплохой доход. На этот раз нам не повезло: арендаторов не оказалось дома и мне не удалось полюбоваться «дачей» изнутри. Но

зато какое удовольствие я получил от посещения тихоокеанского побережья! С высоты выступающего мыса на многие километры вдаль уходила блестящая на солнце гладь воды. Волны с такой высоты вдали не были заметны. Чувствовалась мощь дыхания океана и, маленькими точками виднелись на горизонте силуэты идущих кораблей. За эту картину я навсегда останусь благодарен своим друзьям, этот день очаровал меня! Уже назавтра, то есть 30 марта рано утром, я взял курс на Мельбурн на точно таком же автобусе, на котором ехал сюда, с собаками по бокам. На этот раз поездка обошлась без суеты и волнений.

Но час пришел, пора расстаться

Вернувшись из Сиднея, я еще неделю поработал с ребятами на стройке, а затем начал собираться в Россию. Друзья и родственники предлагали продлить визу еще месяца на три, но я решил, что пора возвращаться, так как дома дела тоже не ждут, тем более что весна у нас, как говорится, на носу. И все же сородичам удалось уговорить меня вылететь не 15 апреля, на которое были куплены билеты, а двадцать первого, чтобы Пасху встретить не в дороге, а на месте, в Австралии. Переоформить билеты не составило труда, стоило лишь позвонить в авиационное агентство, объяснить ситуацию и все в порядке. Необходимые отметки в билетах сделают в день отлета в аэропорту.

Я еще раз на три дня уехал в Джелонг, чтобы попрощаться с родственниками и земляками. Пренеприятная это вещь - прощание, особенно с пожилыми людьми. Наверняка знаешь, что больше встретиться на этом свете не доведется. Но... ничего не попишешь.

В Данделонге уложили с сестрой Татьяной багаж и за десять дней до отлета вызвали агентов компании, занимающейся отправкой багажа. В назначенный день приехали на микроавтобусе три молодых китайца, быстро упаковали наши сумки в привезенные с собой коробки, так что мне оставалось только написать на них фломастером свой российский домашний адрес. На все ушло минут 30-40. Выписав квитанцию и погрузив коробки в машину, агенты уехали, заверив, что за день-два до моего прилета в Москву багаж будет уже там. Вещи были отправлены оперативно, без волокиты. За всю операцию я уплатил 317 австралийских долларов.

К встрече Пасхи православное население Австралии готовится основательно. Последнюю неделю в храмах ежедневно идет богослужение. Хозяйки пекут куличи, всевозможные ватрушки и постряпушки, готовят мясные холодные закуски, а в чистый четверг красят яйца. На гостинцы ребятам в магазинах закупают разноцветные шоколадные яйца размером от гусяного до голубинового. Празднично украшают квартиры, прибирают дворы и приусадебные участки, в чем я принял самое активное участие.

Первый день Пасхи встречали в доме племянника Николая Морозова. Собрались родственники и его друзья. С Николаем я был знаком ближе, чем с другими. Первый раз мы встречались в 1977 году в Одессе, куда он с отцом Степаном (ныне покойным) приезжал в институт Филатова лечить зрение. Внешне красивый, богатырского роста, он, обычно веселый, обладающий тонким чувством юмора, на этот раз был очень грустным. А когда я шуткой спросил его, почему он не в праздничном настроении, он с дрожью в голосе сказал: «Жалко, дядя, что уезжаешь. Я привык к тебе, да и девчонки наши (его дочери) к тебе тянутся. Старшую вон писать по-русски учил. У них деда-то нет. А ты баловал их». А сестра Татьяна добавила: «Что поделаешь, встречали - радовались, провожаем - плачем».

По воле судьбы расставание наше произошло даже раньше, чем мы рассчитывали - не 21, а 20 апреля. Компания «Кантас» изменила время рейса на Сингапур. О том, что вылет из Мельбурна перенесли на день раньше, мы узнали 19 апреля во

второй половине дня. Все пришлось в спешном порядке менять. Татьяна с племянницей Валей сообщили родственникам в Джелонг, что я вылетаю уже двадцатого, оповестили родственников и друзей здесь, в Данделонге, чтобы уже сегодня приехали на проводы.

Утром 20-го снова собрались родственники и друзья, чтобы проводить меня в аэропорт. Там в считанные минуты я прошел через необходимые формальности, зарегистрировал авиабилет, сдал свои чемоданы и успел еще приобрести кое-какие сувениры. В ожидании приглашения на посадку в последний раз побеседовал с провожающими.

И вот объявили посадку. После обычных в таких случаях объятий и поцелуев, я двинулся к выходу. Уже в дверях, оглянувшись, увидел столпившихся кучкой родных мне людей, машущих вслед руками. Остановившись, я тоже помахал им свободной рукой, мысленно говоря: «Прощайте! Увидимся ли когда-нибудь еще?!»

В 16.00 ч. «Боинг-747» взял курс на Сингапур, куда мы прибыли в 23 часа 30 минут местного времени, пробыв в воздухе 8 часов 30 минут. Здесь мне с попутчиками предстояло провести почти сутки в ожидании нашего рейса на Москву. Агенты сингапурского аэропорта вместе с вещами отвезли нас в центр города и разместили в отеле «Апполо», где мы переночевали и находились весь следующий день.

С городом Сингапуром знакомство состоялось на следующее утро. Город большой. Много высотных домов, очень много жителей, так как через Сингапур проходит большое количество туристических маршрутов. Здесь пересекаются многие воздушные и морские пути. Сингапур - это, по сути, город-государство. С трех сторон он омывается морями, что сказывается на климате. Близость к экватору делает его тропическим. Высокая влажность воздуха и температура создают впечатление, будто в предбаннике находишься. Такое ощущение сохранилось даже после грозы и проливного дождя. Думаю, что мы, сибиряки, в таком климате жить не смогли бы. Во всяком случае, я больше полутора часов на улице находиться не мог. Укрывался в отеле, где есть кондиционеры. Говорят, что Сингапур - один из самых чистых городов мира. Но, поверьте, против австралийских городов в этом плане он проигрывает. Товаров в магазинах здесь много, причем по весьма доступной цене. На улицах можно увидеть ресторанчики под шатром, и под такими же шатрами - храмы, где проходят службы под китайскую музыку. Здесь много экзотического, незнакомого нам можно увидеть.

В половине седьмого вечера нас пригласили пройти с вещами в микроавтобус и повезли в аэропорт для продолжения путешествия. После часового ожидания, оформления документов и сдачи вещей мы вновь оказались в салоне российского аэробуса А-310. Теперь мы вздохнули с облегчением, потому что оказались в знакомой обстановке. Здесь все говорят на родном нашем русском языке. Радостно это было ощущать! В 22.05 сингапурского времени 21 апреля наш самолет взял курс на Объединенные Арабские Эмираты.

Домой!

Через семь с половиной часов лета наш самолет приземлился в Эмиратах в аэропорту Дубае. Пока производилась дозаправка аэробуса и смена экипажа, пассажиры разбрелись по магазинам, занимающим практически весь нижний этаж. Несмотря на то, что был час ночи, все они работали. Ровно в 3 часа утра 22 апреля А-310 поднялся в воздух, а через 5 часов в 8.00 ч. приземлился в Москве. Российская Федерация встретила нас традиционно уже в Шереметьево. Триста пассажиров авиалайнера, пройдя огромный вестибюль, оказались перед одной единственной работающей стойкой погранслужбы. Представьте себе столпотворение. Через некоторое время офицер объявил: «Российские есть? Проходите влево!» Действительно, там начали

работать еще две стойки, и мы российские, быстренько прошли досмотр и вышли в зал для получения своих вещей. На таможене проблем не было. В зале меня встречал сын Володя (ныне покойный).

Время было раннее, и мы надеялись быстро получить багаж в грузовом аэропорту Шереметьево-2. Наивные мы люди! Потолкавшись в очереди, мы оказались перед окошком агента по багажным перевозкам. Изучив наши квитанции, ярко размалеванная дама проверила свою картотеку, затем переговорила с кем-то по внутренней связи и сообщила нам, как отрезала: «Ваш груз еще не пришел. Будем делать запрос в Лондон. Вот вам телефон - звоните часов в пятнадцать». Естественно, мы были в недоумении, потому что знали по рассказам бывалых путешественников, что багаж, отправленный таким образом, приходит дня на два раньше самого пассажира. И еще недоумевали: «При чем здесь Лондон?» Но что делать, ведь нам же русским языком сказано, что не пришел. Мы с Володей поехали к своим родственникам на улицу Нижегородскую. Доехали на автобусе до станции метро «Речной вокзал». Перед входом в метро стояли старички и старушки, девчонки и мальчишки и торговали всякой мелочью: дешевыми сигаретами, водкой и пивом, разными побрякушками кустарного изделия. И до того показались они мне жалкими и убогими, что к горлу подкатил комок, и я остановился.

«Ты что папа?» - обернулся обогнавший меня Володя. - «Да в горле что-то переохло. Сейчас поьем».

Я купил у одной старушки пару бутылок пива.

В пятнадцать часов багажный агент Шереметьева сообщила нам, что наш багаж только 27 апреля будет отправлен из Лондона. Звоните, мол, в этот день во второй половине дня.

Побродив пару дней по Москве, мы с сыном решили съездить в город Чехов, что в полутора часах езды на электричке по Курскому направлению. Там у нас тоже жили родственники.

Чехов - город старинный, имеет свои достопримечательности. В воскресенье наша «чеховская родня» - Лиза и Виктор - решили показать нам город. Погуляв в центре, мы отправились к Пушкинской усадьбе. Там есть огромный парк, где в пяти огромных прудах, связанных между собой проточной водой, когда-то водилась рыба, здесь люди катались на лодках, а водоплавающие птицы косяками рассекали водную гладь. Но эти пруды давно были заброшены, в них плавал мусор, и поверхность воды зацвела какой-то зеленью. Парк завален старой листвой, кучами мусора. Скамейки частью поломаны, частью перевернуты. Танцплощадка наполовину сожжена, эстрада повалена набок. Поднявшись на взгорок, мы очутились около старинного храма. Сам храм был отреставрирован, в нем велись службы, но в ограде - запустение и хаос. Здесь много старинных захоронений, в том числе могила генерала, сына поэта А.С. Пушкина. Однако памятники в полуразрушенном состоянии, многие надгробия поломаны. Не в лучшем виде и сама усадьба - большое двухэтажное здание. До недавнего времени ее использовали как спортивную базу. Сейчас закрыли на реставрацию. Увидев, в каком плачевном состоянии, находится, по сути, российское национальное богатство, невольно вспомнил австралийский Балларат, и подумал, а почему бы не привести все это в божеский вид да не открыть доступ для туристов. Думается, что затраченные средства окупятся бы сторицей, сохранился бы в первозданном виде уголок русской истории, море впечатлений получили бы посетители, а местная администрация - устойчивый доход в бюджет. Хотелось бы верить, что придет такое время!

В назначенное время, 27 апреля из Чехова я позвонил агенту грузового аэропорта и то, что я услышал, меня не просто возмутило, поразила дикая безответственность наших российских клерков. Мне сообщили: «Да, я помню о вашем багаже.

Занималась. Он пришел еще 21 апреля, просто бумаги ко мне не поступили вовремя».

Вот так!!! К ней бумаги не поступили, а мы вдвоем неделю баклуши били в Москве. И обидно, что концов не найдешь и пожаловаться некому. Предъявили мы им на завтра, то есть 28-го апреля, претензии, но, вместо компенсации расходов, с нас же содрали около 500 рублей за так называемую наземную обработку и хранение нашего багажа! Далее мы потратили целый день, чтобы получить наш злополучный багаж, угробив при этом немало сил и нервов. Но на этом злоключения не кончились. Билеты на поезд до Барнаула приобрели только на 30 апреля, и то в разные вагоны. За трое суток в камере хранения уплатили мы еще около 300 рублей. А от запросов носильщиков на Казанском вокзале в день отъезда волосы встали дыбом. Чтобы отвезти вещи из камеры хранения к вагону, требовали по двести рублей. Мне с трудом удалось уговорить одного полупьяного носильщика пособить нам за 100 рублей. Но оказалось, что это еще не все. Вход на платформу перекрыли шлагбаумом два омоновца. Опять требование: багаж не габаритный, доплачивайте. Доплатили. Затем, чтобы не тронули рэкетеры в пути и при посадке в вагон, пришлось по совету попутчиков нанять милиционера. За сотню. Благо он рядом стоял. Но впереди нас ожидал еще один барьер. Оказывается, теперь за так называемый «негабаритный багаж» нужно еще и проводнику очередную сотню отвалить.

Преодолев все преграды, уже сидя в вагоне, я глядел в окно, а в голове крутилась невесть откуда пришедшая на память фраза: «Это твоя родина, сынок!»

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИДЕИ

Словосочетание «русская идея» знакомо хотя бы понаслышке едва ли не всякому нашему соотечественнику. Невольная политизация и связанная с ней эмоциональность проявились в философских дискуссиях о русской идее, в том числе на российских философских конгрессах: одни усматривают в русской идее мессианство, другие - национальное самомнение утраченного имперского сознания, третьи - проявление чистоты православной веры...

Политики рубежа XX-XXI веков вспомнили о русской идее, даже пытались поставить перед своими советниками задачу выразить современное звучание русской идеи, в этом одновременно сказалась и верная интуиция необходимости поиска основы для духовного подъема нации, и совершенное непонимание специфики русской идеи, которая не может быть изобретена политиком или его советником, а тем более навязана народу. Политик может лишь уловить рождающийся в народе духовный порыв, осознать особенности народной души, ее способность и готовность направить все силы на движение к значимой для всего народа цели.

То, что именуют национальной идеей, лишь отчасти может быть выражено словом или словами. Это не идея в сугубо рационалистическом значении, ибо в национальной идее скрыта не столько мысль, сколько одушевление, поэтому такую идею пытались выразить не только философы, но и писатели, психологи или, во всяком случае, философы, тонко, проникновенно чувствующие душу и дух народа.

Приходится невольно удивляться прагматизации русской идеи, ее отождествлению с удовлетворением насущных материальных нужд народа, особенно если такая прагматизация исходит от знатока русской литературы. Возможно, А.М. Панченко немного юродствовал в беседе с журналистом, не зря он написал книгу о смеховой культуре древней Руси, но все же напечатанная мысль воспринимается читателями без юмористического подтекста, тем более, если прочитана она в информационном еженедельнике «Аргументы и факты» (2000. № 35 (1036). С. 3): «Власть ищет национальную идею. Ну, какая может быть национальная идея! Мы - страна многонациональная. Более или менее сносно жилось бы - вот и вся национальная идея».

О нашей многонациональности не один только Панченко говорит так, будто где-то есть большие и даже не очень большие страны, которые лишены многонациональности. Даже Соединенные Штаты Америки постоянно говорят об американской нации как едином целом, о национальных интересах США в мире, а уж полиэтничность этой страны несопоставима с Россией. Как-то неловко оправдывать нелепость высказывания академика А.М. Панченко, конечно же, знавшего, что и Достоевский писал о русской идее, и С.Н. Булгаков, и В.Ф. Эрн, и И.А. Ильин, и П.Б. Струве. Едва ли можно предположить, что страна, в которой русскими себя считают более 80 процентов населения, не может иметь единой культурной основы, где не только территория

и язык, а духовная культура объединяет едва ли не весь народ страны (естественно, каждый народ не принижается в своей культуре из-за своей малочисленности, но непредвзятый исследователь знает, что русская культура в большей или меньшей степени воспринята всеми народами России). И уж совсем неловко обсуждать после всего, что было написано русскими мыслителями о национальной идее, чисто физиологически потребительское: «Более или менее сносно жилось бы - вот и вся национальная идея».

Остаться русским, сохранить русскость - значит нести в себе духовность, сокровище нашей истории, духовность русскую, соединившую в себе вселенские Истины христианства с сердечной восприимчивостью, давшую то, что называл И.А. Ильин просветленной чувственностью, христиански просветленной чувственностью. Учитывать полноту русской духовности - это значит не противопоставлять христианство, православие языческим корням русской чувственности, русского характера, но и не сводить русскость к абстрактно толкуемому христианству или язычеству, не соотносить с конкретным развитием русского человека в российской истории.

А.В. Гулыга подметил: «Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует»*. Печально, что во власти нынче немного тех, кто сознает и чувствует значение духовности в стратегиях развития России. Изобилие колбас на витринах магазинов создано; конечно, следует позаботиться и о том, чтобы эти колбасы были по карману всем, кто в них нуждается, но никогда русский человек, если он остается именно русским, не удовлетворится утробным смыслом жизни: ежедневное колбасно-пивное обжорство не может стать смыслом бытия русского человека и русского народа. Если бы такой смысл реализовался, а он и реализовался в части населения (в данном случае - населения, а не народа!), то это бы означало духовную деградацию, исчезновение русского народа с его духовными качествами правдоискательства, праведности, совестливости, ответственности перед Отечеством, его прошлым и будущим.

Происходит стремительная рационализация человеческого бытия, это грозит угасанием сердечности, душевности, тепла человеческих отношений, которыми всегда отличался русский человек. «Можно многое не сознавать, а лишь чувствовать», - подсказывал нам Ф.М. Достоевский**. Может быть, потому и выразила себя русская идея не в трактатах философов, а в художественных произведениях Достоевского, Лескова, Шмелева, Шукшина, Распутина, что она принципиально невыразима на языке рассудочных категорий, дискурсивно. Гоголь назвал «Мертвые души» поэмой, то есть обозначил жанр, относимый обычно к стихотворной форме. Вся русская проза поэтична, поэтична и вся русская философия, ибо она жива вдохновенным проникновением в тайны человеческой души, в тайны чувствования.

Писатель Виктор Некрасов, эмигрировавший в хрущевские времена, после двадцатилетней разлуки сумел приехать погостить на родину. И вот идет он по московской улице, а навстречу - мужик с авоськой, в которой трехлитровая банка с темной жидкостью. Писательский взгляд невольно зацепился за эту банку, но и мужик оказался зоркий, поймал внимание прохожего. «Кваску хочешь?» - по-родственному предложил мужик. Писатель прослезился: он встретил русского человека, он, если приземлить философскую мысль к жизненному эпизоду, встретил русскую идею. Писатель, повидавший многие страны, вдруг в один миг осознал, что такая открытая, сердечная, домашняя и в высшей степени христианская фраза может прозвучать только в России. Скажут, таков русский менталитет. Можно в конце концов смириться

* Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 13.

** Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб., 1900. т. 22. С. 172.

и с этим словечком, без которого обходился живой великорусский язык, собранный в толковом словаре Владимира Даля, и которого не найти даже в словарях иностранных слов десятилетней давности. Если все оттенки русской природы, русского характера, русского духа, бездонных в своей тайне, не сумела постичь даже неисчерпаемая в духовных и языковых глубинах русская литература, то, конечно, проще всего упрятаться за абстрактную отмычку - менталитет.

Чуткое ухо, умеющее различать внутреннее звучание слов, улавливающее истинно русское страдание: «Мне бы только о душе не забыть!» - страдание, выраженное пронзительно в прозе Шукшина, никогда не спутает шукшинское восклицание «Душа болит!» с психиатрическим диагнозом душевной болезни. В русской литературе душа и дух неразделимы, психологические и рационалистически-философские истолкования этих категорий объясняют многое, но теряют ту самую тайну, которая открывается сердцу русского писателя, мыслителя, чувствующего душу и дух русского человека.

Русская идея принадлежит к коренным исканиям русской нации в истории. Из книги в книгу историки русской философии переносят сведение о том, что впервые выражение «русская идея» обнаруживается у Ф.М. Достоевского, и датируют его рождение 1861 годом. Между тем речь идет о термине, о словосочетании, ибо само явление появилось вовсе не в XIX веке, а много веков назад. Точно так же, как родовым понятием «национальная идея» Гердер и Гегель лишь удачно обозначили издревле существовавшую духовную силу наций, порождающую взлет во всех сферах жизни и культуры.

Русская идея была всегда и будет до тех пор, пока есть русский народ, неповторимый в своих духовных деяниях. Русскую идею никогда никто не выдумывал, она обнаруживала себя в стремлениях народа к высоким целям, в самобытности души русского человека, которую иноземцы воспринимали как загадочную, непредсказуемую, она и была бездонно таинственной при всей простоте внешних проявлений; эту бездонность постигаем мы в общении, в поступках, в сказочных повествованиях, в русской литературе, песнях, музыке. Поэтично и выразительно сказал Вяч. Иванов: «Национальная идея есть самоопределение собирательной народной души... упреждающее исторические осуществления и потомудвигающее энергии»*. Такое самоопределение народной души выражалось на Руси первоначально как идея собирания земель, идея объединения. Соборным порывом эта идея проявилась перед лицом нашествия кочевников, и кульминацией такого порыва стала Куликовская битва, она создала из разрозненных княжеств великий народ, получивший духовную силу от святого Сергия Радонежского.

Достоевский подметил в Пушкине самую русскую национальную способность - всемирную отзывчивость. Недруги России тщатся приписать русским некую национальную агрессивность, «имперские амбиции» - этот штамп ныне особенно в ходу. С недругами спорить бессмысленно, целебнее прислушаться к тем голосам, в том числе и западным, которые сознают, что Россия созидалась духовностью, и эта духовность притягивала многие народы, соединяла их в могучее государство. Вальтер Шубарт, в пору нараставшего нацистского угара, осознал особую миссию для европейского спасения русской идеи. «Особенностью русских, - считал он, - является то, что у них почти любое явление культурной и часто даже политической жизни приобретает религиозную окраску»**. Национальной идеей русских Шубарт называл «спасение человечества русскими», духовное спасение от индивидуализма, потребительства, вещизма, а «вопрос: в чем предназначение русских на Земле? - тут

* Иванов Вяч. О русской идее // Родное и вселенское. М., 1994. С. 363.

* Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 153.

же оборачивается другим вопросом: в чем предназначение человека на Земле?.. Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею - идею спасения человечества^{*}. Христианское учение о спасении человека и человечества, сотериология, входит в существо русской идеи. Нетрудно видеть, что Шубарт был внимательным читателем собрания сочинений Достоевского и пытался передать западным читателям смысл размышлений русского писателя.

Силу русского духа Ф.М. Достоевский усматривал в стремлении ее, «в конечных целях своих, ко всемирности и всечеловечности»^{**}. Стать русским - значило для Достоевского быть братом всех людей.

Эта подмеченная нашим национальным мыслителем черта определила ненасилственный по преимуществу путь исторического расширения территориальных пределов России, не сопряженный с истреблением немногочисленных народов тех или иных территорий. Хорошо известно, насколько различными, до противоположности, были способы завоевания Америки и Сибири. Россия давно уже прирастает Сибирью не только материально, но и духовно. Русский национализм принципиально отличается от национализма в общепринятом его истолковании, это наднациональный национализм, лишенный племенной, зоологической кичливости, национального самомнения и эгоизма. Русский национализм - это духовный национализм, нацеленный на единение отдельных людей и народов на основе высших идеалов братства, правды, мира, державности, любви.

И даже русская идея, как идея сильной государственности, идея империи - вовсе не тождественна имперской идее Рима, Византии, а тем более фашистской Германии. Строительство Российской империи преобразило идею империи. Никакого подавления, а тем более истребления, народов в угоду титульной нации в России не происходило, в иных местах и в некоторые времена (в советские особенно обнаженно) положение русских оказывалось более ущемленным, чем национальных окраин или национальных республик.

Теоретики российской монархической государственности были убеждены, что империя - это мир. Исторические подтверждения тому многочисленны, в том числе и негативные: когда империя распадалась - нарастали конфликты между народами. Трудность устойчивого сохранения империи и монархии (не имеющей ничего общего с тиранией) Л.А. Тихомиров видел в том, что такая устойчивость достижима при наличии «живого и общеразделяемого идеала»^{***}, то есть объединяющей духовной силы. Дух единения вспыхивал в России во все опасные не только для самой России, но и соседствующих с ней стран времена. И это тоже было духовным светом русской идеи, неосознаваемым многими, но мощным, собравшим силы народов, которые без такой объединяющей духовной идеи не опрокинули бы фашистскую машину порабощения.

С XV столетия Русь стала средоточием православия и в народе родилось название - Святая Русь. Защита православной веры, преклонение перед идеалами христианской святости, бытовое исповедничество, духовно просветленное выстраивание жизни каждого человека и народа в целом - все это соединилось в русской идее Святой Руси.

Затем и вместе с тем русский народ захватила идея Великой России - это тоже было конкретно-историческим воплощением русской идеи, не утратившей своей силы и духовного импульса в советский период жизни России.

^{*} Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 194.

^{**} Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. СПб., 1900. Т. 21. С. 445.

^{***} Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 668.

Нынче перед русским народом, перед каждым русским человеком вырастает русская идея во всех ее исторических воплощениях: требуется и собирание земель, и возрождение духовности Святой Руси, и созидание Великой России. И во всем этом главное - сохранить русскость, остаться русским народом.

Быть русским - значит быть православным. Повторяя эту мысль Достоевского, не следует совершать логическую и содержательную ошибку, переворачивая эту мысль в иную формулу: быть православным - значит быть русским. Во-первых, православную веру несут в мире не одни русские, но и греки, сербы, грузины, болгары, многие народы или их представители; во-вторых, русскость самих русских не сводится только к православной вере, хотя исторический облик и дух русского народа, как и отдельного русского человека, пронизан православием. Пытаться перечеркнуть тысячелетнюю историю Руси-России, представить ее как искажение некоего чистого проявления русскости в языческом мире зарождающейся Руси - значит встать в один ряд с хулителями России и русского человека, ибо Россия и русский человек таковы, какими и создала их история специфического преломления христианского верования в конкретных людях, обретших в этом преломлении, взаимодействии неповторимую духовность, душевность, многообразные, но именно русские характеры.

Случались времена, особенным оказался в этом отношении век двадцатый, когда русские люди теряли воцерковленность, даже демонстративно противостояли Церкви, хотя, не сознавая того, несли в себе дух православия, дух любви к ближнему, милосердия, братства, соборности, дух поклонения историческим святыням и святым: если, например, во время Великой Отечественной войны русские воины чтили Александра Невского и Федора Ушакова, то небольшой шаг нужно было сделать душе, чтобы принять их и как святых. Василий Шукшин не был вполне воцерковленным человеком, но повернется ли у кого-то язык сказать, что Шукшин не был русским человеком или что он не создал в литературе живые характеры русских людей?! Конечно, эта притаившаяся православность не могла бесконечно, из поколения в поколение передаваться лишь семейными традициями, семейным воспоминанием, личным примером духовно-нравственного поведения родителей. Без опоры на Церковь, на евангельские заповеди, на молитву не может удержаться православная духовность, а стало быть, и основной стержень русскости.

Нынешнее возвращение в Церковь, приобщение к православию, воцерковление - существеннейшая основа сохранения русскости, но не забудем о том, что в православную Церковь идут не только русские и, приобщаясь к православию, они по праву остаются грузинами, евреями, чувашами, белорусами, они хранят свою национальную неповторимость, культуру, обычаи, психологию; в равной мере, чтобы удержать в дальнейшем русскость, мы обязаны, прежде всего, строить воспитание, просвещение в опоре на национальные традиции культуры. Русскоязычность не тождественна русскости: на русском языке может говорить кто угодно и реально говорят многие народы, поэтому заменить, как это делают некоторые политики и журналисты, точное слово русские аморфным «русскоязычное население» - значит сознательно или бессознательно способствовать устранению русскости, русского народа, русской культуры.

В сохранении русскости нельзя безразлично отнестись и к подмене русского российским, к вытеснению словосочетаний русский народ, русская культура, русская литература, русская музыка, русская интеллигенция, русская идея: в книгах, газетах, телепередачах то и дело читаем, слышим о российской культуре (будто нет уже самостоятельных национальных культур - русской, татарской, якутской и других), о российской интеллигенции и т. д. Можно извести много страниц на обоснование разницы российской и русской, но русский композитор и мыслитель Георгий Свиридов сумел выразить эту разницу, это несоизмеримое несовпадение одной образной фра-

зой: «Россиянином может стать и папуас». Нелепо называть Пушкина, Достоевского, Шукшина, Распутина российскими писателями, они - русские писатели, они - выразители русскости в литературе, которую совершенно определенно называют русской литературой. Россияне - мы все, живущие в России: и дагестанцы, и буряты, и удмурты, и вепсы, и русские. В культуре, во всех ее проявлениях (народной, религиозной, бытовой, профессиональной) мы, если останемся народом, а не безродным населением, сохраним национальное лицо, не исчезнем как народ, как личности.

Иван Александрович Ильин сказал много прозорливых и беспощадно честных слов о России, очень емко он сказал и о русской идее: «Плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираясь под чужими окнами. Мы Западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру - из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом - смысл русской идеи»*. Коль удержим в себе русскость, русскую душу, русские характеры, русскую культуру, русские исторические традиции - будем интересны и ценны другим народам, как были до сей поры ценны неиссякаемыми национальными гениями, талантами. Созидатели культуры, просветители (в широком звучании этого слова - священники, педагоги, журналисты, писатели, политики) не могут оставаться безучастными созерцателями, констатирующими денационализацию молодежи или примитивные проявления племенного, зоологического национализма.

Мы обязаны знать, что народы, нации, государства исчезали, растворялись, если отворачивались от своей культуры. В наше время, когда небывало сильны информационные средства, средства просвещения, как и антипросвещения, судьба русской культуры, русскости во многом зависит от субъективных усилий власти, народа, каждого человека, дорожащих своей историей и принадлежностью к великой культуре.

---

* Ильин И.А. О русской идее // Русская идея. М., 1992. С. 441.

Галина УЛЬЯНОВА

«НА КРАЮ ОБРЫВА...»

Нам не хватает Шукшина особенно сейчас.

В. Белов.

- Когда умер Шукшин?
- Сколько ему было лет?
- Почему он так рано умер?
- А, правда, что он умер не своей смертью?

Такие или примерно такие вопросы задают посетители музея В.М. Шукшина в Сростках наряду с вопросами о его жизни, творчестве, женах, детях, родственниках...

С женами, детьми и родственниками разобрались давно. Объяснить - труда не составляет особого.

Творчество? Ответ тоже может быть коротким: «Читайте Шукшина. У него ответы на все эти и много других вопросов».

Как быть с вопросом «Почему он так рано умер?». Правда, почему?

Тем более, что за последние годы появились публикации, в которых высказаны различные предположения людей, близких и не очень близких Шукшину, по поводу причины его смерти...

Не берусь вести судебное расследование. Нет! Конечно, нет!

А вот - литературное (или назовите, как угодно) - провести, я думаю, необходимо.

Может быть, в этих вопросах (если их задают люди думающие, взрослые) не столько простого человеческого любопытства, сколько непреходящей горечи утраты и необходимости присутствия В.М. Шукшина в нашей жизни, настоящей?! Как надежда на то, что «заступник найдется»? Может и такое быть. Пишут ведь в Книгах отзывов музея, называя В. Шукшина «Совестью русского народа», «Гордостью России», «Истинным Сыном земли Русской»...

Много таких исповедальных слов можно прочесть.

Но.... Давайте не будем гадать и мудрствовать, а обратимся с этим вопросом (Почему так рано ушел из жизни?) к самому Шукшину.

Он знает об этом лучше других. Говорил об этом, писал...

Только тогда его не слышали, не хотелось слышать, а, может, не умеем мы услышать и понять друг друга.... Понимание приходит позднее...

Давайте вспомним кое-какие факты биографии писателя.

Год 1933-й... Арест отца... Страх и безысходность матери... Решение ее уйти из жизни вместе с детьми... Случай спас, соседка постучалась...

Учеба в автомобильном техникуме города Бийска пришлась в жизни Василия Попова (Так он неофициально был записан в школе и техникуме) на последний военный и первый послевоенный годы...

А какие они были, не знает только тот, кто не хочет знать.

Полуголодные, полураздетые пацаны добирались до дома пешком по тридцать километров зимой по полям (чтобы сократить путь до дома), где часто рыскали голодные и обнаглевшие за годы войны волки.

И опять *Кто-то* помог... Смогли выйти к поселку, поджигая при этом пучки соломы и отпугивая огнем зверье... Не судьба или судьба?

1947-ой - не легче. Отъезд из дома в «никуда». Почему, зачем?

И это было для Василия, теперь уже Шукшина, таким суровым испытанием и такой школой жизни, о которой он не мог поведать даже близким людям.

На вопрос сестры Натальи («Таля» - звали ее в семье) в одном из писем уже во время службы в армии, Шукшин отвечает сестре:

«В отношении нашего старого: милая моя, не могу удовлетворить твоей просьбы... Прошедшую жизнь рассказать тоже не могу. Однажды я поклялся никому и никогда не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно. Она, бедная, уж и не спрашивает теперь...».

О чем не хотел вспоминать и рассказывать даже самым близким людям, матери в том числе? Хотя с ней иногда был предельно откровенен.

Очень не легко и не безопасно, похоже, было Шукшину в те лихие сороковые... Вдали от дома, от родных людей, друзей, родных мест...

Уникальным в смысле пророчеств, прямо скажем, можно считать письмо сестре 1961 года. После смерти ее мужа Александра Зиновьева.

Вот отдельные строки известного многим письма:

«Мы все где-то ищем спасения. Твое спасение в детях. Мне - в славе. Я ее, славу, упорно добиваюсь. Я добьюсь ее, если не умру раньше.

Родные мои. Скоро у меня будут деньги (тьфу! тьфу! тьфу!) - я думаю, что мы заживем в одном смысле хорошо, а в другом...

А в другом - все на твоём сердце: сумеет - вынесет, не сумеет - крах».

Это же Программа всей последующей жизни В. Шукшина... И эта Программа им выполнена почти полностью. Все случилось именно так, «все на сердце».

Иначе не мог, знал, но не хотел иначе.

В этом же письме две взаимоисключающие друг друга мысли:

- Живые должны жить. Ведь это правда: мертвых на земле больше, чем живых. И если нам подчиниться закону мертвых, то надо складывать руки и спокойно уходить из жизни. Но живые диктуют нам свой закон - живи!

Это жизнеутверждающее настроение сменяется прямо противоположным состоянием:

- Признаюсь тебе: я завидовал Саше. Я хочу, чтобы меня тоже похоронили на нашей горе и чтоб вид оттуда открывался широкий и красивый...

Я хочу, чтобы меня похоронили также по-русски, с отпеванием, с причитаниями - и чтоб была моя мама и ты с ребяташками».

А ведь вымолил у судьбы или еще у Кого-то... И состоялось все, как будто написал сценарий своей дальнейшей жизни. Василий Макарович панически боялся смерти матери. Неоднократно говорил об этом сестре.

И слава пришла, и всенародное признание, и мировая известность...

И, что самое страшное для матери, ей сына пришлось хоронить, только не на родной горе, а на чужой стороне...

До этих скорбных дней тогда, в 1961, оставалось тринадцать лет, которые пронесли стремительно...

В письме Василия Белова, адресованном:

«Крым. Судак. Морагентство. Киноэкспедиция «Мальчик у моря». Василию Шукшину». А это было в 1964 году. Шукшин тогда на Одесской киностудии снимался вместе с Лидией Федосеевой. Фильм вышел под названием «Какое оно, море?». Читаем такие строчки:

«...Белов Вас. Ив... Это который понимает тебя, может, чуточку больше, чем кто-либо другой. Я очень по тебе скучаю, это не сентиментальность, ей-богу, скучаю по большому счету...»

Ну, ладно. Обнимаю, поздравляю с Золотым Львом. Когда «Парень» на экран выйдет? В Вологде ждут его с нетерпением... (Речь о фильме «Живет такой парень», который на фестивале в Венеции был удостоен Приза Золотого Льва Святого Марка).

Твоих коней прочитал залпом. Такое уж совпадение, в «Нашем совр.» номер шестой у меня тоже были «Кони»... (Рассказ Шукшина «И разыгрались же кони в поле», а у Белова - «Кони». Авт.). Вообще лошади - это вещь! Все мы немножко лошади, а народ наш не немножко...».

И уже в том же письме, а ведь это в самом начале возникшей дружбы, звучат как предостережение слова друга:

- Бросай киношку, ты же писатель... Береги силы свои, ради Бога. Не слушай никого, только пиши, пиши, пиши. Я не менторствую. Я глубоко убежден в том, что первооснова всего - литература. А жизнь нас не ждет, идет в одну сторону».

Беспокойство Белова за здоровье Шукшина было, видно, небезосновательным. Он хорошо понимал, в какую жизнь, в какую московскую мясорубку попал его собрат по перу и по убеждениям...

И оказался абсолютно прав.

В письме 1966 года Василий Шукшин напишет своему вологодскому другу:

«Милый Белович!... И теперь вот грустно сделалось. Этак, глядишь, и вся жизнь - бочком- бочком - прошлепает...»

Я отдал сценарий читать по кругу и сижу весь пустой до звона. Жду. Очень противное состояние. А еще грипп меня повалял 1,5 недели, совсем скис, и присосалась ко мне мысль о смерти (во!).»

Нет, просто вдруг задумался на эту «тему». Тьфу, гадко! Когда-нибудь, может быть, не будет гадко, а теперь еще гадко. Прямо молился: только не сейчас, дай сделать что-нибудь...».

Откуда такие мысли у Шукшина? Ведь не при смерти же был.

Грипп для него, думается, серьезной болезнью не был. Почему же такое состояние, на грани срыва? «Пустой до звона». Выложился полностью на сценарии о Разине? Хорошо знал Ф. Достоевского и помнил мудрые мысли классика о том, что если человек прожил день и ни разу не подумал о смерти, этот день прожит впустую? А может быть, что-то гораздо больше, что даже сам Шукшин объяснить не мог... Дар видеть и предвидеть гораздо больше, а главное, - глубже, в глубину веков и в далекое будущее?!

В очередном письме примерно того же периода Шукшин сообщает:

«...Здоровье ничего. А пить бросил. (Побожился. Не надо). В больнице хорошо думается. Вот что я придумал: надо все снова. Надо садиться и начинать работать. Какие у меня книжки есть по всякой по истории, Вася! Что мы делаем. Примазали русскому мужику «пьяница»...»

Вот приехай, я тебе все расскажу. Писать длинно...

...Господи, знаем жизнь, а хреновиной занимаемся. Но это ничего, это мы все дань платили».

Большой груз на свои плечи взвалил Василий Шукшин - покаяние за русского мужика, вступил в неравную борьбу за мужика, за человека, за «Народ» наш. И даже в письме сестре, говоря о Народе, он пишет это слово с большой буквы.

Еще одно, не менее важное, откровение находим мы в письме к Белову:

«...Был тут у меня один разговор с этими...

Про нас с тобой говорят: что у нас это эпизод. Что мы взлетели на волне, а дальше у нас не хватит культуры, что мы так и останемся свидетелями в рамках прожитой нами жизни, не больше. Особенно доставалось мне: «Завелись три лишние бумажки в кармане - пропить их!»

А тут сидишь и думаешь про целую жизнь... И до того додумаешься, что и - в магазин. Неужели так, Вася? Неужели они правы? Нет, надо их как-то...

«Стеньку» написал. Отдал - судят...».

Не называет Шукшин тех, с кем состоялся разговор, да и не один, видимо, раз слышал он такое в свой адрес. Не назвал, потому что был очень «тактичным человеком. Не хотел никого обидеть». Так утверждает и по сей день Ирина Александровна Сергиевская, бывшая редактором фильма «Калина красная» и утвержденная в этой должности, по просьбе Шукшина, на его будущий фильм о Разине. (Ныне она является Президентом гильдии редакторов Союза кинематографистов России).

Пространные комментарии к этому письму не требуются. Разве что вопрос: Где же вы, лжепророки? В «рамках» какой жизни остались вы?

Или после смерти В. Шукшина превратились в лжесвидетелей и яростно сучили ножками и били себя кулаками в грудь, утверждая, как «близки» были к нему и «поддерживали» в трудные минуты?

То, что дружба двух писателей, двух Василиев «случайной не была», по убеждению Белова, - это неоспоримый факт. А Шукшин в одном из писем скажет другу, что судьба его такая же. С этим тоже трудно спорить.

Ковровых дорожек «деревенщикам» никто не расстилал.

И об этом тоже узнаем из переписки.

«Вася, дорогой мой! - обращается Шукшин. - Я очень неуместно выскочил там с бодряческим тоном (откуда что взялось!), так что пропусти эту бодрость, ей, видно, вообще нет места в жизни: как где вылетишь, так самому потом известно.

...Позвонили сейчас из «Современника» - повесть не берут. В течение года ничего острого не будем давать...

Нет, какой-то Новый этап наступает, несомненно. «Ничего-о, думаю, это еще не конец. Буду писать и складывать»... Не падай духом, Вася, это много, это все. Много не сделаем, но СВОЕ - сделаем, тут тоже природа (или Кто-то) должны помочь».

...Вот же б... хворь - это уже стало угнетать: я же так ни черта не сделаю! Так охота работать!..

Одно знаю - работать. А уж там, как Бог хочет...

...Давай, как встретимся, поклянемся на иконе из твоего дома: я брошу курить, а ты - вино пить. С куревом у меня худо: ноги стали болеть - это, говорят умные доктора, на пять лет, а там - отпиливать по одной...».

Нет, не случайно Белов обеспокоен здоровьем друга. Не случайно.

Потому во многих письмах звучат призывы:

«Лечись терпеливо и меньше думай. Хотя бы пока». Или в письме из Тимоники в Москву:

«...Потому что люблю тебя очень, а еще больше верю в твою звезду».

«Послушай, без булды тебе говорю: твои дубли «Братанов» изумительны. (Это о фильме «Ваш сын и брат», по всей вероятности. Автор.) - Я до сих пор под впечатлением от них, ради Бога, доделывай поскорее, это будет событие. Так близко мне все это, и вся стихия, и мысли, и настрой. Давай, ради Христа, трудись, спасенье наше только в работе. Да и ничего нет надежнее, радостнее работы».

Практически одновременно писатели оказываются в аналогичной ситуации, когда, по словам Белова, «все гайки опять затянуты до предела». «Современник» отказывается печатать Шукшина, Архангельск - Белова. И он сетует другу:

«В Архангельске у меня, например, зарубили книжку, говорят: пессимизму много. А какой там, к бесу, пессимизм!»

Интересен обмен письмами в феврале 1974 года. Интересен, глубок и многое объясняет.

И в творчестве, и в быту у писателей поразительное сходство.

В письме В. Белова читаем:

...У меня вон тоже все болит. И дела худы - семейные. Душа выболела за братьев и сестер, и за маму. Ездил в Пермь, думал, хоть что-то улажу. С младшим. А что я мог? Жена продает и предаёт его, он пьет. Развелась, но он не может уйти от нее из-за сына. А может, и любит такую? Старший - тот крепче, но в свои 45 лет выглядит стариком. Жизнь до сих пор крутит и вертит нами всеми, кругом горе. А так хочется покоя, чтобы писать, делать дело! Столько набросков, задумок! Ну, ладно. Извини, я распустил нюни...

В этом же письме настоятельно твердит другу:

«...Но главное - лечись. Успокойся. Расслабься. Наберись юмору. Заживи язву. Кури поменьше. Больше ешь и спи. Здоровье мы не берегли, но еще поскрипим. И сделаем кое-что еще. Глубоко в это верю...».

Шукшин отвечает таким же откровенным письмом:

«...Вась, не мне учить тебя, но... как-нибудь выгороди в душе участочек покоя для работы. Я про своих родных и думать-то, и рассказывать боюсь: дядя из тюрьмы не вылезает, брат двоюродный - рецидивист, в строгом смысле этого слова, другой - допился, развелся с женой, поделил и дом, свою половину он пропил, теперь - или петля, или тюрьма, сестра родная так вдовой и живет с 27 лет... (На самом деле - с 30 лет. Шукшин немного ошибся. Автор.)

Непролазно, Вася, черно. Как же быть?! Как быть-то?!!

Одно знаю - работать. А уж там как Бог хочет».

И оба действительно работали, не щадя сил и живота своего.

Умели дать друг другу дельные советы, высказать опасение, одним словом, были предельно откровенны и честны друг перед другом.

В том же февральском письме Белов делает прекрасный анализ фильма «Калина красная»:

- А пока поздравляю тебя. Боялся я твоей слабости по отношению к блатным. Но образ (вернее весь фильм) получился шире, хитрее - видно, знал ты, чего делал.

В двух-трех местах (Например, «Народ для разврата собрался!») меня слегка покорило. Но это, видать, спешка, нервозность, горячка...

А так фильм грандиозный. Обнимаю, радуюсь. Поплакал я втихаря. Такой го-

речи и такой боли еще не было в нашем кино. Молю Бога, чтобы фильм поскорее пришел к людям...

Документальные кадры хороши, да все-таки сам ты лучше. Лида сработала не худо и Толя молодчага. Словом - удача и победа».

И опять - предостережение, опасение за здоровье друга:

«Но, ради Бога, только не надорвись физически, не выдохнись».

В очередном письме в Вологду Шукшин вновь признается другу:

«...Работать охота, а никак не могу найти места - где?»

Рад бесконечно - знают тут тебя в Москве, и широко. Я тоже хочу, как ты, перехитрить всех».

В ответ Шукшин получает письмо в июле 1974 года:

«...Зло берет на глупость и подлость. Приехал в Вологду, звоню в Москву, туда, сюда. Нигде ничего! Все время натываюсь на какую-то невидимую мягкую, но непробиваемую стенку. Издательство молчит. Викулов молчит. Соловьев - ни звука... Черт, ничего не хочется делать».

Лида говорит, что Разина запустили. Слава Богу, и поздравляю! Но что будет с твоей прозой? Думаю об этом с тревогой. Это все равно, что плыть по Катунь на двух бревнах. Одна нога на одном, другая на другом. Хорошо еще, что ты можешь быстро переключаться. Но запомни: при переключении движок молотит впустую и падает скорость. (Это уже из моей шоферской практики). Дай Бог, тебе здоровья и не перехитри сам себя!».

Вот и подошли мы к самому главному в творчестве В.М. Шукшина - к образу Степана Разина. Только ли в творчестве? Похоже, что Разин не покидал Шукшина, жил в нем... По крайней мере, он сам неоднократно признавался родной сестре, говоря: «Я - Разин». А на ее возражения, что тот - бунтарь, отвечал: «Я и есть бунтарь». Позднее сестра понимает «бунт» брата. Против чего и кого он был направлен.

Бесстыдство, глупость и ложь - вот что стало захватывать сознание русского общества.

«Ложь, ложь, ложь... Ложь - во спасение, ложь - во искупление вины, ложь - достижение цели, ложь - карьера, благополучие, ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой».

Это написано В. Шукшиным в 1969 году... Чуть позднее, в тысяча девятьсот семидесятом, - пророческие слова:

«Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую».

В интервью газете «Молодежь Алтая» в конце 1966 года Шукшин признавался:

«Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными восстанию Разина, причинам его поражения, страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана. Я поставил перед собой задачу: воссоздать образ Разина таким, каким он был на самом деле...»

...Каким я вижу Разина на экране? По сохранившимся документам и отзывам свидетелей представляю его умным и одаренным - недаром он был послом Войска Донского. Вместе с тем поражают противоречия в его характере...

На мой взгляд, трагедия Разина заключается в том, что у него не было твердой веры в силы восставших.

Мне хочется в новом фильме отразить минувшие события достоверно и реалистично, быть верным во всем - в большом и малом. Если позволит здоровье и силы, надеюсь сам сыграть в фильме Степана Разина».

А ведь это был 1966 год!!! И такие мысли о здоровье... Почему? Откуда? Что мучает и беспокоит?!!

Тогда же, в 1966-ом, В.М. Шукшин писал в «Автобиографии»:

«Сейчас работаю над образом Степана Разина. Это будет фильм. Если будет. Трудно и страшно... Гениальное произведение о Стеньке Разине создал господин Народ - песни, предания, легенды. С таким автором не поспоришь. Но не делать тоже не могу. Буду делать».

«Замысел сценария о Разине у меня возник очень давно. Работа была желанная. А радости она доставляла мало. Пока я писал сценарий, надо мной все время топором висело законное требование - писать так, чтобы все было видно.... От этой работы осталось тягостное чувство. Я видел будущую картину, видел ее между строк. И все-таки я начал писать роман - это было необходимо для художественного осмысления материала. Именно в романе нашла свое законченное выражение та идея, ради которой было задумано все произведение: трагедия Разина - это часть всенародной трагедии».

В статье «Написано о Разине много» Шукшин скажет:

«Он - национальный герой, и об этом, как ни странно, надо «забыть». Надо освободиться от «колдовского» щемящего взора его, который страшит и манит через века. Надо по возможности суметь «отнять» у него прекрасные легенды и оставить человека. Народ не утратит Героя, легенды будут жить, а Степан станет ближе.

Натура он сложная, во многом противоречивая, необузданная, размашистая. Другого быть не могло. И вместе с тем - человек осторожный, хитрый, умный дипломат, крайне любознательный и предприимчивый...

Ему нужна была сила, он собирал ее, поднимал и вел. Он был жесток, не щадил врагов и предателей, но он и ласков был, когда надо было. Если он мстил (есть версия - за брата Ивана), то мстил широко и страшно, и он был истый борец за Свободу и предводитель умный и дальновидный».

Мысль Шукшина о Степане, что «задумав главное (вверх, на Москву), ему и Персия понадобилась... Повести за собой казаков, мужиков, стрельцов должен был свой, батюшка, удачливый, которого «пуля не берет». Он стал таким». Это, пожалуй, точное определение и проникновение в образ Разина.

«Он весь тут, Степан: его нечеловеческая сила и трагичность, его отчаяние и непоколебимая убежденность, что «тряхнуть Москву» надо.

Если бы им двигали только честолюбивые гордые помыслы и кровная месть, его не хватило бы ни до Симбирска, ни до Москвы. Его не хватило бы до лобного места. Он знал, на что он шел. Он не обманывался. Иногда только обманывал во имя святого дела Свободы, которую он хотел утвердить на Руси».

В статье «Заступник найдется» В. Шукшин дает еще более конкретную оценку своему герою, объективную.

«Конечно, Разин был не агнец с цветком в руке, рука его держала оружие и неслась смерть. Но и мы с той поры крепко запомнили: заступник найдется! Предводитель сыщется. И пусть он будет крепким».

Герой казнен, но он «не опрокинут нравственно, не раздавлен, что есть историческая правда. В народной памяти Разин - заступник обиженных и обездоленных, фигура яростная и прекрасная - с этим бессмысленно и безнадежно спорить...

Память народа разборчива и безошибочна...».

Разин близок и понятен Шукшину, он, действительно, в нем живет. Подтверждением тому строки, написанные о себе:

«Но я знал, вперед знал, что подкараулю в жизни момент, когда... ну, окажусь более состоятельным, а они со своими бесконечными заявлениями об искусстве окажутся несостоятельными».

Это как раз о тех критиках, которые считали, что Шукшин и другие писатели-«деревенщики» останутся «в рамках своего времени».

Он признается:

«Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного...».

Не к такой ли мысли приходят известные писатели - современники Шукшина, говоря о том, что он до сих пор остается писателем «зашифрованным». А он сам об этом поведал, при жизни. Успел сказать о себе и о нас гораздо больше, чем нам кажется, что нам придется «расшифровывать» еще много-много лет.

Не остается сомнений и в том, что фильм о народном «заступнике» наводил страх на «сильных мира идиотов» (выражение Шукшина). И сыграл бы Степана Разина, конечно, сам. Опасался только за здоровье.

Интересно письмо Василия Белова Василию Шукшину по поводу будущего фильма о Степане Разине.

Привожу его полностью (Ранее не опубликовано):

«20 октября. Сарынь на кичку!

Вась, вот послал тебе один снимок. Дядька очень похож на моего Ивана Африкановича.

Штуку-то свою я доконал. Не знаю, чего вышло.

А тебе - дай Бог, сил и того, этого, когда холодит под лопаткой. Сделай ты Степана. По-нашему.

Не Марксиста, а Степана.

А я уже вижу, как ты идешь под секиру. Горький, сильный, проданный. Вижу, как сморкается перед смертью... Давай!

А я своего Болотникова загнал пока в самый дальний сердечный закоулочек.

Чувствую - не готов. Надо покой душевный и независимость, но того и другого пока нет. Если разбогатею - все брошу, начну Болотникова. Сделаю его - там и умирать легче.

Слушай, из чего хочешь делать сценарий? По Злобину, что ли? Или сам, все свое? Наплюнь на всех, ото всею отрекись. Сделай все свое, сам ставь, сам играй. Да.

Если бы я стал делать что-нибудь в этом смысле, я бы навострил уши вот на что:

1. До того велика Русь, что мы ничего не думаем, ничего не жалко.

2. Для русского человека нет ничего тошнее чинного порядка, регламентации, т.е. ему воля нужна. Это теперь-то нас приучили ходить колоннами, поставили по ранжиру, и все, что не подходит под их мерку, назвали анархизмом.

Дальше. Не клонь на приманку национальной экзотики - это опасная для художника штука. Ведь национальное надо пахать из нутра, а не заниматься чесоткой.

Все мы изголодались по родному, по русскому (вон Салтыков в «Лес...» вопит). Но одних церквей, икон и ... мало, надо что-то большее.

Извини за менторство. А в каком виде «Братья»?

Жду их с нетерпением.

Лиде сердечный поклон.

Не видел ли Ешина?

Что-то он молчит, не пишет.

Ради Бога, не бесись, не мятись в московской суетлоке, силы поберегай.

Когда настроение будет, черкни.

Твой Белов».

Опять беспокойство за здоровье друга - «силы поберегай».

Как ответ-согласие звучат и воспринимаются слова Шукшина:

«Силы, силы уходят...»

В одном из интервью Алексей Ванин, актер, земляк В.М. Шукшина, с которым они, познакомившись на фильме «Золотой эшелон», прошагали вместе до последнего часа, высказал интересные, точные мысли. Именно он, земляк, несет его на руках в «Калине красной», после «неправдашной» смерти, он же поднимал друга и после настоящей, внезапной, ошеломившей всех смерти на Дону.

А сказал он, примерно, следующее. Главная причина смерти Шукшина - в Разине. Он хотел поставить фильм. Ничто не могло остановить его. Остановить могла только смерть - и она его остановила.

Часто в музее можно услышать вопрос-размышление: «Почему никто до сих пор не сделал фильм по сценарию В.М. Шукшина?».

В свое время поставить фильм по этому сценарию предлагали режиссеру В. Хотиненко. Но, по его воспоминаниям, прочитав сценарий В.М. Шукшина на три раза, понял, что этот фильм мог поставить только Шукшин и никто больше. Так же, как и «Калину красную». Сделай это кто-то другой, - не было бы так пронзительно правдиво и щемяще.

Не так давно я услышала еще один ответ-предположение одного из посетителей, вернее - посетительницы, занимавшей высокие посты в Беларуси, в том числе - в правительстве:

«Этот фильм сейчас делать нельзя. Недовольства жизнью у людей много. Это же будет бунт!».

В этом, пожалуй, есть большая доля правды.

А Шукшин о своем состоянии в последние годы жизни писал:

«Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжен и собран. И хорошо, и плохо. Хорошо - не позволил сшибить себя; плохо - начинаю дергаться, сплю с зажатыми кулаками.... Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения».

Это в рабочих записях. Там же находим такие слова:

«Ничего, болезнь не так уж и страшит: какое-то время можно будет еще идти на карачках».

«На карачках», как мы знаем, Шукшину идти не довелось. Ушел стремительно и безвозвратно...

Предчувствие скорого ухода из жизни преследовало, не покидало. А в последние годы все более обострялось. И тому подтверждением опять слова самого В.М. Шукшина:

«Я - сын, я - брат, я - отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно уходить».

В этих словах - отсутствует всякое сомнение, звучит полная уверенность и неотвратимость своего ухода, даже как будто - необходимость этого.

«И что же - смерть?»

А листья зеленые.

(И чернила зеленые).

«Когда стану умирать, - скажу: «Фу-у, гадство, устал!» Не надо умирать».

Очень точно, на мой взгляд, определили ранний уход В.М. Шукшина из жизни, как общенациональную потерю, утрату невозполнимую, нехватка которой с годами ощущается все острее и острее, писатели Василий Белов и Валентин Распутин.

«Нам не хватает Шукшина особенно сейчас», - написал Белов.

Ему вторит Распутин:

«Нам сейчас очень не хватает Шукшина... как честного, никогда, ни при какой погоде не ломавшего голос художника, скроенного, составленного от начала до конца из одних болей, порывов, любви и таланта русского человека, как сына России...».

И еще Распутин о Шукшине:

«Мало кому удавалось столь близко подступиться к человеческой душе, услышать ее сдавленный, стонущий зов, как Шукшину... Как бы ни остерегались мы преувеличить значение художника такого масштаба, как Василий Шукшин, оно само сказывается в звучании имени и в том невольном отзвуке, какой рождает оно в наших сердцах.

Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для какого-то свидетельствования на всемирном сходе, где только по одному человеку решили судить о характере народа, сколь многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он - Шукшин».

Эти слова В.Распутина созвучны отзывам в Книге посетителей музея В.М. Шукшина в Сростках:

«Совесть», «Собиратель земли Русской», «национальный Герой и Достояние» России.

Позволю еще раз повторить слова из письма В. Белова В. Шукшину, опубликованные мной в предыдущей статье:

«Я был раз пять близок к этому обрыву, к этой черте, за которой тьма, ничто, пустое место. К смерти иначе. Потом пятился от этого обрыва, отползал, а как иначе?».

В. Шукшин не успел отползти, не смог. А может, не хотел?

«Прожил ровно с песню», а «длинных песен не бывает».

Алексей КОБЕЛЕВ

И В СИБИРИ ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ

Институт садоводства имени М.А. Лисавенко знают далеко за пределами края и даже за рубежом. Знают по великолепным сибирским яблоням и грушам, по облепихе и смородине, по вишням, сливам и черноплодной рябине, по цветам и ягодникам. Институт стал основой развития садоводства во всей Сибири. Но сегодня, к великому сожалению, напрочь забыты имена тех, кто начинал это великое дело, а ведь это были яркие, волевые личности. В их трудах, прежде всего, истоки славы сибирского садоводства.

Это были два Михаила: Михаил Афанасьевич Лисавенко и Михаил Осипович Пантюхов.

Михаил Пантюхов к началу 1930-х годов уже был опытным журналистом, специализировавшимся на аграрной тематике. Он работал в разных уголках советской России, и в 1931 году был переведен на работу в Москву, в редакцию популярной в то время «Крестьянской газеты». Пантюхов стал членом редколлегии, заместителем редактора и редактором сменных выпусков «За агротехнику», «За новые культуры» и «Хата-лаборатория».

Михаил Осипович умел загораться новыми идеями и умел мобилизовать себя и других для свершения больших дел. В Москве, в центре страны, он еще шире и яснее увидел, как всколыхнулась деревня, какие широкие перспективы открылись в коллективном хозяйстве, как много появилось энтузиастов колхозного движения, мастеров и людей, ищущих новые методы повышения урожая. Когда созрело решение издавать журнал «Колхозное опытничество», Михаил Осипович в самые сжатые сроки организовал его выпуск и стал заместителем редактора. Тогда же пришла мысль провести в Москве Всесоюзное совещание колхозников-опытников, а когда инициатива «Крестьянской газеты» получила одобрение и поддержку, он горячо взялся за его подготовку. Первое Всесоюзное совещание колхозников-опытников состоялось в 1932 году.

На этом совещании Михаил Пантюхов и познакомился с Михаилом Лисавенко. К тому времени он знал о его существовании, и даже готовил к печати статью опытника, прочел рукопись его книги «Плоды и ягоды на Севере» и отправил ее Ивану Владимировичу Мичурину на рецензию.

Михаил Афанасьевич Лисавенко жил тогда в Ачинске, где заболел идеей сибирского садоводства, хотя в те годы оно считалось чем-то вроде чудачества и утехой состоятельных людей. О тех временах Лисавенко вспоминал:

- Сеял и сажал я бесконечное количество, и хотя очень многое выбрасывал, все же приусадебный участок становился все более тесным... К тому времени я вел, помимо сортоиспытательной, и небольшую селекционную работу (в основном, с ягодниками), в которой делал много неизбежных ошибок...

Секретарь ачинской городской партийной организации Аверьянов заметил усилия молодого опытника, осмотрел его хозяйство и пообещал содействие в расширении земельной площади. В 1930 году Ачинский горсовет уже вторично расширил участок

Михаила Лисавенко, и теперь он составил более одного гектара. Всю площадь вскоре заняли новые посадки.

Годы коллективизации были временем научной эйфории, изысканий и проб. Энтузиастам казалось, что все возможно. Самые пылкие и рьяные даже пытались получить в Горном Алтае натуральный шелк. В городе Ойрот-Тура 1 апреля 1932 года был создан опорный пункт шелководства, ставивший своей задачей «выяснение возможности занятия шелководством в условиях Ойротской области». В открытый грунт были высажены первые шелковичные (тутовые деревья), грены (яйца тутового шелкопряда) привезли из солнечного Узбекистана, где шелк производили веками. А «Крестьянская газета» взяла шефство над благодатной областью, стремясь помогать пытливым и дерзким.

Встреча с сибиряками на съезде колхозников-опытников породила у Пантюхова мысль создать в Горном Алтае опытное хозяйство по выращиванию плодовых деревьев и ягодников, и хотел он, чтобы возглавил ту работу Михаил Лисавенко.

Но Лисавенко согласился не сразу. Его манили более благоприятные условия для садоводства, нежели в Ачинске, прельщало то, что сможет целиком и полностью посвятить себя любимому делу, а не выкраивать время, свободное от службы. Но не так просто было оставить заложенный садовый участок, ибо в него были вложены многолетний труд, опыт и знания.

И все же, в конце концов, стремление к новому перспективному делу взяло верх - Лисавенко согласился. Хотя прекрасно понимал, что трудности его ожидают очень серьезные. Начинать ему пришлось в одиночку, а традиций садоводства в Горном Алтае, практически, не было.

В те дни Михаил Лисавенко получил рекомендательное письмо от московской редакции на имя секретаря обкома ВКП(б) Ойротской автономной области П.С. Хабарова. Вот его текст:

«Податель этого письма Михаил Афанасьевич Лисавенко - опытник-садовод из Ачинска. Ряд лет тов. Лисавенко работает над решением проблемы северного плодового садоводства и уже имеет в этом направлении значительные достижения, как в научной области, так и в области массовой работы по опытничеству.

Однако Ачинский район не располагает достаточной базой для дальнейшего развития опытной и производственной работы тов. Лисавенко. В частности, там нет подходящих условий для развития ягодного хозяйства, которому, по мнению тов. Лисавенко, предстоит особенно блестящее будущее.

Тов. Лисавенко очень хотел бы работать на Алтае. Здесь он предполагает развернуть на основе мичуринского метода большую опытную работу с дикорастущими ягодниками, придав ей в последующем промышленное значение. Все данные к этому на Алтае имеются.

Редакция считает, что тов. Лисавенко заслуживает полного внимания. Мы вполне уверены, что Вы используете тов. Лисавенко как организатора-опытника: окажете ему необходимую помощь и предоставите все условия для опытной работы.

Ответ. редактор «Крестьянской газеты» - Урицкий.

Редактор «Крестьянской газеты» - «За агротехнику» - Пантюхов.

22 декабря 1932 года».

Михаил Лисавенко приехал в Ойротию весной 1933 года, но сад в тот год заложить не удалось - Ойрот-Туринский горсовет лишь в октябре принял постановление об отводе места в Татанакском логу - рядом с областным центром. Лето 1933 года он использовал для изучения дикорастущих растений в горах, восхищался огромным разнообразием смородины, крыжовника, малины, облепихи, ягодников, что представляло богатейший исходный материал для селекционной работы. Побывал у художника Григория Чорос-Гуркина - единственного человека Горного Алтая, вырастившего сад.

Летом и в ноябре 1933 года Пантюхов во главе выездной редакции «Крестьянской газеты» дважды побывал в Западной Сибири с целью помочь колхозникам в организации социалистического соревнования, в налаживании культурно-массовой работы на селе, подтолкнуть власти к оказанию всесторонней помощи новаторам и опытным. Оба раза вагон «Крестьянской газеты» останавливался в районном центре Топки, ныне Кемеровской области. В первой поездке в составе редакции было девять столичных литераторов.

К тому времени коллективизация на селе практически была завершена, колхозы твердо становились на ноги. Сколько же в наше время льется грязи, вымыслов, злобы и чепухи на тот Великий перелом в сельском хозяйстве! А Пантюхов писал своей жене Дине Борисовне в Москву:

«Колхозы крепкие и здесь колхозник полностью стал зажиточным. Много хлеба, молока, масла, мяса - здесь всего вдоволь, а впереди невиданный урожай. Бросается в глаза то, что в деревне хорошо одеваются: хороший костюм, галстук. Девушки щеголяют в городских платьях и знают толк даже в крепдешине. Настроение прекрасное. Район - прекрасный курорт для скептиков, нытиков, маловеров. Здесь широко и интересно поставлено соцсоревнование... Буквально люди считают хорошую работу делом чести. И это не единицы, а вся масса колхозников».

А осенью он же писал супруге:

«Поставили много новых вопросов, о которых местный народ не думал даже. По нашей инициативе распределение доходов превратилось в колхозные праздники. Поставили вопрос о плодоводстве, и район весной посадит 35000 яблонь, вишен, малины, смородины - этого до сих пор здесь не видели даже. При этом подняли вопрос перед всей Сибирью, написав открытое письмо секретарю крайкома ВКП(б), надеюсь на днях получить ответ, а это будет означать, что мы протолкнули такое дело, из-за которого одного стоило ехать в Сибирь... Очень интересно развернули культпоход. Весь район подняли на дыбы. Везде моют, скребут, белят - соревнуются на лучшую избу. Организуем первый районный шахматный турнир колхозников, конкурс гармонистов, частушечников. Каждый день делаем радиогазету, которую слушает вся Сибирь. У меня сейчас такая хорошая удовлетворенность работой, что я не могу не поделиться с тобой этими мыслями».

Энергичный Пантюхов собрал в Топках совещание новаторов и энтузиастов, прежде всего в садоводческом деле. На него приехали уже известные сибирские опытные А.Д. Кизюрин из Омска, Н.А. Иваницкий из Томска, М.А. Лисавенко, садоводы-любители. Присутствовали представители Омского сельскохозяйственного института и Томского госуниверситета. Участники совещания организовали местных колхозников на посадку садов в колхозах и приусадебных участках, хотя до этого о садах они не имели никакого понятия. Их почин нашел широкий отклик и принял конкретное содержание. Как и ожидал Михаил Осипович, начинание приветствовал секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, он же подчеркивал, что сибирскому плодоводству должно быть уделено серьезное внимание. Это одобрение окрылило многих садоводов.

Михаил Афанасьевич Лисавенко после второго совещания в Топках вместе с Пантюховым в редакционном вагоне уехал в Москву, где Пантюхов организовал ему встречу с Иваном Владимировичем Мичуриным. Сибиряк был в прямом смысле очарован великим ученым-биологом и селекционером. Мичурин стремился заставить растения служить с полной нагрузкой на пользу человека, повысить их урожайность и качество. Он старался максимально использовать дикую природу, вырывая у нее все новые и новые растения для культуры.

На столе Мичурина лежала рукопись книги Лисавенко «Флоды и ягоды на Севере» - та, что передал Пантюхов на рецензию. Ученый-селекционер уже подготовил обращение к колхозникам и специалистам сельского хозяйства Западной Сибири.

- Думаю, будет хорошее предисловие к твоей книге, а издаст ее «Крестьянская газета», - твердо заключил Иван Владимирович.

Им было о чем поговорить, и они говорили и говорили. На всю жизнь запомнил Лисавенко наказ мудрого человека:

- Иди напролом! Умей стоять за свое дело. Без твердости и непреклонной воли в труде цель не достигается.

Пройдет немного времени и Иван Владимирович скажет:

- Нужны талантливые, неутомимые, верные своему делу люди. Нужны энтузиасты. К таким людям я отношу, прежде всего, М.А. Лисавенко - одного из самых серьезных селекционеров-плодоводов Сибири, отлично понимающего дело...

С весны 1934 года в Татанакском логу закипела работа - на четырех гектарах были высажены тысячи привитых дичков сибирской яблони, смородины, малины, облепихи, крыжовника, ежевики. Секретарь обкома ВКП(б) П.С. Хабаров настоял, чтобы горсовет приобрел Михаилу Лисавенко избу с участком.

В сентябре того же года исполнялось 60 лет творческой деятельности великого естествоиспытателя И.В. Мичурина. К этой дате приурочили большой слет последователей, учеников и просто энтузиастов. Организацией слета занимался Михаил Пантюхов, он же приехал к Мичурину вместе с супругой Диной Борисовной. Из Горного Алтая был приглашен и приехал Михаил Лисавенко.

Если садоводческие дела решались успешно и радовали душу опытников, то у других энтузиастов - тех, кто хотел получить шелк в Горном Алтае - усилия закончились неудачей. Они отказались от своей затеи, прежде всего потому, что «шелковичные деревья в условиях Ойрот-Туры не достигают нужных размеров, растут в форме кустарников и, в основном, вымерзают».

Но плодово-ягодный опорный пункт в Татанакском логу успешно развивался, крепчал и ширился. Да так, что летом 1943 года на базе опорного пункта распоряжением Совета народных комиссаров РСФСР была создана Алтайская плодово-ягодная станция. И в военное лихолетье правительство думало о будущем страны, у него доходили руки до всего, оно признавало важность дела разведения садов и ягодников в Сибири, необходимых сибирякам.

В 1949 году станция была переведена в Барнаул, а в Горно-Алтайске продолжал работу отдел горного садоводства. За создание и внедрение в производство высокопродуктивных сортов плодовых и ягодных культур и активное участие в развитии сибирского садоводства 25 мая 1967 года Президиум Верховного Совета СССР наградил станцию орденом Трудового Красного Знамени. В 1973 году станция была реорганизована в научно-исследовательский институт садоводства Сибири. До самой своей кончины в августе 1967 года опорным пунктом, а затем станцией руководил М.А. Лисавенко - Герой Социалистического Труда, кавалер пяти орденов, лауреат Сталинской и Государственной премий СССР, академик, доктор сельскохозяйственных наук, профессор...

Высоких наград Михаил Афанасьевич был удостоен по праву. Но если бы не предположила ему «Крестьянская газета» (в лице Пантюхова) переехать в Горный Алтай в 1932 году, вырос бы из него широко известный ученый-садовод? Вряд ли. Прежде всего, потому, что в природных условиях Ачинска он не сумел бы раскрыть все свои способности и талант. А тут он оказался в нужном месте и в нужное время. Очень важно в жизни, чтобы заметили дар человека, поддержали его, задали верный курс! Лисавенко повезло - почти в самом начале своей творческой биографии он встретил мудрых людей, сумевших разглядеть его талант, одобрить его усилия и создать условия для реализации способностей.

На некоторое время жизнь раскидала единомышленников - Лисавенко и Пантюхова. В конце ноября 1935 года Пантюхов уехал на Северный Кавказ редактором

газеты «Пролетарий Осетии» и надолго потерял из виду своего крестника Лисавенко. Но тот хорошо помнил его. Почти десять лет спустя, Пантюхов увидел в газете «Правда» указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Лисавенко орденом Трудового Красного Знамени.

- Видать, твердо встал на ноги, широко пошел сибиряк, - подумал он обрадованно.

Написал поздравительное письмо, на которое Михаил Афанасьевич ответил незамедлительно. «Вы не можете себе представить, как я удивился и еще больше обрадовался. Сколько лет я старался напасть на Ваш след и никак не мог. О Вас, мы садоводы-опытники, поднимали вопрос на межкраевом съезде в Новосибирске в 1936 году, но ничего не могли толкового добиться... Нет такого человека, который бы так много сделал для меня и к которому я чувствовал бы такую сердечную симпатию, как Михаил Осипович. Сколько людей его вспоминают с глубокой благодарностью!..».

Двухлетняя переписка закончилась тем, что Михаил Осипович приехал в Горно-Алтайск и стал ученым секретарем Алтайской плодово-ягодной станции - первым помощником уже известного ученого-садовода. На той должности он трудился более пяти лет.

Когда в 1950 году вышла объемная книга Лисавенко «По мичуринскому пути», то на одном из экземпляров автор написал: «Моему старому шефу - Михаилу Осиповичу Пантюхову, который помог мне встать обеими ногами на мичуринский путь»...

Сегодня торжественно воздвигаются памятники Петру Столыпину - ставившему своей целью разрушение крестьянской общины. Параллельно малюются черной краской коллективные хозяйства советских времен - колхозы и совхозы. При этом, по всей матушке-России, куда б ни поехал, всюду видны остовы некогда животноводческих ферм, усадеб, заброшены целые деревни, школы, больницы, миллионы гектаров пахотных земель, без ухода гибнут былые огромные цветущие колхозные сады и питомники, недавние садоводческие товарищества. Грустно смотреть на все это. Но Лисавенко поставил себе памятник. Он сделал Алтай родиной сибирского садоводства. Теперь уже нельзя представить Сибирь без своих яблонь, слив, вишни, которых до Лисавенко здесь никогда не было.

АЛТАЙСКИЙ СВЕТИЛЬНИК ПРАВОСЛАВИЯ

Среди отрядных примет последних десятилетий невольно выделяется появление в России памятников почитаемым Угодникам Божиим. Желание нынешних поколений воочию лицезреть столпов отеческой веры, слегка нарушив исторические духовные традиции, вознесло на пьедесталы Игумена и Печальника Земли Русской, преподобного Сергия Радонежского в подмосковном Сергиевом Посаде, святого праведного Иоанна Сергиева в Кронштадте, Святителей Митрофания в Воронеже и Тихона в городе Задонске Липецкой области.

А на Дальнем Востоке в морскую даль теперь зорко взирает всенародно любимый в России святой Николай Чудотворец, архиепископ Мир Ликийских.

В селе Тайнинском под Москвой у подножия своего высокого постамента собирает тысячи православных мирян из разных уголков страны и ближнего зарубежья святой мученик Государь Император Николай II.

Предполагается поставить памятник в Арзамасе его известному уроженцу, святителю Сергию (Страгородскому), патриарху Московскому и Всея Руси в суровые годы Великой Отечественной войны.

Уже изваян по заказу Нижегородской Государственной медицинской академии большой бюст выдающегося русского хирурга, святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Таврического.

Возвращение к святым именам поставило на пьедестал в Бийске и знаменитого миссионера, просветителя Алтая, митрополита Московского Макария (Невского) (1835-1926), конец архипастырского служения которого пришелся на первую четверть бурного XX века.

Личность этого смиренного иерарха-молитвенника Русской Православной Церкви не особенно известна широкой православной общественности, а жаль. Ведь святитель Макарий (Невский) был одним из немногих архиереев Церкви, не предавших Царя в 1917 году и сохранивших верность историческому призванию России. Более того, именно владыке Макарию (Невскому) в начале прошлого века было даровано свыше редчайшее и чрезвычайно важное откровение о судьбах Родины и русского народа, что заставляет смотреть на него как на дивного избранника Божия, на котором, кроме указанного откровения, видимым образом проявилось чудесное заступничество Господнее. Но обо всем по порядку.

Искусственно спровоцированные потрясения России 1905-1907 годов, вошедшие в советскую историографию как «Первая русская революция» («революция» - буквально: «рев Люцифера»!), застали преосвященного Макария (Невского) в Томске, на кафедре правящего архиерея местной епархии.

«Наиболее устойчивыми оказываются те народы, - писал он тогда, - которые сохраняют простоту патриархальной жизни»!

«В большой патриархальной семье, - убежденно проповедовал Владыка Макарий (Невский), - молодежь воспитывается в страхе Божиим и повиновении родителям... Кто почитает родителей, тот почитает и начальников, - продолжал он. - Если государство

будет состоять из таких семейств, то это будет мирное и благополучное царство, там не будет возмущения рабочих, не будет злоумышленников, не будет и бунтовщиков».

«Станьте крепкой, несокрушимой стеной за нашего Царя, за Землю Русскую, за ее старинный христианский уклад жизни!» - вторил своему ревностному иерарху Церкви и Святейший Синод.

Подтачиваемая через одурманенных революционеров тайными и явными врагами России, страна еще была полна здорового консерватизма в народе и крепка в православной вере. Поэтому первая революционная смута начала XX века встретила решительный отпор со стороны большинства населения, активно поощрявший Церковь. Ясно, что главная роль в нем принадлежала наиболее ревностным православным христианам из числа горожан и сельского крестьянства, а не мифическим «черносотенцам», которых все время приплетают куда ни попадя. Особенно ярко и организованно это проявилось в городе Нежине Черниговской губернии на Украине, где все до одного зачинщики массовых беспорядков были установлены, разысканы и схвачены простым народом. Одного молодого инородца, изорвавшего портрет царя, поставили на колени и заставили виниться за содеянное перед всеми, что он благоразумно и сделал.

В ряде крупных русских городов, в частности в Нижнем Новгороде и Саратове, революционные смутьяны в большинстве из инородцев существенно осложнили ситуацию провокационной стрельбой из огнестрельного оружия по безоружным людям, вставшим против беспорядков. В Саратове в ответ на это разгневанные горожане закрыли виновников в доме, где они попытались укрыться, и подожгли. При этом деятельное участие в пресечении революционных выступлений в городе принял правящий архиерей Саратовской епархии, епископ Гермоген (Долганов), ныне священномученик, прославленный Церковью.

Аналогичные события произошли и в Томске. 20 октября 1905 года после молебна и горячей проповеди епископа Макария (Невского) множество православных мирян устремилось к театру, где собралось около трех тысяч революционных смутьянов с агитаторами и главарями, и подожгли здание, как их собратья по вере, дом в Саратове.

В 1912 году после смерти столичного митрополита Антония (Вадковского) на Петербургскую кафедру перевели из Москвы митрополита Владимира (Богоявленского), а туда правящим архиереем назначили томского архиепископа Макария (Невского), предварительно возведя его в сан митрополита Московского и Коломенского.

Провидя высоту его духовной жизни, друг венценосного семейства Г.Е. Распутин восхищенно говорил: «Макарий Московский - это светильник!»

Нетрудно себе представить, какой духовностью обладал сам Григорий Ефимович, если для его злобной компрометации в течение нескольких лет до страшной гибели в Невке тайными врагами Императорской России было подобрано и активно использовалось целых тринадцать двойников! Некоторые из них настолько «вжились» в свою постыдную роль, что появлялись еще и после убийства подлинного Распутина.

Причем такое высокое мнение о Московском святителе было далеко не единственным. Известный духовный писатель митрополит Вениамин (Федченков), встречавшийся с ним в то время, называет владыку Макария (Невского) не иначе как «старец благочестивейшей жизни и миссионер Сибири»!

Глава военного духовенства Императорской России протопресвитер Георгий Шавельский, страдавший неискоренимым высокомерием из-за своего высокого положения и мнимой образованности, так писал о нем:

«Московский митрополит Макарий в 1915 году начинал девятый десяток лет (родился 1 окт. 1835 г.). Маленький, худой, благообразный старичок - он внешним видом очень напоминал знаменитого Филарета (митрополит Филарет (Дроздов) служил на Московской кафедре полвека при трех царях, ныне причислен Церковью к лику святых. - В.Ц.), хотя в других отношениях был диаметрально противоположен ему. Образования он был

небольшого - семинарского. Славу себе стяжал на миссионерском поприще в Алтае и, благодаря этой славе, подкрепленной, как сообщали знающие люди, протекцией Распутина, вырос в Московского митрополита. Насколько алтайская слава митрополита Макария отвечала действительным его заслугам, не решаюсь судить. В Сибири мне не раз рассказывали, что там мало-мальски достойные, не попавшие ни разу под церковный суд священники награждались чуть ли не каждый год, так как за множеством подсудных некого было награждать. Может быть, это явление было присуще и миссионерской среде. Но чем бы ни был раньше митрополит Макарий, в настоящее время он заседать еще был способен, но судить уже ни о чем не мог. Его деятельность в Москве выражалась лишь в том, что он очень благолепно совершал богослужения и вел беседы, пригодные для малых детей или старушек его возраста. Епархией же правили другие. Митрополит во время деловых докладов своих подчиненных иногда засыпал и докладчики, не смея нарушить мирный сон владыки, уходили от него ни с чем. Любимым его развлечением, которым он пользовался чуть ли не каждый день, было слушать пение мальчиками его хора религиозных стихов об Алтае.

В Синоде митрополит Макарий всегда молчал и безропотно принимал все решения. Обидно и больно бывало смотреть на него, когда в его присутствии Синод проваливал одно за другим его представления, а он не находил ни одного слова, чтобы защитить самого себя.

Царское Село смотрело на митрополита Макария как на святого. А злые языки упорно твердили, что московский святитель в крепкой дружбе с знаменитым «старцем».

Надо сказать, что воспоминания отца протопресвитера, написанные им в эмиграции, преисполнены лукавств. Особенно там, где он говорит о заседаниях Святейшего Синода. В высшей церковной иерархии давно уже не было необходимого единства, и почти вся она находилась в негласной оппозиции к Государю и его верному окружению. В последнее входил обер-прокурор Святейшего Синода Н.И. Раев. Глухое противодействие царю повлекло, в конце концов, перевод в Киев одного из влиятельнейших иерархов того времени, столичного митрополита Владимира (Богоявленского). Его место занял митрополит Питирим (Окнов), фактически возглавив тем самым не только петербургское духовенство, но и всю Русскую Церковь. Но подобные меры уже не меняли неравной расстановки сил, о чем прекрасно свидетельствует в своих воспоминаниях товарищ (заместитель) обер-прокурора Святейшего Синода князь Н.Д. Жевахов:

«Обер-прокурора Раева поддерживали только Питирим и престарелый Макарий Московский. Все остальные члены Синода - первенствующий Владимир, Арсений Новгородский, Сергей Финляндский, Тихон Литовский, Иаков Нижегородский и Михаил Гродненский, а также протопресвитер военного духовенства Г.И. Шавельский - находились в оппозиции. В ее рядах оказался даже протопресвитер придворного духовенства А. Дернов. Все предложения обер-прокурора заведомо проваливались. Из 30-40 дел, подлежавших разрешению на каждом заседании, решались три-четыре, остальные откладывались. Центральное церковное управление было полностью парализовано».

Как видим, о. Георгий Шавельский был как раз одним из тех, кто специально «проваливал» в Синоде наряду с другими документами и представления владыки Макария (Невского). Поэтому поверить в то, что ему якобы было «обидно и больно» смотреть на него на заседаниях Синода, увы, никак невозможно. Здесь, кроме протопресвитера и других архиереев, обращают на себя внимание личности таких выдающихся иерархов Церкви, как Сергей (Страгородский) и Тихон (Белавин), то есть будущих Патриархов Московских. Факт их участия в оппозиции царю говорит лишь о том, что в то Смутное время никто не гарантировался от ошибок и заблуждений.

Царская чета хорошо знала синодальных оппозиционеров. Государыня Императрица Александра Федоровна говорила по их поводу:

«Я многих знаю, но все они какие-то странные, ...с большим честолюбием... Это какие-то духовные сановники... Народ идет не за сановниками, а за праведниками!..»

Кстати, дополняя портрет выдающегося иерарха Церкви, заметим, что свою миссионерскую деятельность на Алтае он начал еще мирянином, Михаилом Андреевичем Невским, став в итоге «Апостолом Алтая». После пострига и рукоположения во священник сан иеромонах Макарий (Невский) начал служить Божественную Литургию на языках народов Сибири. В 1883 году уже архимандрит Макарий (Невский) назначается начальником Алтайской миссии, а в 1884-м состоялась его хиротония во Епископа Бийского. Владыка Макарий (Невский) боролся с расколом, обращал в Православие местные народности, обличал в проповедях сосланных в Сибирь революционеров, которые, как известно, и в ссылках продолжали свою разрушительную антигосударственную деятельность. Те мстили ему: подожгли архиерейский дом, где сгорели библиотека и архив, и хотели убить самого епископа Макария (Невского). Томской епархией он управлял с 1895 по 1912 годы, где в 1906-м был возведен в сан архиепископа. Всего духоносный старец прожил 90 лет, из которых 71 год прослужил в Русской Православной Церкви, в том числе 42 года в архиерейском сане.

Последнее заседание Святейшего Синода в старом составе состоялось 26 февраля 1917 года. Не искушая судьбу, заблаговременно исчез из города обер-прокурор Н.И. Раев. И вовремя. Временное Правительство немедленно назначило на этот пост своего ставленника В.Н. Львова. Он тут же убрал со столичной кафедры митрополита Питирима (Окнова). Его для позора «в полном святительском облачении посадили в разбитый автомобиль и с гиканьем и криками целый день возили по городу».

В конце марта очередь дошла и до Высокопреосвященнейшего Макария (Невского). Он якобы «по просьбе духовенства» был уволен «на покой» и обосновался в Чудовом монастыре Московского Кремля. На Московскую кафедру перевели архиепископа Литовского Тихона (Белавина). Как раз тогда и суждено было случиться, пожалуй, самому главному событию в жизни высокодуховного старца, митрополита-молитвенника Макария (Невского), который в 1921 году стал известен знаменитому духовному писателю С.А. Нилусу. Он привел его в одной из своих последних книг, откуда дивное откровение, речь идет именно о нем, перекочевало в авторитетный и многократно переиздававшийся сборник «Россия перед Вторым Пришествием» замечательного современного историка С.В. Фомина. Вот как преподнес своим читателям и любителям церковной истории это видение Сергей Александрович:

«Вскоре после революции 1917 года митрополит Московский Макарий, незаконно удаленный с кафедры «Временным правительством», муж поистине «яко един от древних», видел сон:

- Вижу я, - так передавал он одному моему другу, - поле. По тропинке идет Спаситель. Я за ним и все твержу.

- Господи, иду за Тобой!

А Он, оборачиваясь ко мне, все отвечает:

- Иди за Мной!

Наконец, подошли мы к громадной арке, разукрашенной цветами. На пороге арки Спаситель обернулся ко мне и вновь сказал:

- Иди за Мной!

И вошел в чудный сад, а я остался на пороге и проснулся.

Заснувши вскоре, я вижу себя стоящим в той же арке, а за нею со Спасителем стоит Государь Николай Александрович. Спаситель говорит Государю: - Видишь в Моих руках две чаши: вот это горькая для твоего народа, а другая сладкая для тебя.

Государь падает на колени и долго молит Господа дать ему выпить горькую чашу вместо его народа. Господь долго не соглашался, а Государь все неотступно молил. Тогда Спаситель вынул из горькой чаши большой раскаленный уголь и положил его Государю на ладонь. Государь начал перекладывать уголь с ладони на ладонь и в то же время телом просветляться, пока не стал весь пресветлый, как светлый дух.

На этом я опять проснулся.

Заснув вторично, я вижу громадное поле, покрытое цветами. Стоит среди поля Государь, окруженный множеством народа, и своими руками раздает ему манну. Незримый голос в это время говорит:

- Государь взял вину русского народа на себя, и русский народ прощен».

Келейница всеми почитаемого старца Николая Гурьянова с острова Талабск Псковского озера схимонахиня Николая (Гроян) пишет по поводу этого чуда: «Видение, бывшее митрополиту Макарию Московскому (Невскому), Батюшка (в тайном монашестве схиепископ Нектарий. - В. Ц.) считал сугубым откровением о духовном небесном избранничестве царя и о спасении Русской Церкви.

По толкованию святых отцов и учителей Церкви (Василия Великого, Блаженного Феодорита), - продолжает она, - горящий уголь, взимаемый с Алтаря Божия, попяляет как огонь все нечистое в человеке - беззаконие и грех, - Благодатию Божией очищая и просветляя.

Государь император, святой царь Николай, вымолив у Спасителя горькую чашу, принимает раскаленный уголь, вынутый Спасителем из чаши, очищается и просветляется всем естеством Своим и возьмет на Себя грехи народа Русского, народа богоносца, так тяжко согрешившего, падшего, но сохранившего в недрах своих веру во Христа и явившего множество святых угодников Божиих, молитвами и предстательством коих отвергается греха и пламенно взыскует покаяния и Царствия Небесного.

Под сокровенной манной можно разуметь Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, Кои приемлются верующими в таинстве Евхаристии. Это таинство является Божественным даром, веруем мы несомненно, не отнятым у русского народа, - свершением Божественной Литургии, сохранением Церкви Земной Воинствующей - ценной жертвы сонма русских мучеников, страстотерпцев, исповедников и преподобных, звездой пресветлой среди коих сияет многострадальный царь-искупитель Николай».

Вот какие глубокие мысли навеяло дивное видение митрополиту Макарию (Невскому) 1917 года.

Но чудеса, связанные с ним, не кончились одним только этим выдающимся событием в истории Церкви. Новая революционная смута повлекла сокрушение всех вековых устоев самодержавной России, глумление над духовными святынями и их твердыми приверженцами. Престарелого митрополита решили арестовать, послав для этого вооруженный отряд в Чудову обитель Кремля. На подходе к келье владыки весь отряд вдруг ослеп. Поняв в чем дело, несчастные приползли к нему, испрашивая прощения у духоносного старца.

Не желая подвергать себя новой опасности, святитель перебрался в Николо-Угрешский монастырь. Но и туда послали отряд. Однако на пути к обители его накрыл плотный туман. Беспомощно проплутав в нем, отряд так и не нашел дорогу в монастырь, вернувшись обратно ни с чем.

Так Господь дважды чудесно спас Своего угодника от ареста революционными властями.

Думается, что происходящее сегодня воплощает в реальность давние чаяния видного иерарха Церкви, митрополита Антония (Храповицкого), писавшего в начале минувшего века: «Будем надеяться, что наша твердость в вере... мало-помалу воспитает в России новые поколения людей, более смелых, которые... опять вознесут на высоту православный обычай жития, исполненный молитв, воздержания и смирения, так что теперешний растленный дух, в котором пребывают жители городов, предастся забвению, и наша Русь, возродившись от простого народа, снова от веру до низу станет... поистине Русью Святою, какою она была 200 лет тому назад и ранее».

НЕ ЗОЛУШКА, А ВОЛШЕБНИЦА

Истоки

В семье Юли Никитюк все по отцовской линии были художниками-любителями, художниками по духу, по мироощущению. Отец мастерски копировал работы известных художников, рисовал картины по фотографиям. Но всю жизнь проработал в строительном тресте на разных должностях. Надо было содержать семью - росли две дочери. И маленькой Юле очень нравился загадочный мир образов и красок, он ее манил и очаровывал. В детском саду Юля лучше всех рисовала и лучше других лепила каких-то зайчиков, белочек, поросят. А потом была художественная школа, художественное училище и художественный институт. Так Юля осуществила мечту отца в своей жизни.

В семье Никитюк у всех были «золотые руки»: у отца, у самой Юли, ее сестры и дочери. Отец очень любил резьбу по дереву. Дачный домик родителей Юли весь стоял в деревянных кружевах. И до сих пор отец сам делает подрамники для своей дочери, хотя уже давно на пенсии. А от мамы Юле достались работоспособность, усидчивость, умение добиваться своей цели и сильный характер. В Юле счастливо соединились высокий полет мысли и способность организовывать жизненное пространство, решать вполне земные задачи.

Все подвластно

Юлия Никитюк яркой кометой ворвалась на художественный небосклон города и края со своей неумной брызжущей энергией, молодым азартом, безграничной любовью к живописи и огромным трудолюбием. По своей природе она человек очень общительный и любознательный. Ее спрашивали: вы художник какого направления, стиля? Кто вы - портретист, пейзажист? Юля отвечала: «Я люблю все, мне все интересно, многое вызывает восторг и желание отобразить это на холсте». Обладая хорошей профессиональной подготовкой, художница пробовала свои силы в различных жанрах: натюрморт, пейзаж, портрет...

Искусствовед Наталья Царева вспоминала, что уже на первой своей выставке в 1993 году Никитюк представила очень много своих работ, удивив всех и разнообразием, и работоспособностью. Ее сразу заметили.

«В творчестве Юлии Никитюк чувствуется близкое знакомство с работами старых мастеров-живописцев, - отмечала Царева. - В ее натюрмортах заметен интерес автора к голландской живописи, а в пейзажных работах есть параллели с работами французских импрессионистов».

Натюрморты

В натюрмортах с предметами: «Апельсиновый сок», «Яблочки», «Натюрморт», «Тет-а-тет», «Натюрморт с сыром» видно неиссякаемое жизнелюбие художницы, ее умение видеть красоту в самых обыденных вещах. Причем детали выписаны очень точно. Фактура предметов ощущается почти физически: шелковая гладкость узорчатой скатерти, затейливая паутина кружева, тяжесть старинного польского кубка, бархат персика, маслянистые, мягкие блики на ягодах виноградной кисти.

Натюрморты с цветами - особая страница в творческой судьбе Никитюк, для которой чрезвычайно важен принцип красоты в жизни и искусстве. До сих пор Юлия отказывается понимать, в чем может быть ценность неэстетичной картины, вызывающей ужас или отвращение. Однажды, в конце 90-х годов ее работы выставались в Новокузнецке в рамках рок-фестиваля, вкуче с «произведениями» художников-абстракционистов. Тогда атмосфера, в которой слились дисгармоничная рок-музыка и образы абстрактных картин в тяжелых грязных тонах, так угнетающе подействовала на Юлю, что ей стало физически плохо.

На ее полотнах рождается прекрасный ликующий мир цветов, то радующих глаз буйной яркостью, то трогаящих душу нежной пастельной гаммой: «Пионы», «Весенний букет», «Ромашки», «Лилии», «Букетик», «Полевые цветы».

«Раньше мне думалось, что надо сделать что-то глобальное, эпохальное, как «Боярыня Морозова» Сурикова, например», - в разговоре со мной вспоминала Юлия. Но затем она пришла к мысли, что глупо стремиться во что бы то ни стало оставить некий «след в живописи». Нужно просто быть самим собой, быть искренней в своем творчестве, как Сезанн или Ван Гог. Поэтому Юлия уже не мечтает ни о каких станковых эпохальных картинах. Для нее это не актуально. Художница любит рисовать цветы и пейзажи - это ее мир. «И если моя персональная выставка будет состоять только из натюрмортов цветов - пусть будет так!» - подвела черту Юлия.

Пейзажи

Пейзажи Юлии Никитюк: «Лето», «Берега Катуня», «Краски осени», «После дождя», «Первый снег», «Солнечный денек», «Весенний вечер в горах Алтая» не менее интересны, чем ее натюрморты. Ее картины наполнены любовью к окружающему миру и светлой радостью бытия. При этом многие свои пейзажные работы она делала по фотографиям. Фотоаппарат - верный Юлин помощник.

«Конкретного пейзажа вообще нет у меня, - объясняет Юлия. - Есть какое-то внутреннее состояние, впечатление от увиденного, которое я удерживаю в себе. С определенного места я делаю много фотографий. Потом долго их рассматриваю, осмысливаю. И складывается цельная картина, какая-то сборная ситуация, окрашенная эмоциями, переживаниями, отражающая мое внутреннее состояние».

- А где это? - спрашивают потом зрители.

- Да нигде! - отвечает Юлия мысленно.

- Я здесь был! - говорят знакомые.

- Да не мог ты здесь быть, потому что этого места вообще нет! - улыбается молча в ответ.

Но художница очень любит и пленэрные этюды, любит писать с натуры. Когда преподавала в вузе и ездила со своими студентами в Петербург, появились городские пейзажи Северной столицы: «Исаакиевский собор», «Смольный монастырь в Санкт-Петербурге», «Банковский мостик», «Собор Спаса на крови» и др. Очень привлекательны городские пейзажи Барнаула в Юлином исполнении: «Старый город», «Старый Барнаул»...

Искусствовед Вера Сазонова обращала внимание на то, что преподаватель художественного института В. Харламов привил Юлии Никитюк вкус и любовь к тра-

дициям московской живописи начала века. Для этой манеры характерно уютное, камерное отображение красоты окружающего мира. Даже большую площадь или многолюдный проспект Юля так любовно обживает, что на картине они становятся уютными и родными.

Портреты

На протяжении всей творческой жизни художница работала в жанре портрета. К портрету обращаются немногие живописцы, поскольку изобразить человека не просто похожего, а передать его внутренний мир и характер очень сложно. Чтобы проникнуть во внутренний мир героя своего полотна, надо быть хорошим психологом, а чтобы отобразить его на холсте - профессионалом высокого уровня.

А Юля легко берется писать портреты, и они ей удаются. Ее герои (чаще - героини) изображаются на фоне интерьера, и окружающие предметы помогают раскрыть образ. Юлии Никитюк доставляет удовольствие писать причудливые костюмы, красивые шелковые и бархатные ткани, мягкую кожу и драгоценные камни. Портреты эти постановочные - нарядные и парадные. Так художница стремится сделать мир более интересным, более ярким. Юля старается приподнять своих героинь над обыденностью, бытом. Вложить в них чувство собственного достоинства в предстоянии пред Вечностью. «В какой-то степени я вкладываю в них свою суть, - подчеркивает художница. - Это я везде на моих портретах».

Новые веяния

Когда художник достигает мастерства во многом, когда одинаково силен в разных жанрах, ему становится тесно в рамках строгой академической манеры и пора сделать новый шаг. Он ищет, размышляет, мечется. И в какой-то момент прорастает... новым.

В октябре 2001 г. в выставочном зале Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая проходила выставка Юлии Никитюк «И боль, и грезы, и любовь». На ней художница неожиданно предстала перед зрителями в новом качестве. «Перед нами новый художник», - подчеркивал Игорь Коротков, бывший тогда еще заместителем директора этого музея. В представленных композициях в стиле модерн нашли отражения ее переживания, любовь, одиночество, мысли о вечном. В них языком линии, цветового пятна и пластики художница пытается поведать миру о том, что ее волнует, что волнует женщин в этом мужском мире.

«Это фантазии?... Нет, это жизнь», - говорила Юля о своих новых картинах. Чаще всего зрители видят женщин на картинах такими, какими их представляют мужчины. В ее же работах раскрывается подлинный внутренний мир женщины. На картине «Любовь» пленительная женщина раскрывается, как прекрасный цветок, в сочно-красном индийском костюме, изумляя чувственностью изгибов тела и множеством рук. Обжигает чувства композиция «Ракушка». Предельно сжавшаяся в комочек женщина напоминает отшлифованный морскими волнами камешек. Это комок нервов, в котором сконцентрировалась вся боль мира. Невозможно пройти равнодушно мимо таких работ, как «Бездна», «Шум крыльев», «Мотыльки», «Река забвения», «Шаманка», «Леда», «Одиночество». Художницу иногда спрашивают, почему все героини ее композиций полубнаженные и обнаженные. Это - образ обнаженной женской души.

Очень оригинальны, самобытны ее последние композиции 2011 г. в стиле модерн: «Поцелуй» и «Возрождение Хатшепсут». Обе работы пришли как откровение свыше. Образы внезапно родились в сознании художницы, а позднее она дополнила их некоторыми деталями. «Поцелуй» связан с рождением долгожданного внука, а египетская тема, образ царицы Хатшепсут давно волновал и интересовал Юлю.

Художница считает модерн вершиной изобразительного искусства, так как в нем сходится умение отображать, духовность и принцип красоты - очень тонкое перепле-

тение. Модерн требует метафорического, иносказательного мышления, очень своеобразного видения мира. Кстати, любимые художники Юлии Никитюк - это художники-модернисты: Густав Климт (Австрия), Лев Бакст (Россия) и Альфонс Муха (Чехия).

Окно в Европу

В ноябре 2000 г. в выставочном зале Государственного художественного музея проходила персональная выставка работ Юлии Никитюк «Окно в Европу». В день открытия звучали поздравления от представителей краевой и городской администраций, Союза художников, Российско-немецкого дома и гостей из немецкого города Юбах-Паленберг. Гости из Германии были неожиданны для непосвященных, но не для Юлии.

Два года назад у нее в этом городе прошла выставка по частному приглашению. В наше время такое событие происходит далеко не каждый год. Организаторы взяли на себя все заботы: проезд, проживание, изготовление подрамников, рекламные плакаты, приглашения, фуршет. Выставкой занимались два спонсора - региональный банк и мэрия. «Еще ни один художник не приезжал в Юбах-Паленберг за 6000 тысяч километров, чтобы сделать свою выставку», - сказал бургомистр города и покровитель выставки Пауль Шмидт Крель. А затем был восторженный прием, внимание зрителей, заказы и поездки в Голландию, Бельгию и Францию. Знакомство с шедеврами Лувра, наблюдения, зарисовки, этюды... Экономя на сне, Юля впитывала впечатления и работала, работала, работала. Юля за время поездки в Германию успела продать четырнадцать работ! А в Барнауле ее картины украшают стены мастерской.

И вот - выставка на родине. Картины, на которых русский реализм слился с европейской утонченностью.

С особой любовью Юля изобразила архитектурные памятники Европы: «Собор святого Мартина. Кельн», «Собор Парижской Богоматери», «Амстердам. Церковь св. Николая». Влечение к архитектурным формам появилось у нее давно и, наверное, надолго.

Центром выставки, бесспорно, был «Домский собор в Кельне». Минимум красок. Темная, устремленная ввысь громада каменного кружева, воплотившая в себе мистические образы готики. «Я очень рад видеть в Выставочном зале Барнаула эту картину, - сказал на открытии выставки Пауль Шмидт Крель, - ведь Кельн - это моя родина».

Надо отметить, что художница на своих полотнах умеет талантливо изобразить сам дух чужой страны, ее сущность, умело используя соответствующие национальные художественные традиции. Поэтому картина «Сена. Париж» с ее дымчатой палитрой и размытыми контурами явно тяготеет к импрессионистам; «Старая Голландия» по своей лиричности вполне может сравниться с пейзажами нидерландских художников; от нарочито четких очертаний «Домского собора в Кельне» веет средневековой готикой «сумрачного германского гения».

Но художница уверена, что как бы на Западе хорошо ни было, каждый должен творить там, где он родился и вырос. Можно много путешествовать, но необходимо возвращаться в свое гнездо. По-настоящему понять творчество русского художника может только свой зритель.

Еще одна грань

В 1995 г. впервые на Алтае была начата подготовка специалистов высшего звена по архитектуре и дизайну в Алтайском государственном техническом университете. Качественное обновление кафедры архитектуры связано с именами архитектора Сергея Поморова и заслуженного работника культуры РФ, известного на Алтае художника, дизайнера и педагога Владимира Раменского. В состав кафедры входила и секция изобразительных искусств.

Что студенты первых наборов, что преподаватели были люди совершенно уникальные. Бешеная энергия, море таланта и огромное стремление стать дизайнером-

ми столичного уровня. Учились не просто на совесть - с удовольствием, не обращая особого внимания на время суток. Поэтому никто не удивился, когда ректор АлтГТУ Владимир Евстигнеев организовал «государство в государстве» - в составе технического университета появился Институт дизайна и архитектуры (Индизарх). Директору института Сергею Поморову удалось сформировать высокопрофессиональный, творческий преподавательский коллектив.

Кафедра изобразительных искусств как таковая появилась в 2002 г. Основатель и первый заведующий кафедрой - известный в крае художник и монументалист Владимир Добровольский. С кафедрой сотрудничали представители ведущих российских школ изобразительного искусства из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Владивостока. Преподавались основные художественные дисциплины: рисунок, живопись, скульптура. Проводились научные изыскания. При этом активная практическая художественная деятельность была обязательным условием работы на кафедре. Поэтому регулярно проводились отчетные выставки преподавателей.

Юлия Никитюк работала в Индизархе с удовольствием, самозабвенно, с полной отдачей. Впрочем, максимализм, стремление отдаться творчеству без остатка - это вообще ее стиль жизни. Никитюк, несомненно, обладает педагогическим даром. Сама по себе она человек светлый, щедрый, открытый. Есть чем поделиться с новыми поколениями талантливой художественной молодежи. Но как бы не был хорош педагог, бесталанного в художественном творчестве человека нельзя научить быть творцом. Можно получить художественное образование, научиться «рисовать правильно» и быть ремесленником в работе. А можно без специального образования стать настоящим художником, поскольку это - дар небесный. О себе Юля говорит: «Мне надо рисовать! Я не могу без этого. Если не занимаюсь живописью какое-то время, просто начинаю болеть».

Сегодня у Юлии Никитюк есть арт-студия, где она обучает детей и взрослых рисунку и живописи. Юля уверена, что в принципе научить рисовать можно любого, кто обладает стремлением и усидчивостью. В основном люди приходят совершенно неподготовленные. Учатся всему с нуля: держать карандаш, пользоваться резинкой и бумагой, учатся штриховать и компоновать. Старшая группа около двух недель работает только карандашом, потом идет мягкий материал: пастель, сангина, соус. В младшей группе почти сразу начинают рисовать акварелью - детям скучновато работать карандашом.

Юля видит, как меняются люди в процессе занятий. Раскрепощаются, происходит какое-то внутреннее освобождение. Ученики говорят своему педагогу, что стали мир по-другому видеть, как будто приподнялись над обыденностью, к ним приходит другое ощущение жизни.

- А ты ощущаешь себя счастливым человеком?

- Да, я счастливый человек! Счастье - это состояние души. Я получаю радость от каждого дня, от самого процесса жизни.

Юля сказала мне, что в детстве ее любимой сказкой была «Золушка». И сама себя в жизни она представляла Золушкой, которая работала день и ночь. И вдруг в какой-то момент (как озарение!) пришло осознание: нет, не Золушка я, а Волшебница. «Я сама творю свой мир, наполняя его Светом, Добром, Любовью и Радостью. Сама создаю Чудо на холстах и в жизни!»

У Юлии Никитюк есть мечта - создать культурно-образовательный центр в Барнауле. Уже есть единомышленники, ведутся переговоры с заинтересованными людьми. «Очень хочется поднять уровень культуры в городе, планку духовности и нравственности», - заканчивает Юля.

Я думаю, у нее получится. Она же - Волшебница!

Портрет дочери

Болотце

